

ШИТКИНСКИЙ ПАРТИЗАНСКИЙ ФРОНТ

Сентябрь 1942 — декабрь 1944 гг.

*Васильевский
и другие*

Автор В.М. Чернышев

Адольфо Брианчи Чиралес родился в 1911 году в Панамоу.
В 1938—37 гг. служил в армии, затем работал в газетах в г. Сан-
то-Доминго и в журнале ТАСО в Баранкине.
В 1939 году был арестован по 26-й статье УВ РСФСР на шесть лет
железные работы в исправительно-трудовой
лагере. В 1942 году за то же дело арестован повторно. Брианчи
отбыл шесть месяцев в г. Чирикотте, срок не закончился.
В армию попал он в 1943 году в качестве в Тринидаде и Тобаго
на станции Суэток. Здесь Адольфо Брианчи работал в больнице
техническим рентгенологом, занимался литературной творчеством,
общественной деятельностью, увлекался историей Панамского
патриотического фронта, изучал историю этих мест времени в г. Сан-
то-Доминго. Чиралес был редактором Санто-Доминго
ежедневной и районной газеты, большая часть которой
редактировал в панамском издании. В это время он
был трижды заключен, в том числе заключенным
участием в организации борьбы. Брианчи победил
как человек, рождая в то время, когда это историческое
кредитное здание.

Адольфо Брианчи умер в 1981 году.

» Перед нами прямой и откровенный рассказ о политических перипетиях, боевых событиях, трудовых буднях и т.д. Тексты пронизывают читателя «духом эпохи», не навязывая определенных выводов, позволяя делать самостоятельные умозаключения по различным аспектам прошлого.

*П. А. Новиков,
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории и философии
Иркутского национального
исследовательского технического университета*

Уважаемые тайщеты!

Перед вами интереснейшая книга. Результат многолетней кропотливой работы Адольфа Юрьевича Черневского, она, можно сказать без преувеличения, стала неотъемлемой частью культурно-исторического наследия нашего района. Выражаю признательность всем, чьими усилиями это издание увидело свет: специалистам архивного отдела администрации района, районной межпоселенческой и детской библиотек п. Шиткино, автору-составителю Е. С. Селезневу. Именно они сохранили для нас личный архив Адольфа Юрьевича. Благодарю также всех заинтересованных людей, чьи благотворительные взносы позволили выпустить книгу.

Трудно переоценить ее значение. Эти правдивые записи дадут возможность вдумчивому читателю составить ясное представление о событиях в Тайшетском районе на заре советской власти, о борьбе шиткинских партизан. Только в сопоставлении воспоминаний участников событий и официальной их трактовки формируется более или менее объективное представление о происходившем.

Мне было чрезвычайно интересно читать о переселении крестьян в Сибирь при П. А. Столыпине, об укладе их жизни, о внутрисельских и семейных связях, о первых тайшетских династиях, об устройстве крестьянских хозяйств и промыслах. Ведь именно трудом переселенцев была основана большая часть деревень и сел, освоены сельскохозяйственные и лесные угодья Тайшетского района. Встречая на страницах книги фамилии первых поселенцев бирюсинской и чунской долин, с удовольствием отмечаешь, что лично знаком с их потомками: Кочергиными, Москвитинными, Рупосовыми, Мамаевыми, Рукосуевыми, Брюхановыми, Смолиными, Офицеровыми и многими-многими другими. Представители этих династий живут и трудятся на Тайшетской земле более столетия. О таких людях говорят: соль нашей земли.

*А. В. Величко,
мэр Тайшетского района*

Уважаемые земляки!

В далеком или относительно близком прошлом — ответы на многие вопросы современного уклада нашей жизни. Описание этого прошлого, то есть историко-краеведческие книги, рассказывающие о Тайшетском районе, должны служить жизни. И они выполняют эту роль. Множество мельчайших исторических фактов, предъявленных краеведами в своих работах, создает связанные и устойчивые картины, рассмотрение которых формирует в нас чувство причастности к истории, ответственности за то, что мы делаем сегодня. По мнению известного немецкого мыслителя Ф. Ницше, история зависит от психологических особенностей людей и подразделяется на три вида: монументальная, антикварная и критическая. Первая дает образцы для подражания, вторая призывает уважать прошлое своего народа, третья учит периодически подвергать критике исторические представления о прошлом.

Прошу простить меня за длинный экскурс в философию немецкого мыслителя, но именно его представления об истории создают основу для оценки воспоминаний о Гражданской войне, собранных А. Ю. Черневским. Это краеведческое издание, подготовленное Е. С. Селезевым, относится одновременно ко всем трем родам истории: чтение воспоминаний побуждает подражать настоящим героям, уважительно и конструктивно критиковать наше прошлое, сохраняя все его материальные и духовные свидетельства. Уважительно и конструктивно критиковать возможно лишь при доскональном знании истории.

С большим удовольствием прочел фрагменты рукописи книги и отдаю дань за поздалого уважения трудам краеведа А. Ю. Черневского.

*Е. А. Пискун,
председатель Думы Тайшетского района*

АМБАРНЫЕ КНИГИ

Адольфа Черневского

Сборник воспоминаний тайшетцев
о Гражданской войне и Шиткинском партизанском фронте

1919—1920 гг.

Красноярск
«Сибирские промыслы»
2018

Амбарные книги Адольфа Черневского : Сборник воспоминаний тайшетцев о Гражданской войне и Шиткинском партизанском фронте, 1919—1920 гг. /сост., Е. С. Селезнев ; вступ. статьи Е.С. Селезнева, П.А. Новикова. — Красноярск : Сибирские промыслы, 2018. — с.

Составитель, автор вступительных статей Е. С. Селезнев

В сборник вошли воспоминания более двухсот жителей Тайшетского, Чунского, Кежемского районов Иркутской области о партизанской борьбе 1919—1920 гг. в северо-западной части Среднего Приангарья. Участники и свидетели событий рассказывают не только о боевых действиях, но и о революционных событиях кануна войны, о людях, быте, хозяйственном укладе, промыслах, основателях переселенческих и старожильческих сел, деревень, заимок Тайшетской, Конторской, Шелаевской, Шелеховской, Неванской и др. волостей тайшетско-шиткинско-чунскимх земель.

Воспоминания были записаны, получены в партийном архиве Иркутской области (ныне ИОЦДНИ) краеведом, внештатным корреспондентом районной газеты «Заветы Ленина» («Заря коммунизма») А. Ю. Черневским в 1960—70 гг.

Издание приурочено к 100-летию начала боевых действий на Шиткинском партизанском фронте.

Е. С. Селезнев благодарит за финансовую помощь в подготовке издания мэра Тайшетского района В. А. Величко, председателя Думы района Е. А. Пискуна, родных и друзей, коллег и бывших учеников: Д. С. Аметову, Е. Ю. и Д. Е. Багуцких, В. Д. и Л. И. Бажановых, И.Ю. Баландину, П. И. и З. А. Богдановых (с. Тренино), В. И. Богданову, В. И. Богданова, В. П. Брича, Ю. Ю. Буланкина, Н. С. Виноградову, Л. С. Гаворину (Ангарск), А. С. и И. А. Гавориных (Ангарск), Ф. Плена (филиал АО «Кертиос Консалтинг», Москва), И. В. и Е. А. Глушневых, М. И. Готовко (Черчет), Э. С. Гончарову, О. В. Дворядкину, А. Н. Дмитриева (Иркутск), А. Г. Ермилова (автобаза, г. Тайшет), О. А. и Р. А. Ильичевых (сеть магазинов «Рио»), С. Г. Комарову, И. В. Камышову, О. С. Камышову, Е. И. Карицкую, М.С. Квашенко, В. В. Коротун, Т. О. Козуб, О. Б. и И. А. Козловых, Н. В. Кочергину, О. В. Кричко, Е. Г. Круг (Бирюсинск), И. М. Круглову, А. Я. Кучину, В. Н. Лавринович, О.С. Лазаренко, В. К. Лозицкого (ООО «Водоканал»), В. П. Лопаткина, О. М. Лошкарева, В. А. Манежнову, Т. А. Миронову, Б. Г. Михалева (Бирюсинск), Л. А. Могилевич, О. Г. Нечепорчук, Т. Н. Наумову (Бирюсинск), Д. Б. Никифорову (сеть магазинов «Бегемотик»), П. А. Новикова (Иркутск), Г. И. Огородникову и коллектив школы (Черчет), Т. Ю. Остапчук и коллектив Шиткинской межпоселенческой библиотеки (п. Шиткино), иерея о. Владимира ((Иниц.?)Рапацевич), Е. А. Пехтереву, Т. Б. и В. Ю. Понкратьевых, Л. А. и А. В. Проскуряковых, Б. А. Романова, А. И. Ротаря (с. Березовка), А. Ю. и Л. А. Рубцовых, О. В. Рясную, А. А. Сайкова (ООО «Модуль»), А. Ф. Сафарову (магазин «Стройбаза»), Н. Г. Ситникову, А. Е. и М. А. Селезневых (Красноярск), П. Е. Селезеву-Плен (Москва), С. А. Семенова, О. В. Сидорову, Е. С. и Д. Н. Сидоренко (магазин «Сапфир»), Н. В. Сычову, Е. С. Тарасову (Улан-Удэ), А. И. Тагаринова, А. С. и Д. А. Толмачевых, О. В. и А. Н. Фокиных, С. А. Черневского (Москва), М. П. Чернышову (Бирюсинск), С. Н. Чичова (Черчет), М. Н. Шаркову, В. Ю. Шпакова, А. В. Шутова (сеть магазинов «Енисей», Тайшет).

© Селезнев Е. С., составление, вступительные статьи, 2018

© Новиков П. А., вступительная статья

«Осмысление национального опыта», 2018

© Оформление.

ООО «Издательский Дом «Сибирские промыслы», 2018

Адольф Юрьевич Черневский родился 25 января 1911 года (7 февраля по ст. ст.) в Ленинграде, литовец по происхождению. В годы революции и Гражданской войны семья Черневских переехала в Старый Оскол Курской губернии. Здесь Адольф окончил среднюю школу, а потом в одном из воронежских техникумов получил профессию преподавателя немецкого языка.

Семья Адольфа Юрьевича: отец Иержий (Юрий) Иосифович (8.10.1876 — 11.01.1947), мать Милионис (Анна) Людвиковна (11.07.1884 — 10.01.1944), брат Валентин Юрьевич (8.12.1908 — 21.08.1939), инженер лесного транспорта. Родители похоронены в г. Старый Оскол.

Адольф увлекся литературой еще в детстве, ходил в городскую библиотеку и, как вспоминал позже, «кроме школьного литературного кружка, посещал городской литературно-творческий кружок молодежи, которым руководил только начинающий еще тогда, а впоследствии известный советский писатель Дмитрий Иванович Крутиков».

С 1935-го по 1937 год служил в армии (в военном билете запись: «пулеметчик»), затем работал в газете г. Елец, позже, и на момент ареста, — в межобластном отделении ТАСС в Воронеже. Занимался велосипедным спортом.

Жена Адольфа Юрьевича, Ольга Степановна, работала преподавателем в воронежской школе № 7. Супруги Черневские жили по адресу: ул. Венецкой, дом 28, кв. 3. По материалам следственного дела, детей у них не было.

5 апреля 1938 года Адольф Юрьевич был арестован Управлением НКВД Воронежской области по делу Шабанова и Сопрыкина, якобы завербовавших Черневского в антисоветскую группу. Приговор был вынесен 23 октября 1938 года в Воронеже на выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР: десять лет тюремного заключения за участие в антисоветской троцкистской террористической и вредительской группе, которая якобы действовала при редакции газеты «Красное знамя» в г. Новый Оскол, — статьи 58-пункт 7, 58-8, 58-11 УК РСФСР.

Вторично А. Ю. Черневский был арестован 20 сентября 1950 года Новосибирским управлением Министерства государственной безопасности и сослан на поселение постановлением от 23 декабря 1950 года. Реабилитирован 14 июля 1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР.

В биографии А. Ю. Черневского много невыясненных моментов. Не установлено, к примеру, место отбывания заключения. По воспоминаниям его сыновей, это мог быть Норильский ИТЛ или иной в окрестностях города-комбината. Возможно, из этого лагеря, по неизвестной нам причине, Адольфа Юрьевича отправили в один из лагерных пунктов особого, а затем обычного ИТЛ под названием «Озерный». Вероятно, этот лагпункт находился вблизи железнодорожной станции Топорок на западном участке БАМа.

Здесь располагалась центральная лагерная больница для заключенных, где, возможно, рентген-техником и трудился заключенный Черневский. По воспоминаниям родственников, Адольф Юрьевич не объяснял, как он получил эту профессию, вполне вероятно, что именно в заключении.

На то, что Топорок, находившийся рядом с поселком Квиток, был местом заключения Черневского, указывает и то, что второй его женой стала жительница Квитка Галина Абрамовна (по мужу Михалева, урожденная Москвитина), работавшая в поселке продавцом.

Из Топорка Черневского перевели на поселение в поселки Косманка, Большие Кулики Северного района Новосибирской области, где он и был вторично арестован. Г. А. Михалева с маленьким своим сыном Борисом едет с мужем. В 1953 году здесь, в ссылке, у родился Сергей.

По детским воспоминаниям Бориса (он родился в Квитке в 1947 году) можно восстановить путь Черневских: Топорок — Косманка — Суетиха. Все это спецпоселки, и скорее всего жили там они не по своей воле. Хотя рядом с Суетихой деревня Авдюшино, родина Г. А. Михалевой. Возможно, этим и объясняется, почему семья обосновалась в Суетихе. Здесь в 1954 году Адольф Юрьевич и Галина Абрамовна зарегистрировали брак.

В Суетихе А. Ю. Черневский работал рентген-техником в больнице, изредка выполнял обязанности участкового фельдшера. В его семье росли четыре сына: Борис и Володя (родился в 1944 году, где именно, не помнит никто из ныне живущих родных и близких) от первого брака Галины Абрамовны, Сергей и Вадим — их общие дети.

Адольф Юрьевич занимался литературным творчеством и общественной деятельностью. Вступил в КПСС, избирался секретарем первичной организации коммунистов Суетихинской больницы, заведовал избирательным участком. Очень много и плодотворно занимался изучением истории Шиткинского партизанского фронта.

Приказом № 193 от 17 октября 1966 года А. Ю. Черневский был отправлен на пенсию по старости на льготных условиях, с освобождением от работы с 21 октября 1966 года. В связи с уходом на заслуженный отдых — приказом заведующего больницей № 190 от 11.10.1966 года — ему была объявлена благодарность «за безупречную многолетнюю работу рентген-лаборантом больницы» и присвоено звание почетного сотрудника Суетихинской больницы.

В 1960 году Адольф Юрьевич вступил в Союз журналистов СССР (Тайшетское отделение), в 1973 г. ему присвоена премия им. М. Цветкова, учрежденная редакцией газеты «Заря коммунизма» для поощрения лучших селькоров.

Уже на пенсии, в 1968—1969 гг., Черневский работал корреспондентом, замещал редактора в газете «Красноярский рабочий», надеялся на переезд в Красноярск, но квартиру от редакции получить не удалось.

Галина Абрамовна заведовала сберегательной кассой в Бирюсинске, тяжело заболела и умерла 17 декабря 1975 года. Адольф Юрьевич прожил без нее еще шестнадцать лет и умер 9 сентября 1991 года. Супруги похоронены в Бирюсинске.

Адольф Юрьевич Черневский оставил большое историко-культурное наследие, познакомиться с которым и оценить по достоинству предстоит нынешнему поколению тайшетцев. Издание его записей в амбарных книгах лишь первый шаг на этом пути.

ОСМЫСЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ОПЫТА

Почему люди интересуются прошлым, зачем изучают историю своей Родины? Первый русский историк Василий Никитич Татищев писал в уже далеком XVIII веке: «Всякому человеку нужно знать, что в истории не токмо нравы, поступки и дела, но ис того происходящие приключения описуются, яко мудрым, правосудным, милостивым, храбрым, постоянным и верным — честь, слава и благополучие, а порочным, несмысленным лихоимцам, скупым, робким, превратным и неверным — бесчестие, поношение и оскорбление вечное последуют, из которого всяк обучаться может, чтобы первого приобрести, а другого избежать». Таким образом, и отдельная личность, и общество в целом ожидали от истории наглядной поучительности, искали в ней наставительности, способной стать путеводителем, инструкцией для современных и будущих действий и поступков. Ответственна и почетна задача распространения достоверных знаний, позволяющих уверенно ориентироваться в настоящем и строить осмысленное желанное будущее.

В этой связи исключительную ценность представляет любой документ, свидетельство, высказывание о прошлом. К сожалению, приходится признать, что советский период освещен в сохранившихся воспоминаниях весьма фрагментарно. Очевидно наличие огромных пробелов, как в общем количестве, так и в смысловом содержании именно мемуарных материалов. Например, немногие русские и советские военачальники оставили воспоминания, из написавших не все опубликовали. Ведение дневников в СССР не приветствовалось, а на фронте прямо запрещалось, издание мемуаров было затруднено, сдерживающую роль играла самоцензура и цензура и т.д. В советской литературе сложилась стройная система канонизации и героизации действий большевиков, сформировался набор догм и стереотипов. Официальная пропаганда бесцеремонно и потребительски обращалась с военными героями, неоднократно демонстрируя переход от трескучей похвальбы к глухому замалчиванию роли тех или иных персоналий.

Допущенные советскими историками обширные умолчания были использованы западными, а затем и частью постсоветских российских авторов, как повод для развернутой критики или огульного опровержения советской концепции. Распад СССР разрушил многие стереотипы, низверг ценностные ориентиры, обеспечил плюрализм мнений и породил острую дискуссионность в трактовках прошлого. Исследователи получили доступ к ранее закрытым архивным материалам, расширились возможности привлечения зарубежных источников. В то же время реальностью стали попытки

подбором негативных фактов из советского прошлого и предвзятых интерпретаций найти и задействовать рычаги политического и идеологического воздействия на современную Россию.

Поэтому встает ответственная задача непредвзято и уважительно проанализировать события XX века, их краткосрочные и долгосрочные последствия. Засвидетельствованное разрушение прежних догм и стереотипов лишь подчеркивает значимость подлинного национального опыта.

Гражданская война занимает особое место в истории России. Братоубийственное кровопролитие стало величайшей национальной трагедией, навсегда определило судьбу нашей страны. Открытая вооруженная борьба в России в целом и Восточной Сибири в частности была выражением как первого этапа становления власти большевиков, так и начального сопротивления различных сил этому процессу. Братоубийственная война провела бесстрастную и неотвратимую проверку людей, идей, общественного и хозяйственного уклада. Опыт государственного и военного строительства, накопленный противостоящими сторонами, не должен игнорироваться. Перспективным представляется именно региональный подход, позволяющий проследить как общие закономерности, так и особенности реализации принятых государственных решений в регионах.

Выделение географических границ помогает «погружению» в минувшую эпоху, увеличивает детальность рассмотрения, обеспечивает гармоничный баланс между показом общего исторического контекста и выявлением местной специфики. Общеизвестно, что до середины XX века большинство граждан нашей страны проживало в сельской местности. Поэтому изучение истории в пространственных границах любого административного района Российской Федерации дает огромные перспективы, позволяя сформулировать новые обобщения и пополнить память общества дополнительной почетельной информацией.

В центре содержания каждого из публикуемых воспоминаний события Гражданской войны, нераздельным фоном которых выступает яркая и образная, но фотографически точная панорама людских судеб. Перед нами прямой и откровенный рассказ о политических перипетиях, боевых событиях, трудовых буднях и т.д. Тексты пронизывают читателя «духом эпохи», не навязывая определенных выводов, позволяя делать самостоятельные умозаключения по различным аспектам прошлого. Созданы все условия, чтобы определить причинно-следственные связи и полнее осмыслить национальный опыт. Выскажем надежду, что затронутые в настоящей публикации сюжеты найдут достойное отражение в общественном сознании, в научной литературе, в художественном творчестве (кино, прозе, живописи и т.д.)

Издание стимулирует дальнейшее осмысление истории, дает существенно уточненный массив фактов. Сведения могут быть использованы как в государственной политике, так и при написании новых научных трудов и изучении истории в вузах и школах. Книга будет интересна и полезна широкому кругу читателей. Осталось пожелать воспоминаниям многочисленных и вдумчивых читателей.

*П. А. Новиков,
заведующий кафедрой истории и философии
Иркутского национального исследовательского университета,
доцент, доктор исторических наук*

АДОЛЬФ ЧЕРНЕВСКИЙ И ЕГО АМБАРНЫЕ КНИГИ

Адольфа Юрьевича Черневского, внештатного корреспондента районной газеты, можно смело причислить к когорте тайшетских краеведов, исследователей истории Шиткинского партизанского фронта Гражданской войны в Восточной Сибири. Результаты его творческой деятельности достойны особого внимания и признания. Как и Прокопия Дмитриевича Кривоуцкого, автора широко известной в научных, краеведческих кругах книги «Шиткинские партизаны», изданной в 1934 году. Оба они, занимаясь историей партизанской борьбы, иногда прибегали научному объяснению некоторых событий. Однако между ними была существенное отличие: П. К. Кривоуцкий был мемуаристом, а А. Ю. Черневский журналистом-краеведом без специальной профессиональной подготовки.

В районной газете («Заветы Ленина», «Заря коммунизма») за 1955—1984 гг. было опубликовано 358 заметок, очерков, рассказов, переводов с немецкого языка, фельетонов, стихотворений Адольфа Юрьевича. Это хороший показатель для внештатного корреспондента, селькора, как говорили тогда.

В 1957 году Адольф Юрьевич обратился к начальному периоду истории советской власти на Тайшетско-чунской земле, к политической ссылке, событиям Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны и партизанского движения и не изменял в своем творчестве выбранной теме. В 1957—1984 годы в районной газете было опубликовано около двухсот (точное число установить невозможно из-за отсутствия в архиве бронированных номеров газет за некоторые годы) его краеведческих статей, очерков, тематических краеведческих страниц и т.д. Большая часть — это очерки о Шиткинском партизанском фронте и партизанах. Без преувеличения можно сказать: в те годы в Тайшетском и Шиткинском районе так плодотворно, как он, никто сбором и распространением краеведческих знаний не занимался. Над исследованием истории партизанского движения параллельно с Адольфом Юрьевичем работали А. Н. Лифантьев, А. И. Петров, Ф. Я. Якушенюк, А. Никонов, но такого количества публикаций не имел ни один из них.

А. Ю. Черневский, даже работая корреспондентом газеты в другом регионе — Красноярском крае («Красноярский лесник», 1968—1969 гг.), опубликовал там одну довольно большую краеведческую статью — «Конец сухопутного адмирала».

Надо отметить, что популяризацией истории родного края тайшетская районная газета стала постоянно заниматься с конца 1950-х годов. Краеведение в эти годы превращалось в широкое общественное движение. В детско-юношеской среде его целью было изучение не только истории, но и географии. Был объявлен Всесоюзный поход молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа (1965 год). В 1966 году организовано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, основной задачей которого было оказание помощи государству в их изучении и охране. Одним словом, краеведение было на подъеме. Не оказался в стороне и Тайшетский район. В 1949 году, к 52-й годовщине основания населенного пункта, в районной газете была опубликована первая краеведческая статья Л. Чуркина — «Тайшет сегодня».

Адольф Юрьевич почувствовал огромный общественно-значимый потенциал новой темы и понял, какие широкие возможности для творчества она предоставляет. 3 октября 1957 года он опубликовал свою первую краеведческую статью «Старожилы» — рассказ о первых жителях и строителях железнодорожного разъезда и станции Суетиха (г. Бирюсинск). Он первым обратился к истории заселения чунско-шиткинского-тайшетской территории и основания населенных пунктов.

Однако главной и единственной темой его литературно-краеведческого творчества стала история установления советской власти в Тайшетской, Конторской, Шелаевского волостях в годы Гражданской войны. Как известно, вооруженное противостояние политических сил приобрело здесь форму партизанской войны, без боевых действий между регулярными частями Красной и Белой армий.

Читателей, вероятно, интересовал вопрос, откуда такая осведомленность Черневского? Удивляло, к примеру, что он знал, какого цвета был страховочный шнур на нагоне Ивана Андреевича Бича-Таежного, одного из организаторов и руководителей Шиткинского фронта.

В своих статьях указаний на источники Адольф Юрьевич не делал, но всегда было ощущение, что их множество, разнообразных по содержанию и происхождению. Откуда бил этот информационный источник? Без ответа на этот вопрос нельзя вполне оценить значимость его творчества.

Небольшое отступление. Преддверье — любопытная сфера обитания человека, где формируется все необходимое для успешного пребывания в задверье, то есть в новом информационном мире. Изучение краеведческого наследия Адольфа Юрьевича есть такое обязательное преддверье. Это подготовка к шагу в историю Шиткинского партизанского фронта. Изучение собранного им материала позволяет проследить историю вооруженной борьбы в 1919 году за власть Советов в волостях западной части Среднего Прибайкалья.

По большому счету, партизанская история А. Ю. Черневского тайшетцам неизвестна, так как она существует только в газетном варианте. Читать же подшивки старых газет желающих мало, а в научных трудах нет ссылок на его краеведческие статьи или художественно-документальные очерки. Между тем они, будучи одной из разновидностей нарративных источников, имеют определенную ценность.

К сожалению, личный архив Черневского долгое время не был оформлен как положено, часть дел была утеряна, некоторые материалы попали к

людям, которые не спешили сдать их в государственное архивохранилище и пользовались, выдавая за материалы собственных, «домашних» архивов¹.

Создавая свою информационную базу, А. Ю. Черневский довольно продуктивно работал в архивах Красноярского края (ГАКК) и Иркутской областной организации КПСС (Государственный архив новейшей истории Иркутской области). Знание архивных документов и воспоминаний сделало краеведа настоящим знатоком истории Шиткинского партизанского фронта.

О его большой исследовательской работе говорят папки-накопители «Документы к истории Шиткинского партизанского фронта», с пометками, свидетельствующими, что они были изучены именно в архивах, а не только по разным публикациям и сборникам документов. В одной только папке №3 его личного фонда хранятся копии более 230 документов, обнаруженных им в архивах, плюс скопированные из разных сборников документов. Среди них есть, например, материалы так называемых партизанских комиссий, довольно редко упоминаемые в краеведческих публикациях. Тайшетские краеведы никогда их не изучали, а Адольф Юрьевич использовал в своих трудах. В этом и есть одна из его заслуг — введение в научно-краеведческий оборот редких архивных документов.

В сентябре 1960 года Черневский писал бывшему партизану Н. Е. Малееву: «Копался днями и ночами в архивах Иркутска и Красноярска, собрал массу интересных документов, на обработку которых уйдет вся зима». Он старался пополнить знания, понимая, насколько важна в историческом повествовании «документальность» и что писать о Шиткинском фронте, полагаясь лишь на воспоминания участников событий и свидетелей, нельзя. В другом письме к Н. Е. Малееву Адольф Юрьевич сокрушался: «Сейчас в нашей местной газете печатается мой очерк о красильниковском бое. Ох, и трудный этот материал! Партизаны прут, кому что в голову придет. Вот я и выворачиваюсь». Речь идет об обороне партизанами сел Бирюса и Конторка весной 1919 года от отрядов атамана Сибирского казачьего войска И. Н. Красильникова.

Работать в архивах А. Ю. Черневскому, провинциальному краеведу-любителю, было непросто — в силу банальных причин: их удаленность, отсутствие свободного времени и денег, работа, семейные дела, общественные поручения, подготовка статей для газеты и иные заботы. Тем не менее он там работал. Помимо этого в 1960—70 годы активно собирал воспоминания о Шиткинском партизанском фронте, потратив на поездки по деревням Тайшетского, Чунского, Кежемского районов много сил, время и средств, но, как показало время, дело того стоило. В 1960 году, например, на встречи лишь с семнадцатью респондентами и на запись, редактирование их воспоминаний, он затратил два месяца. А ведь, помимо этого, будучи внештатным корреспондентом «Зари коммунизма», выполнял редакционные задания, а еще составлял «Антологию партизан и подпольщиков», искал (именно искал!) и изучал публикации по революционному и партизанскому движению в Сибири. Вся его работа есть пример бескорыстного служения своей новой родине — Тайшетскому району, его истории.

¹ Гражданская война на территории Тайшетского района // Вестник районного краеведческого музея. № 2. 2014.

А. Ю. Черневский изучил документы из сибирской исторической хрестоматии М. Гудошникова², сборников «Партизанское движение в Сибири»³, «Годы огневые, годы боевые»⁴, «Документы героической борьбы»⁵, «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии»⁶, «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии»⁷, «Шиткинские партизаны»⁸. Это существенно расширило источниковедческую базу его исследований и газетных статей. Она была уже достаточной не только газетных очерков, но и для полноценной книги.

Идею издания Адольф Юрьевич вынашивал, но и тщательно (во всяком случае, он так считал) скрывал. Не просто мечтал о книге, придумал ей название — «Зарево над Бирюсой», написал черновые варианты первой главы. Однако одних архивных документов ему было недостаточно. Адольфу Юрьевичу требовались разнообразие краеведческие материалы, ведь он работал в жанре литературно-исторического очерка. И как внештатному корреспонденту районной газеты, привыкшему иметь дело с людьми, а не как ученому-историку, более склонному к архивной работе, ему нужны были именно живые свидетельства людей. Он собрал такие рассказы и воспользовался ими, отчасти опровергнув постулат «нет документов — нет истории».

Среди документов личного архива Адольфа Юрьевича сохранился рабочий вариант интервью корреспонденту газеты «Заря коммунизма» по случаю получения премии им. М. Цветкова. Вот одна его мысль: «...документ составляет исторически достоверный факт, но он сух, как осенний лист; живой собеседник, участник или очевидец события, оживляет и дополняет его».

Был случай, когда нашему герою попала в руки архивная анкета и воспоминания «главного партизанского доктора» Г. И. Романовского — интересные документы об участии жителей д. Новый Акульшет в партизанской войне. И Адольф Юрьевич пожалел, что не расспросил Георгия Ивановича сам, будучи хорошо с ним знаком: «Я лично знал этого человека... но было это давно, когда меня еще не пленило героическое историко-революционное прошлое

² Гудошников М. Сибирь. Историческая хрестоматия. Москва — Иркутск: Восточно-Сибирское краевое гос. издательство, 1932.

³ Партизанское движение в Сибири. Том 1. Приенисейский край / под редакцией В.В. Максакова. Москва — Ленинград: Государственное издательство, 1925.

⁴ Годы огневые, годы боевые : Сборник воспоминаний. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1971.

⁵ Документы героической борьбы : Сборник документальных материалов, посвященных борьбе с иностранной интервенцией и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918—1920 гг.). Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1959.

⁶ Борьба за власть Советов в Иркутской губернии (1918-1920 гг.) : Партизанское движение в Приангарье : Сборник документов / сост.: З.Т. Тагаров, А. П. Мещерский, О. Г. Троицкая, А. К. Потапова. Иркутск : Книжное изд-во, 1959.

⁷ Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии (воспоминания активных участников Великой Октябрьской социалистической революции) / сост. Г.А. Вендрих. Иркутск: Книжное издательство, 1957.

⁸ Криволицкий П.Д. Шиткинские партизаны. Испарт при Восточно-Сибирском крайкоме ВКП(б). Москва — Иркутск: Восточно-Сибирское краевое издательство, 1934.

нашего района. Думал ли я, что мне придется так жалеть об упущенной возможности. Какой живой источник, какого собеседника я потерял!»⁹.

Как известно, воспоминания субъективны, подвижны, человек порой воспроизводит несущественные мелочи и пропускает главное, но именно в них отражается личностное восприятие, оценка происходившего. Иногда, забыв на мгновение о заданном ему вопросе, человек обращается к какому-нибудь, казалось бы, незначительным деталям, и это чрезвычайно интересно, потому что позволяет представить фон событий. Именно такими деталями-зарисовками полны воспоминания наших земляков, записанные Адольфом Юрьевичем в его амбарных книгах. Он пользовался канцелярскими книгами местной типографии, удобных и дешевых.

Одним словом, обращение Адольфа Юрьевича к истории в устном изложении, специфическому виду исторического исследования, было логичным и правильным. В Тайшетском районе в те годы он был, наверное, первым, и единственным, серьезным собирателем «преданий старины глубокой».

Продукт устной истории — сообщение отдельно взятого человека, оно достойно изучения, если учитывать своеобразие такого источника информации и правильно применять технологию сбора материала. Такие научные премудрости вряд ли занимали Адольфа Юрьевича, хотя иногда он пытался придерживаться научных рекомендаций. В большей степени ему помогал журналистский опыт общения с людьми.

Дело осложняло Время. Оно безжалостно стирало в памяти тайшетцев детали событий сорокалетней давности, искажало картину прошлого. Адольф Юрьевич часто сокрушался по этому поводу в письмах к знакомым и друзьям.

Он собирал воспоминания довольно долго и настойчиво, обращаясь с расспросами к некоторым людям по нескольку раз. Первые беседы и записи воспоминаний в амбарных книгах датируются 1958 годом, последние — 1973-м.

Четвертую амбарную книгу он начал так: «Встречи с участниками партизанского движения Шиткинского фронта я стал вести с начала 1958 г., когда во мне прочно засело решение воскресить эту героическую эпопею всенародной борьбы против колчаковщины, за власть Советов... За полтора года я побеседовал с 70 лицами — участниками партизанских боев и старожилками, три книги записей бесед позади, открывается четвертая книга, подводящая меня к концу собирания сведений. Еще год-два подготовительной работы и поисков, и картина героических событий в районе Тайшет — Кежма и Тайшет — Талой, а по линии ж.д. от Тинской до Алзамай, станет для меня настолько ясной, как будто я сам участвовал в этих боях, в этой великой борьбе за Советскую Сибирь...»

Записи в книге № 4 были сделаны в 1961 году. И если Адольф Юрьевич отводил на подготовительную работу еще «год-два», то ошибся: собирать и записывать в амбарные книги воспоминания партизан он продолжал вплоть до 1973 года, — это пятнадцать лет из всей тридцатилетней краеведческой работы.

⁹ Черневский А.Ю. К 55-летию Шиткинского восстания против Колчака. Новокульшетцы // Заря коммунизма. 11.01.1974.

Надо сказать, что воспоминания о партизанской войне собирали и до него. Этим занимались, например, партизанские комиссии, созданные при партийных органах краев, областей для выполнения постановления ЦИК и СНК СССР от 13 января 1930 г. «О льготах бывшим красногвардейцам и красным партизанам». Эти комиссии выясняли причастность людей к партизанскому движению при выдаче «Удостоверения бывшего красногвардейца и красного партизана» для получения ими льгот, пенсий. На заседаниях комиссий заслушивали претендующих на получение таких удостоверений и записывали их рассказы. Эти комиссии, существовавшие до августа 1935 года, сыграли большую роль в выявлении и учете красных партизан, сохранении их свидетельств о Гражданской войне.

Что касается сбора воспоминаний других участников борьбы за Советскую власть, то это началось еще в первые же годы после революции. В краткой исторической справке о Государственном архиве новейшей истории Иркутской области сказано: в сентябре 1920 года «...Декретом СНК при Наркомпросе РСФСР была создана Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и РКП(б) (сокращенно Истпарт) и его истпартбюро на местах, переданные затем в ведение партийных органов. Созданное в г. Иркутске в 1922 г. истпартбюро, с 1925 г. — истпартотдел, входило в структуру Иркутского губкома партии, занималось сбором документов по истории партии и гражданской войны и их публикацией. В сентябре 1931 г. было принято решение секретариата Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) о создании партийного архива в составе истпартотдела крайкома. В декабре 1939 г. истпартотдел был ликвидирован, его функции переданы партийному архиву Иркутского обкома партии»¹⁰.

Интересно, что в 1932 и 1933 году по Тайшетскому и Шиткинскому районам истпартотдел признал партизанами соответственно 137 и 147 человек¹¹, всего 284.

По материалам личного фонда А. Ю. Черневского, в 1919 году в партизанское движение было втянуто более 2500 человек, включая добровольцев, мобилизованных и содействующих. Бывший партизан И. М. Козлов, чьи воспоминания есть в амбарной книге № 4, свидетельствовал: в Конторке и Бирюсе было около 1500 партизан.

В документах Гражданской войны и партизанского движения в Восточной Сибири можно встретить самые разные сведения о численности отрядов Шиткинского фронта в целом и при участии в конкретных боевых событиях. Однако достоверность их вызывает сомнение. Например, по отчетам командования чешского легиона, только в бою за станцию Тайшет 8 мая 1919 года участвовало от 1000 до 1200 «большевиков»¹². Эти данные расходятся со сведениями самих партизан, правда, и в них иногда приходится сомневаться.

¹⁰ Государственный архив новейшей истории Иркутской области [Электронный ресурс] // tulunadm.ru (дата обращения: 20.11.2017).

¹¹ Метелкина Л.Н. Бывшие красные партизаны как ресурс региональной элиты (на примере Восточной Сибири первой половины 1930-х годов) [Электронный ресурс] // scjournal.ru (дата обращения: 16.11.2017).

¹² Партизанское движение в Сибири : Сборник документов. Т. 1. Приенисейский край / Центрархив. Москва, 1925.

В фондах бывшего партархива Иркутской области (ныне Центр документации по новейшей истории Иркутской области) хранятся воспоминания Д. А. Апановича¹³, Ф. А. Антонова¹⁴, И. В. Верченко¹⁵. Отрывки из них А. Ю. Черневский включил в свою амбарную книгу № 9.

Можно сказать, что он завершил то, что начали когда-то другие: сбор воспоминаний бывших партизан в отдельно взятом районе. И сделал это правильно, довольно успешно.

Для его работы амбарные книги подходили лучше всего — толстые, большого формата, в твердой обложке, что удобно в полевых условиях, на сто и более страниц в линейку или клеточку. Они печатались в местной типографии и предназначались для бухгалтерских записей, учета товаров, материальных ценностей — обычный канцелярский товар в те годы, артикула 1476, по 70 копеек. «Амбарная» от слова «амбар», житница, где и хранились, как известно, материальные ценности, и прежде всего хлеб, зерно. Помимо прямого назначения такие книги использовались для ведения протоколов разных собраний-заседаний, дневников, то есть для продолжительных записей о чем-либо. Адольф Юрьевич учитывал в них свои ценности — чистовые, то есть отредактированные, воспоминания партизан и старожилов, свидетелей событий прошлого, и не обязательно партизанского.

Личный фонд А. Ю. Черневского в архивном отделе администрации Тайшетского района — это более трех тысяч разнообразных документов, собранных в

Виды документов в личном фонде А. Ю. Черневского

Виды документов	Листы	Все документы	Статьи	Архивные документы разного происхождения	Имена людей	Схемы, карты, рисунки	Фотографии	Выписки А. Ю. Черневского	Письма	Рукописи
Всего в 36 делах	3762	2731	354	422	4210	30	95	1395	384	11
Всего в амбарн. книгах	819	279		3		65		279		
<i>Итого</i>	4581	3010	354	425	4210	95	95	1674	384	11

¹³ Апанович Д.А. О подготовке и проведении партизанского съезда в с. Абан и восстании в 1918 г. ЦДНИИО. Оп. 1. Ф. 300. Д. 550 (номер фонда указан по описи Архива Иркутского ОК КПСС).

¹⁴ Антонов. История партизанского движения в Неванской, Баерской и Червянской волостях Канского уезда Енисейской губернии. Дополнение к рукописи П.Д. Кривоуцко-го «Шиткинские партизаны», на 30 листах. ЦДНИИО. Оп. 1. Ф. 300. Д. 661, 740, 749.

¹⁵ Там же. Верченко И.В. Воспоминания об организации и деятельности Шиткинского фронта. Личные документы автора, на 27 листах. Д. 242, 622.

сорок два дела, и шесть амбарных книг воспоминаний. Адольф Юрьевич обозначил их так: № 2—3, № 4, № 5, № 6, № 8, № 9. Как видим, книг недостает. К сожалению, их найти не удалось. Возможно, они находятся в частных библиотеках тайшетцев, потому есть надежда, что в конце концов их передадут в архивный отдел администрации района.

В амбарные книги Адольф Юрьевич чернильной авторучкой переписал слегка отредактированные воспоминания своих собеседников. «Статистические» данные о каждой книге приведены в таблице.

Количество воспоминаний и год записи

Книга №	Количество воспоминаний	Воспоминания партизан и очевидцев событий	1960	1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972
2-3	16	9/7	15	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
4	28	16/12	18	3	2	1 д., оп., беседа	4	1	-	-	-	-	-	2 д., оп., беседа	1 д., оп., беседа
5	17	11/6		15	-	-	1	-	1						
6	33	10/23		5	24, 3 д., оп.	1 д., оп.	1	-	-						
8	21	13/8					19	2		1 д., оп.				1 д., оп.	
9	27 (3 арх. восп., 1 переписка)	4/23					5	19	3						
Итого	142*	63/79	33	23	29	3	30	22	5	1	-	-	-	3	1

Примечание.

* 165 интервьюируемых, воспоминания 23 человек использовались фрагментарно.

Сокращения: д. — дело; оп. — опись; арх. восп. —

Если быть уж совсем точным, то Адольф Юрьевич собирал воспоминания о Шиткинском партизанском фронте все годы своей краеведческой деятельности, но наиболее активно в 1960—1966 годы. Они легли в основу его больших очерков, написанных в 1960-х — первой половине 1970-х годов: «На смертный бой», «Конец сухопутного адмирала», «Шестая рота», «Битва на рельсах», которые публиковались частями в десяти и более номерах районной малотиражки.

А. Ю. Черневский многие воспоминания получил в письмах бывших партизан. Как видно из таблицы, в личном архивном фонде хранится 384 письма, в том числе с его вопросами респондентам. Чрезвычайно информативными были письма участников событий Г. К. Дискова, Н. Е. Малеева, А. М. Климова, Н. Ф. Короткова, И. М. Козлова, И. А. Кропотова, дочерей И. А. Бича-Таежного.

В амбарных книгах Черневского, помимо воспоминаний, есть и другие, очень интересные и весьма ценные краеведческие материалы: планы и схемы, начерченные им самим по рассказам интервьюируемых. Некоторые из них выполнены с завидной тщательностью, цветные, на одну или две страницы, правда, без особого соблюдения топографических требований. Это упрощенные планы местности, населенных пунктов, более похожие на рисунки. Возможно, и есть где-то далеко-далеко в архивах план расположения заимок и пашен жителей д. Авдюшино, с. Бирюса в окрестностях Тайшета и Бирюсинска, но мы знаем о них благодаря Черневскому, нарисовавшему такой план по свидетельствам знающих людей.

Всего в амбарных книгах 68 планов и схем, в том числе 18 планов местности, 24 схемы населенных пунктов и их отдельных районов, 2 плана расположения заимок и пашен (2), 7 схем боевых действий, 3 рукописные копии партизанских документов и печатей, 10 планов различных построек и зданий, 4 схемы и рисунка различных приспособлений и деталей одежды.

В воспоминаниях содержится то, что разрушает представление о партизанах, их борьбе, сформированное газетными публикациями Черневского. Адольф Юрьевич оказался заложником собственных политических убеждений и существовавшего в стране режима, жестокость которого он испытал на себе. В воспоминаниях, например, засвидетельствованы преступления партизан, однако в очерках им не нашлось места. Не писал Черневский и о требовании некоторых партизан судить Бича-Таежного — после налета на станцию Тайшет 8 мая 1919 года. Суду якобы помешал большой авторитет И. А. Бича. Это лишь один из примеров.

Записи в амбарных книгах А. Ю. Черневского относятся к мемориальному классу устных источников, а по жанру это устные рассказы, и даже песни, а некоторые из них — о событиях, овеянных славой, — носят даже легендарный, мифический оттенок и часто ошибочны, с вымышленными эпизодами, неточностями. Таковы, например, рассказы о И. А. Биче-Таежном. Иногда чувствуется, что они редактировались Черневским — в те годы, в пору героизация партизанского движения, нужен был герой, и Адольф Юрьевич создавал его в образе этого человека, руководителя, большевика-комиссара, иногда даже пренебрегая принципами научной этики.

Это стремление соответствовать идеологии в дальнейшем неожиданно осложнило работу. «Есть у Революции начало, нет у Революции конца»¹⁶ — «распропагандированные» тайшетцы стали гордиться причастностью к ней, в их памяти собственное видение прошлого подменялось чужим, политически выверенными штампами и установками.

Отбросив идеологические нюансы творческой деятельности А. Ю. Черневского, следует признать: никто из тайшетских краеведов-историков не сделал

¹⁶ Из песни «Революционный марш», музыка Ваню Мурадели, слова Юрия Каменецкого.

эту работу лучше. С ним не сравниться ни по численности опрошенных, ни по объему записей, ни по общей продолжительности встреч и бесед, ни по количеству зафиксированных исторических фактов, полученных новых знаний.

В этом смысле стоит оценить, например, некоторые этнографические сведения, содержащиеся в амбарных книгах. Этот материал естественно вписался в общее повествование и, украсив, придал ему особую правдивость. В совокупности с остальным, он позволил представить уровень общей материально-культурной жизни населения Тайшетско-чунской земли, на которой в основном и разворачивалась партизанская борьба.

Собранные в амбарных книгах этнографические сведения можно сгруппировать так:

- происхождение постоянного населения,
- устройство жилища, хозяйственных построек, охотничьего инвентаря, орудий труда русских сибиряков и коренных жителей Тайшетско-чунской земли (эвенков),
- перечень пашен и заимок,
- названия трактов и волоков,
- виды транспорта,
- праздники и верования,
- устное народное творчество,
- особенности языка русских поселенцев и старожилов,
- церкви Тайшетско-чунской земли,
- географические сведения.

Такого ценного материала никогда не было в распоряжении тайшетских краеведов. Впрочем, в районной газете вообще не публиковались краеведческие этнографические статьи, и все это стало доступным опять-таки только потому, что сохранилось в амбарных книгах А. Ю. Черневского.

*Е. С. Селезнев,
краевед, кандидат исторических наук
педагог дополнительного образования
ЦДО «Радуга»*

Глава 1

КНИГА № 2-3

» Встречи с участниками партизанского движения Шиткинско-го фронта я стал вести с начала 1958 г., когда во мне прочно засело решение воскресить эту героическую эпопею всенародной борьбы против колчаковщины, за власть Советов. Очень интересны и сложны были поиски, впечатлительны встречи. Я побывал почти во всех селах, расположенных по берегам Бирюсы от Суетихи до Шалаево на север, вниз по реке и до Перевоза в верховьях. За полтора года я побеседовал с семьдесятю участниками партизанских боев и старожилами, три книги записей бесед позади, открывается четвертая книга (в издании сохранена авторская нумерация книг. — Е. С.), подводящая меня к концу собирания сырья. Еще год-два подготовительной работы и поисков, и картина героических событий в районе Тайшета — Кежмы и Тайшета — Талой, а по линии ж.д. от Тинской до Алзамая, станет для меня настолько ясной, как будто я сам участвовал в этих боях, в этой великой борьбе за Советскую Сибирь.

*А. Черневский,
10 июля 1960 года*

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ ДРУЖКОВ¹

1910 г.р., бывший житель деревни Болдовский.
Беседа состоялась 18 апреля 1960 года

» Деревня Болдовский² находится в семи верстах западнее Нижней Заимки, она основана переселенцем из Белоруссии Болдовским Семеном в конце прошлого века (дописано иным шрифтом: в 1911 г. — Е. С.). Мой отец, Дружков Федор Никанорович, переселился туда из Тверской губернии в 1912 году, когда мне было два года. В 1919 году мне было уже девять лет, и я хорошо помню события, связанные с нашей деревней, которая к той поре состояла уже из тридцати дворов.

Мне точно известно, что настоящими партизанами из нашей деревни были:

1. Болдовский Ефим (дописано позднее: «Семенович». — Е. С.), 25-летний сын первопоселенца и основателя деревни. Его вместе с тремя другими партизанами, точно с кем — не знаю, расстреляли румыны осенью 1919 года (поймали под Тракт-Ужетом³).

2. Голубев Василий Ефимович, лет 25-ти. Его тоже поймали при помощи Н-Заимского кулака П.Г., но почему-то увезли в Канск, оттуда он бежал из тюрьмы.

3. Абрамов Петр, тоже лет 25-ти.

4. Шархубелев Григорий (20—22 года).

5. Шархубелев Трофим, брат Григория, лет 25-ти.

6. Тихомиров Василий Павлович...

Схваченным вместе с Болдовским братьям Шерхубелевым удалось бежать. Кроме предателей П.Г., Г., М. и И., в Н. Заимке был еще предатель М.Д.

Отец Болдовского Ефима к тому времени уже умер, а Ефим еще не был женат. У него был младший брат Платон, который переселился в Нижнюю Заимку (дописано позднее: «Нет, старик Болдовский Семен был еще жив». — Е. С.). Голубев Василий был женат на моей сестре (дописано позднее: «Ефросинье Федоровне». — Е. С.). У него был брат Андрей, 1908 г.р., который и сейчас живет в Болдовском. Из стариков там сейчас живет только одна старуха Скворцова Марфа.

Деревня Болдовский состояла из одной улицы. За деревней был ключик, речки нет. От Болдовского до Верхнего Ужета 12 верст; до Среднего Ужета 7 верст; до Нижнего Ужета 4 версты.

¹ Записи А. Ю. Черневского не редактировались, сохранены зафиксированные им индивидуальные речевые особенности.

² Заимка Болдовская села Нижняя Заимка основана в 1911 г. По данным на 1917 г., 12 хозяйств, 80 жителей (45 муж. и 35 жен. пола).

³ Поселки переселенческие: Вершино-Ужет (основан в 1907 г., на 1917 г. 72 переселенческих участка и 445 жителей; на 1921 г. 82 хозяйства, 424 жителя, в т.ч. 209 муж. и 215 жен. пола); Нижний Ужет (1907 г., на 1917 г. 26 переселенческих хозяйства и 157 жителей; на 1921 г. 27 хозяйств, 123 жителя, в т.ч. 66 муж. и 57 жен. пола); Придорожный (Тракт-Ужет, 1908 г., на 1921 год 24 хозяйства, 125 жителей, в т.ч. 59 муж. и 66 жен. пола); Средний Ужет (1906 г., на 1921 год 47 хозяйств, 264 жителя, в т.ч. 133 муж. и 131 жен. пола).

АНС КАРЛОВИЧ КЕПУЛ

1889 г.р., бывший руководитель большевистского подполья в Тайшете, участник партизанского движения, работник штаба Шиткинского фронта.

Не пенсионер, проживает в Канске, ул. Новая, 35.

Беседа состоялась 25 апреля 1960 года в квартире А. Ю. Черневского, куда А. К. Кепул прибыл по приглашению, и длилась, с небольшими перерывами, с 8 часов утра до 10 часов вечера.

Присутствовал партизан, сподвижник Кепула, Яков Васильевич Степанченко

А. Ю. Черневский: Из ряда источников мне известно, что Вы были активным деятелем партизанского движения Шиткинского фронта, а из сборника документов «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии в 1918—1920 гг.» и книги «Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной» видно, что Вы являлись и руководителем большевистского подполья в 1918—1919 гг. Я прошу Вас рассказать как можно подробнее сначала о большевистском подполье в районе Тайшета. Коснитесь и вашей ранней биографии.

А. К. Кепул: Хорошо, начну с биографии. Я родился в Латвии, в Курляндской губернии, м. Цаумес, в семье батрака. С 1902-го по 1904 год учился в сельском училище, с 1904-го по 1908-й — в гимназии.

В гимназии у нас был учитель-латыш по фамилии... окончивший Московский университет. Он был социал-демократ и создал среди гимназистов социал-демократический кружок марксистско-ленинского направления. Окончив гимназию и готовясь поступить в учительский институт, я все больше сближался с революционными кружками и там же, в м. Фрауенбург (ныне Салбус), в 1908 году, в возрасте 19 лет, вступил в РСДРП. У меня была подпольная кличка «Цедрис», что значит по-русски «кедр».

Вскоре я стал связным и осуществлял связь Фрауенбургской с.д. организации с Либавской организацией РСДРП через товарища по кличке «Пумпурс» («почка»). Неоднократно ездил в Митаву за нелегальной литературой. Поступить в институт мне не удалось, давал частные уроки, работал в порту грузчиком. В 1911 году, в мае, во время третьей волны арестов я был арестован вместе с другими подпольщиками, слесарем Вильгельмом Жановичем Тисом. Точнее, он был арестован днем или двумя-тремя днями позже, и я узнал об этом уже в Фрауенбургской тюрьме, увидев его на прогулке. И не сразу узнал: у него до ареста были густые черные волосы, как и у меня, но за несколько дней ареста он совершенно облысел.

После допроса нас перевели в Либавскую тюрьму, где сидели уже все вместе — 35 человек, привлекавшихся по делу 2-го сельского района Либавской партийной организации с входившей в нее и нашей Фрауенбургской, из которой арестованы мы двое — я и Тийс. Но из 35 человек осудили только 18, в том числе и нас двоих. 27 мая 1911 года был вынесен приговор выездной

сессией Санкт-Петербургской судебной палаты — четыре года каторжных работ с заменой вечной ссылкой в Сибирь, в Енисейскую губернию.

И вот закованных в ручные кандалы (именно закованных, т.к. кандалы были без замков, кузнец заковал их на руках) нас погрузили в товарные вагоны и под конвоем солдат отправили в Сибирь. Все лето шли этапом с остановками в различных пересыльных тюрьмах, конвой в пути менялся не раз. Некоторые, в том числе и я, ухитрились во время заковывания в кандалы так сжать мускулы, что при их расслаблении можно было вынуть руку, что мы и делали украдкой, во время сна. По пути, не помню где, к нам присоединили группу украинских политических ссыльных-большевиков — 20 человек, среди которых были известные впоследствии деятель Советского государства Кассир и Михаил Петрович Богданович. Теперь нас стало 28. Среди латышей были две женщины: одну звали Эльзой, другую не помню, украинка.

В середине сентября 1911 года мы прибыли в Красноярскую пересыльную тюрьму, где нас должны были обмундировать в зимнюю одежду, но здесь ее не выдали, пообещали в Канске. В Канске выдали домотканые, грубые, как брезент, холщовые бело-серые рубашки и штаны, такую же шапочку, кожаные ботинки на деревянной подошве (штатская наша одежда и деньги остались в Либавской тюрьме).

Из Канска под конвоем жандармов повели пешком по этапу через Долгий Мост¹ в Шелаево² — к месту ссылки. На одной подводе везли наши котомки. Всех распределили по деревням: группу украинцев в д. Глинный³, а нас, латышей, — в Трёмино⁴ на р. Бирюсе.

Мы разместились в трех зимовьях и стали жить коммуной. Из двадцати восьми арестантских халатов сшили «костюмы», которых хватило только на восемь человек, а остальные двадцать сидели дома в белье. Существовать было трудно. У двух товарищей оказались запаянные в крышки чайников, переданных родными с передачей, золотые 25 рублей. На эти деньги и начали жить. В Трёмино мы попали уже в Покров, это был как раз престольный праздник деревни, и в день нашего приезда крестьяне катались на лодках с впряженными в них конями. Это было 1 октября 1911 года (заметно исправление 1912-го на 1913 год. — Е. С.).

По действующему положению, через шесть месяцев после прибытия на место ссылки ссыльные имели право избрать себе другое место жительства

¹ По списку населенных пунктов Енисейской губернии на 1921 г., с. Долгий Мост Канского округа основано в 1899 г. По данным на 1917 г., 200 переселенческих хозяйств, 1132 человека приписного населения (в т.ч. приписанных к сельскому обществу 592 муж. и 519 жен. пола и 21 человек не приписанные).

² Шелаево (Шалаево) — старожильческое село Шелаевской волости; по данным на 1917 г., 70 приписанных к обществу хозяйств (36 старожильческих, 38 переселенческих, 4 посторонних), 379 жителей (208 муж., 171 жен. пола).

³ Глинный — переселенческий участок деревни Ново-Георгиевская, основан в 1900 г. По данным на 1917 г., 91 переселенческое хозяйство, 606 жителей (321 муж., 285 жен. пола).

⁴ Трёмино — старожильческая деревня Шелаевской волости. По данным на 1917 г., 101 хозяйство (40 старожильческих, 61 переселенческое), 560 жителей (299 муж., 261 жен. пола).

в пределах волости. Украинцы перебрались в дер. Глинный, а мы, латыши, в Шиткино⁵ и южнее. Это было уже весной 1913 года (заметно исправление 1912-го на 1913 год. — *Е. С.*) или летом.

Еще в Трёмино, чтобы как-нибудь просуществовать, мы решили заняться охотой на рябчиков, которых было очень много по островам, а местные жители ими не интересовались, имея хорошие хозяйства и предпочитая промышленять белку, соболя и крупного зверя. Тайшетские купцы приезжали и покупали у нас рябчиков по 50 коп. за пару, а продавали по 1,5 рубля. Мы устроили бойкот — и нам прибавили, стали платить по 50 коп. за штуку. Охотились с ружьями, взятыми в долг у шелаевского лавочника, сосланного за революционное движение 1905 года.

К весне-лету 1913 года (заметно исправление с 1912 г. — *Е. С.*) из восемнадцати латышей осталось только восемь. Эльза вышла замуж за шелаевского учителя, сына абанского купца. Позже он занялся торговыми делами в Абане⁶, но Эльза не захотела стать купчихой и отравилась, переслав нам записку: «Душистый ландыш погиб в навозной куче». Несколько человек эмигрировали в Америку (первыми бежали... Вильсон и...).

Все восемь человек, мы связали плот и поплыли вниз, в д. Лапино⁷, откуда уже в 1911 году строился тракт на Богучаны⁸ через деревню и речку Карабала. Мы устроились на работу к подрядчику Мутовину, который относился к ссыльным очень сочувственно и платил нам дороже, чем местным крестьянам. Но жандармы охраняли, чтобы мы не устроили побега. За лето сделали две версты, заработали чистыми по 115 рублей, рассчитались с Жилинским за ружья, я купил себе двустволку. Официально нам не разрешалось иметь оружие, после побегов были обыски и изъятие оружия, но все же мы его держали.

С тракта мы вернулись в октябре 1913 года (заметно исправление с 1912-го на 1913 год. — *Е. С.*) и разъехались по деревням: я в Шиткино, Тийс в Неванку⁹ (зачеркнуто. — *Е. С.*), Фриц Метельсон в Клюквенную¹⁰. Но вскоре я опять переехал в дер. Заречинск¹¹ (Сергеевский участок) и стал работать писарем двух

⁵ Шиткино — старожильческая деревня Неванской волости. По данным на 1917 г., 101 хозяйство (40 старожильческих и 61 переселенческих), 560 жителей (299 муж., 261 жен. пола).

⁶ Абан основан в 1864 г. По данным на 1921 г., 332 хозяйства, приписанных к обществу (154 старожильческих, 178 переселенческих), и 52 не принятых в сельское общество, 1779 жителей (893 муж., 886 жен. пола).

⁷ Лапино — старожильческая деревня Шелаевской волости. По данным на 1917 г., 64 хозяйства, 333 жителя (180 муж., 153 жен. пола).

⁸ Деревня Богучаны Пинчугской волости основана в 1723 г.

⁹ Неванка (Мохначи) — старожильческая деревня. По данным на 1917 г., 56 хозяйств, в т.ч. 43 старожильческих, 344 жителя (179 муж., 165 жен. пола).

¹⁰ Станция Клюквенная с 1906 г. (ранее станция Ольгино), вблизи г. Уяр (заимка Уярская, 1760 г. основания).

¹¹ Деревня Заречная (переселенческий участок Сергеев). По данным на 1917 г., 23 переселенческих хозяйства, 156 жителей (95 муж., 61 жен. пола).

обществ — Заречинского и Тракт-Кавказа¹², получая 15 рублей в месяц, а, кроме того, подрабатывал на ремонте Шиткинского тракта. В августе 1914 года (зачеркнуто, вписано: «в 1915 г.» — *Е. С.*) я женился на крестьянке Долгалева Аксинье (Ксении) Николаевне, а в 1915 году у меня родилась дочь Людмила (Люсенька).

В 1912 году в Шиткино я впервые встретился и подружился с ссыльным поляком Станиславом Александровичем Свенским, который прибыл в ссылку в 1911 году, арестованный по делу польской организации РСДРП (большевицкой). Наша Любавская организация РСДРП тоже была большевицкой, а Митавская — меньшевицкой.

Ссылные вели среди населения агитационно-пропагандистскую работу, объясняли, кто такие большевики и Ленин. Крестьяне слушали охотно. Лично я оказал большое влияние на нижнезаимского крестьянина Лифантьева Никона Ивановича, который впоследствии стал видным партизаном.

Еще в декабре 1912 года (исправлено с 1910-го на 1912-й. — *Е. С.*) по инициативе Тийса и моей создали в дер. Тремино нелегальную конференцию политссылных девяти волостей: Тайшетской, Конторской¹³, Алзамайской (зачеркнуто. — *Е. С.*), Неванской¹⁴, Червянской¹⁵, Выдринской, Шелаевской¹⁶, Шелеховской¹⁷ (зачеркнуто. — *Е. С.*) и Богучанской¹⁸, на которой обсуждались два вопроса: 1) о создании кассы взаимопомощи (ввиду того, что политссылные по суду водворялись на поселение без обеспечения их средствами к существованию) и 2) о проведении политической агитации и пропаганды среди местного населения.

Касса взаимопомощи была создана, избрано правление кассы из пяти человек. Тийса избрали председателем, а меня казначеем (это предложение зачеркнуто. — *Е. С.*). Избрали ревизионную комиссию из трех человек. Средства кассы составлялись из членских взносов, которые были определены из расче-

¹² Кавказ — переселенческая деревня, основана в 1909 г. По данным на 1917 г., 46 хозяйств, 240 жителей (125 муж., 115 жен. пола).

¹³ Список волостей на 1921 г. (по сведениям 1917 г.): в Конторской волости 18 старожильческих и 34 переселенческих населенных пункта (всего 52): 585 старожильческих, 1412 переселенческих (из них 110 посторонних) хозяйств; 12 144 жителя (6375 муж. и 5769 жен. пола), 409 человек — постороннее население (всего 12 553).

¹⁴ На 1921 г. 515 старожильческих, 256 переселенческих хозяйств (в т.ч. 71 не приписанное к обществу), население 4405 чел. (2262 муж. и 2143 жен. пола), включая неприписное население).

¹⁵ На 1921 г. 334 старожильческих, 35 переселенческих приписных хозяйств, 19 посторонних, итого 388 хозяйств; 1977 жителей (977 приписных и 37 посторонних мужчин, 938 приписных и 25 посторонних женщин).

¹⁶ На 1921 г. 1035 хозяйств (366 старожильческих и 669 переселенческих), включая неприписные; 5657 жителей (2994 муж. и 2663 жен. пола).

¹⁷ В 1918 году Шелеховская волость значилась в составе Канского уезда.

¹⁸ Богучанский район с 1924 г., центр с. Богучаны (основано в 1630 г.). По данным на 1926 г., население 12,5 тысячи жителей, 2,5 тысячи хозяйств.

та два процента отчислений от общей суммы заработка и получаемых от родных денег. «В гостях», на вечеринках и всюду мы проводили беседы на темы: «За что царь-батюшка сослал нас в Сибирь» и «За что борются большевики».

О создании кассы взаимопомощи и наших беседах скоро стало известно властям, и к нам нагрянули жандармы с повальным обыском, отобрали ружья.

Так, еще до Февральской революции, у нас в районе Тайшета создавалось большевистское подполье. В Тайшете в это время тоже было много ссыльных членов РСДРП во главе с Иваном Адольфовичем Теодоровичем, перебравшимся в Тайшет из Чуны, куда он был сослан (эта часть предложения зачеркнута. — Е. С.). Тайшетская подпольная большевистская организация находилась в районе станции железной дороги.

А. Ю. Черневский: Как дошла до вас весть о Февральской революции, и какими событиями ознаменовалось это известие?

А. К. Кепул: Сначала до нас дошли слухи из Шелаева и Конторки, от шелаевского урядника и надзирателя, а затем из Тайшета, где политссыльными-большевиками во главе с Теодоровичем уже был избран исполнительный комитет Тайшетской волости. Но Теодорович вскоре уехал в центр, уехали многие другие влиятельные большевики, и власть захватили меньшевики и эсеры, создавшие земство. После Февральской революции, в начале марта, Теодорович и другие члены исп. комитета разъезжали по селам, Теодорович был в Шелаевской волости.

По заданию исполнительного комитета Тайшетской волости, который сразу как-то распространил свое влияние на ряд соседних волостей, я стал организовывать советские мастерские (кузнечную, сапожную) в с. Нижняя Заимка Конторской волости и сельскую потребительскую кооперацию.

В июле 1917 года я, списавшись с Тийсом, вместе с ним (зачеркнуто. — Е. С.) перебрался в Тайшет, где мало осталось большевиков после отъезда Теодоровича и других. Здесь я устроился делопроизводителем Тайшетской продовольственной управы, а затем заведующим торговым отделом Тайшетского сельского потребительского общества. Тийс устроился механиком на Тайшетской лесопильный завод Жоголева (зачеркнуто, исправлено: «Жернакова». — Е. С.).

Продовольственная управа была создана после Февральской революции для организации снабжения и борьбы со спекуляцией. Во главе ее стоял меньшевик Слизский Митрофан Сергеевич. В это время власть в Тайшете была в руках эсеров-меньшевистского земства. Во главе земства стоял эсер Лосинский, делопроизводителем (секретарем) был Мункин, тоже эсер (исправлено: «Наоборот: Мункин — председатель, а Лосинский — секретарь». — Е. С.) Большевики собрали свою партийную конференцию и избрали бюро РСДРП(б). Председателем бюро был избран Тийс, а секретарем я. Тайшет был тогда в Иркутской губернии, а в Иркутске власть полностью принадлежала эсерам, меньшевикам и кадетам, поэтому и в Тайшете они господствовали.

Наша борьба за создание Совета не давала результатов. Между тем, находясь на границе Енисейской губернии и тесно связанные с ней, мы знали, что в Красноярске власть фактически находится в руках Совета рабочих и солдатских депутатов, что там есть и легально существует единое Средне-Сибирское бюро ЦК. Мы решили установить связь с красноярской большевистской

организацией. Но вскоре пришло известие, что Временное правительство в Петрограде свергнуто в результате вооруженного восстания, Всероссийский съезд Советов взял полноту власти и принял декреты о мире и земле.

В Тайшете в январе 1918 года был избран райисполком во главе с Тийсом (председатель), а я был секретарем. Но одновременно существовало и земство. Работу нашу парализовало эсеро-меньшевистское засилье, и бюро обратилось в Енисейский губернский комитет с просьбой прислать агитатора-большевика. И вот однажды я вышел из дома и вижу: навстречу идет немолодой уже человек... роста, в шляпе, лицо смуглое — тип монгола, толстые губы, и спрашивает, где живет Кекул.

— Кекул — это я.

Он попросил рассказать о здешних эсерах и меньшевиках, и мы пошли в РИК (районный исполнительный комитет) к Тийсу. Решили провести собрание и митинги. Первое собрание провели на лесозаводе, где тогда работало всего человек сто. Эсеры и меньшевики об этом еще не знали. Потом оповестили объявлениями, что состоится митинг-собрание на площади у станции. Собралось много людей. Пришли и лидеры эсеро-меньшевистские. Первым выступил эсер Ошаров из Иркутска, за ним Дисков. Потом Боград (приехавший к нам от Енисейского губкома человек и был Яков Ефимович Боград). Он говорил о том, за что борются большевики. Оратор оказался прекрасный, и я невольно вспомнил, как подумал при первой встрече: зачем прислали такого невзрачного толстяка, совсем не похожего на большевиков. Все замерли, слышно было, как пролетит муха. После Бограда снова попросил слово Ошаров, но рабочие закричали: «Долой!» (Черневский дописал: «Боград приезжал зимой после подавления юнкерского мятежа в Иркутске». — Е. С.). Боград пробыл у нас несколько дней и уехал. После этого был созван волостной съезд крестьянских... на котором снова выступили эсеры Лосинский и Дисков. От большевиков выступил Тийс, я, фронтовик-фельдфебель, большевик из Старого Акульшета Бычков Андрей, машинист ж.д. водокачки Колосов, Кондратьев и Ковалев с Гоголевского и др. Когда стали предлагать ликвидировать земство, Лосинский сказал: «Только через мой труп...»

Его поддержали меньшевик Слизский, который любил говорить, что большевики не стоят подметки его. Съезд избрал депутатов на уездный съезд в Канск, в Нижнеудинск, избрал Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов Тайшетской волости (Тайшетский районный Совет депутатов — Совдеп), в который вошли Тийс, я, Бычков, Кондратьев, Ковалев и другие. Тийс был избран председателем в районный исполнительный комитет (РИК), а я секретарем. Съезд объявил о роспуске земства, но земцы оказались у руководства потребкооперации (Тайшетское отделение Енисейского губернского союза потребительской кооперации). В их руках оставались и тайшетская сельская милиция во главе с начальником Голошиным, железнодорожная милиция была большевистской. Слизский возглавил райпотребсоюз (районный потребительский союз — отделение Енисейского губернского союза).

Земцев мы не тронули, как и эсеров и меньшевиков. И напрасно, т.к. сразу же после чешско-белогвардейского переворота они снова вышли на арену и пошли на службу к Колчаку и интервентам.

(Черневский записал: «На этом первая часть беседы была прервана, и беседа возобновилась после двухчасового перерыва». — Е. С.)

А. Ю. Черневский: Как проходил переворот в Тайшете?

А. К. Кепул: Тайшет был тогда селом, воинских частей здесь не было и репрессий тоже. Районный исполком Совета как бы самораспустился, земцы не спешили взять власть, чувствовалась их растерянность, т.к. Красноярск пал только в июне, а Иркутск в июле). Мы как бы самоустранились от официальной власти, но не шли сразу в подполье, а просто разошлись по домам и выжидали. До сентября было нечто похожее на безвластие, и только эшелоны чехов на станции говорили о том, что власть в их руках.

В сентябре чехи предложили нам сдать дела земской управе. Дела Совдепа я лично передал опять Лосинскому и Мункину. Подпольное бюро РСДРП(б) в сентябре на конспиративном заседании приняло обращение к депутатам Совета с призывом разъяснять населению необходимость организации отпора контрреволюции. Но в конце октября или в начале ноября, после того как власть в Омске взял Колчак, начались аресты.

Я жил в это время с женой и дочерью Людмилой (Люсенькой). Узнав о грозящем нам аресте, я и Тийс скрылись в подполье одного из строений райпотребсоюза — при содействии Слизского, который, хотя и был меньшевик, но не выдал. Мы просидели там три дня, однажды в помещение вошел офицер, и мы слышали, как он разговаривал с Слизским, спрашивал, где у него хранится порох, говорил, что его нужно сдать. Тот ответил, что немного пороха есть и он его сдаст. После ухода офицера мы предупредили Слизского, что если сдаст боеприпасы врагам, будем думать, что он враг. Но тот уверил, что большая часть пороха припрятана. «Считай этот порох достоянием советской власти и храни его до первого требования», — сказали мы.

Живший в одном доме со мной ссыльный поляк Добжинский, меньшевик (зачеркнуто и дописано: «ППС-левица»¹⁹. — Е. С.), помог нам через приехавших на базар шиткинских крестьян выехать из Тайшета, и мы с Тийсом, благополучно миновав две заставы галошинцев (в селе Тайшет) и белогвардейских солдат на переезде, в ночь на... октября прибыли в Заречинский (Конторской волости) к моей теще Долгалевой Марфе Селиверстовне. Здесь мы связались с бывшими депутатами райсовета, большевиком Андреем Бычковы из Ст. Акульшета²⁰, Кондратьевым и Ковалевым из Нижней Гоголевки, Москвитиным Яковом и Лефантьевым из Нижней Заимки, Кретиным из Бирюсы, ссыльным Свенским Станиславом из Шиткино, Богдановичем из Глинного и другими, дав им указание прощупывать надежных людей в селах, вести агитацию, оказывать сопротивление контрреволюции, не давать своих

¹⁹ Польская социалистическая партия — левица (PPS-lewica, Polskapartia socjalistyczna — lewica), — польская рабочая партия, действовавшая в Королевстве Польском в 1906—1918 гг. Образована на IX съезде ППС в 1906 г. в Вене.

²⁰ Деревня Старый Акульшет Алзамайской волости Иркутской губернии, основана в 1803 г. По данным на 1926 г., 130 хозяйств, 704 жителя (359 муж. и 345 жен. пола).

сыновей в солдаты и др. Товарищи сообщили, что они повели работу и что почва для выступления есть.

А. Ю. Черневский: Какова роль в подготовке восстания Ивана Андреевича Бича, как и когда Вы встретились с ним?

А. К. Кепул: Мне 71 год, память может изменить, но, насколько я помню, о Биче ничего тогда не слышал и с ним не встречался, хотя роль его в дальнейшем, как вы увидите, огромна.

20 ноября 1918 года ночью к нам в Заречинск приехал Станислав Александрович Свенский и с ним второй человек, которого нам представили как члена не то Канского, не то Красноярского исполкома, по фамилии Бич-Таёжный. Да, я точно помню, что уже тогда он именовал себя Таёжным. Они рассказали, что в низах, от Шиткино до Шалаева, ими проведена большая работа среди фронтовиков и народ можно поднять. К тому времени мы с Тийсом уже имели сообщения от Бычкова, Кондратьева и Ковалева, Лифантьева и Москвитина, от Кретинина такого же характера.

Обсудив положение, мы вчетвером решили усилить подготовку к восстанию, силами имеющихся в селах подпольных групп начать сбор оружия, но держать все в строгой тайне. Бич и Свенский заявили, что все низовье они берут на себя, и, когда все будет готово, они приедут к нам для выработки более конкретного плана и определения места восстания.

Они уехали, а мы тем временем стали готовить людей в д. Заречинск. В других деревнях мы не появлялись, т.к. начальство и местное население очень хорошо нас знало как руководителей Тайшетской большевистской организации и членов райисполкома, должны были арестовать.

Я послал свояка Степанченко Якова Васильевича в Тайшет с запиской к Добжинскому с просьбой переслать мне кое-какие вещи, ружье или наган и готовить еще оружие, а также сообщить, что делается в Тайшете. Степанченко привез от Добжинского записку, ружье, порох и доху. В своей деревне мы через Степанченко (он фронтовик) подготовили к восстанию группу крестьян-фронтовиков. А именно:

- 1) Толкачев Федор Алексеевич,
- 2) Яковлев Алексей Антонович,
- 3) Сидоров Михаил Степанович,
- 4) Завиров Петр Акимович,
- 5) Завиров Константин Акимович,
- 6) Позднеев Никифор...
- 7) Кочетков Митрофан Ив. (Иванов.),
- 8) Костинов Тимофей Иванович,
- 9) Ласточкин Михаил Петрович (Яковлев),
- 10) Лебедев Николай Никифорович.

20 февраля 1919 года снова приехали Бич, Свенский и с ними Половинкин Иван Назарович (из д. Ключик, или Кемчино²¹). На совещании мы уста-

²¹ Деревня Багратионовка (переселенческий участок Кемчик), основана 1912 г. По данным на 1917 г., 21 хозяйство, 183 жителя (96 муж., 87 жен. пола).

новили, что восстание поднимаем в с. Шиткино, находящемся в центре от Тайшета до Шелаева, и днем восстания отрядов назначили 2 февраля (зачеркнуто, исправлено на март. — Е. С.).

А. Ю. Черневский: Это было на масленицу?

А. К. Кепул: Нет, я не помню, что бы что-то связывало дату выступления с масленицей, но точно знаю, что днем выступления назначили 2 февраля.

А. Ю. Черневский: Ошибки здесь быть не может, именно 2 февраля? По старому или по новому стилю?

А. К. Кепул: Вот этого я сказать не могу, но это было 2 февраля, а возможно, 2 марта. Но то, что это было 2 марта и воскресный день, вернее, 2-е число (февраль или март), это несомненно.

А. Ю. Черневский: Анс Карлович, прошу вас подробнее рассказать о дальнейших событиях, о первом шиткинском бое и его участниках. Ведь шиткинское восстание положило начало открытию Шиткинского партизанского фронта.

А. К. Кепул: Хорошо. Было решено, что, не дожидаясь новых сообщений и независимо от них, те отряды, которые готовы к выступлению, должны будут прибыть в Шиткино одновременно со всех концов — к вечеру 2 февраля. Заречинский отряд поведем я и Тийс, нижнезаимский — Яков Москвитин и Лифантьев, а другие отряды с низовий командиры, непосредственно назначенные Бичом и Свенским. Сам Свенский должен был находиться в Шиткино и встречать отряды.

В ночь с 1 на 2 февраля я и Тийс получили через связного сообщение от Добжинского, что колчаковцы пронюхали о готовящемся восстании и, очевидно, знали его дату, что из Тайшета выходит карательный отряд под командованием начальника милиции эсера Галошина в количестве 50 милиционеров и солдат. Медлить было нельзя, и мы решили сразу выступить в Шиткино, отправились ночью и пришли утром в количестве 13 человек (я, Тийс, Степанченко и 10 вышеуказанных крестьян-фронтовиков).

В Шиткино мы узнали, что Свенский тоже получил сведения о движении отряда Галошина и успел об этом сообщить только в ближайшее село Шегашет²² и что оттуда прибыл отряд крестьян в количестве 18 человек под командованием Трифона Яковлевича Силина, шегашетского крестьянина-фронтовика, принявшего партизанскую кличку Ходя по монгольскому типу лица. Его группа уже была расположена на джогинском гумне, по южную сторону села, между селом и поскотиной, т.к. колчаковцев ждали со стороны Нижней Заимки по тракту.

Силин был в деревне вместе со Свенским, и мы, выставив секрет на зимнике, ведущем в Шиткино с восточной стороны (по которому с Заречного прибыли мы), стали созывать крестьян на сход на площадь, где открыто объявили о намерениях партизан, разъясняя контрреволюционную сущность колчаковщины и призывая, по примеру тасеевцев, восстать и присоединиться

²² Деревня Ново-Никольская (переселенческий участок Шегашет), основана в 1902 г. По данным на 1917 г., 99 хозяйств, 612 жителей (325 муж. и 287 жен. пола).

к нам. Выступили с речами поочередно все четверо: я, Тийс, Свенский и Си-лин, который особенно хорошо говорил на понятном, крестьянском языке. Но после нас выступил ссыльный эсер Норенков Иван Федосеевич, заявивший: «Вы подстрекаете крестьян на бунт и хотите привести их к гибели. Но мы не дадим себя обмануть и не пойдем с вами. Большевики уже не первый раз мутят народ...»

Нам не пришлось дать ответ, т.к. во время его речи секрет доложил, что в обход по зимнику едут на санях каратели. «Крестьяне, товарищи, не слушайте предателя, берите оружие и присоединяйтесь к нам», — только и успел я крикнуть на ходу, надо было бежать навстречу врагу.

Когда мы прибежали к перекрестку улицы и дороги с зимника, белые уже рассыпались цепью понизу, по берегу реки, по обе стороны зимника, по Барабе²³. Заречинских крестьян мы успели расставить по улице и открыть огонь. Из шиткинских партизан с оружием прибежали только трое: Гурьян Мутовин, Егор Страдонов, третьего не помню (добавлено: «Евдоким Смолин». — Е. С.), а шегашетская группа, кроме своего командира Силина, оказалась вне боя. Таким образом, я могу с достоверностью заявить, что в первом шиткинском бою непосредственное участие приняли 18 человек: я, Тийс, Свенский, Си-лин, Мутовин, Страдонов, третий шиткинский Степанченко и те десять заречинских, которых я уже перечислил.

У нас была только одна боевая винтовка — у Силина, а остальные были вооружены охотничьими ружьями (централками и дробовиками). Во время перестрелки у Свенского и у других с централками кончились патроны 16 калибра, и Свенский побежал к себе домой, где у него были боеприпасы, которые он не успел принести. Дом его стоял на берегу по Набережной улице, белые его перехватили. В это время колчаковцы (зачеркнуто. — Е. С.), очевидно, боясь, что восставшие [отобьют] одного из своих руководителей, с боем поспешно отступили тем же путем, которым пришли. Им удалось прорваться через нашу заставу, потеряв двух человек убитыми и несколько ранеными, увезти с собой Свенского, который был замучен в пути. Джогинская заставка шегашетских, оставшихся без командира, не оказала решительного сопротивления и фактически пропустила белых без боя. Мы взяли одного белогвардейца в плен, который оказался мобилизованным в колчаковскую армию, он изъявил желание вступить в партизанский отряд. Это был Большаков Николай.

Вооруженные охотничьими ружьями и дробовиками, мы не могли нанести чувствительного удара, не могли стрелять издали, когда галошинцы показались на дороге на подводах, а должны были подпустить их близко, на пятьдесят шагов, из-за чего нельзя было иметь плотную цепь засады, а пришлось рассыпаться по дворам и стрелять поодиночке. Это и позволило белым прорваться через наш первую заставу. Но, несмотря на тяжелую потерю командира, мы все же обратили колчаковцев в бегство, это имело большое политическое и моральное значение. Нам достались трофеи: восемь четырехлинейных винтовок с патронами.

²³ Бараба — часть села Шиткино, ближе к реке.

А. Ю. Черневский: По разным источникам, основанным на поздних воспоминаниях, как и ваше, в первом шиткинском бою принимали участие также крестьяне из Черчета²⁴, Кемчино, Бузыканоно и Тремино. Могло ли это быть?

А. К. Кепул: Нет, ни одного крестьянина из других сел, кроме Шегашета, Заречинска и Шиткино, не было. Это я заверяю. Заречинских и шиткинских я знаю по фамилиям (за исключением одного), а шегашетских назвать не могу, кроме их командира Силина, но помню, что их было восемнадцать человек.

А. Ю. Черневский: Мне хочется все таки назвать вам фамилии тех партизан, которые, по воспоминаниям Чемоданова Максима Ксенофонтовича, Кучеровского, Чурсина, Семенова Александра Адамовича, Машукова Григория Михайловича, собранным мною, а также по всеобщему утверждению черчетских крестьян-старожилов (встреча в Черчетском сельсовете летом 1959 года), якобы принимали участие в первой схватке с галошинским отрядом.

Черчетские:

- 1) Лесюк Андрей Иванович,
- 2) Кудрявцев Никита Логинович,
- 3) Казакевич Владимир Венедиктович,
- 4) Чемоданов Николай Ксенофонтович;

кемченские:

- 5) Половинкин Иван Назарович,
- 6) Семенов Александр Адамович,
- 7) Ковалев Савелий Иванович,
- 8) Ковалев Павел Леонтьевич,
- 9) Чурсин Тимофей Егорович,
- 10) Гаев Алексей Прохорович,
- 11) Бирюков Семен Иванович;

бузыканоновские:

- 12) Привалихин Константин Андреевич,
- 13) Привалихин Иван...
- 14) Оленев Борис Никанорович.

А. К. Кепул: Почти все эти фамилии хорошо известны, некоторых я не знаю, многие из них были видными партизанами, но ни один в первом бою не был. Очевидно, они прибыли в тот же день, но уже после боя, к вечеру, как и намечалось планом. Все они из деревень низовья, а с низовья действительно в тот же день, через несколько часов после боя, прибыл под командой Бича, Половинкина, Багдановича большой отряд партизан — человек 50—70, хорошо вооруженных, у них было много боевых винтовок и даже гранаты.

По приезду Бича с отрядами на подводах и верховыми мы захватили нижнезаимского кулака И. Н. (имя добавлено позднее. — Е. С.), который провёл белогвардейцев в обход. Предатель-возчик был казнен.

²⁴ Деревня Черчет (деревня Петропавловская, переселенческий участок Черчет) основана в 1902 г. По данным на 1926 г., 111 хозяйств, 708 жителей (383 муж. и 323 жен. пола).

В то время, как мы в штабе, расположенном в избушке Маланьи на Барабе, обсуждаем события дня, с Нижней Заимки движется какой-то отряд. Дали команду приготовиться к бою, но это оказались нижнезаимские подпольщики и присоединившиеся к ним несколько крестьян. Отряд был человек в пятнадцать. (Черневский: «Не так!». — *Е. С.*) Здесь были Константин и Яков Москвитины, Евдоким Кочергин (это имя зачеркнуто. — *Е. С.*), Никон Иванович Лифантьев (имя тоже зачеркнуто. — *Е. С.*), Кузьма Григорьев (Соколов? — *Е. С.*), еще какие-то Москвитины, Кочергины — всего пятнадцать человек. От них мы узнали, что по дороге в Шиткино галошинцы арестовали восемь подпольщиков (братьев Москвитиных, Лифантьева (имя зачеркнуто. — *Е. С.*), Евдокима Кочергина (имя зачеркнуто. — *Е. С.*) и др.) и заперли их в сельской под охраной кулаков, но староста или сторож выпустил и вместе с ними пришел в Шиткино.

В тот же день вечером на собрании всех прибывших отрядов был избран штаб и дано название фронту, который мы решили открыть. В штаб вошли (Военно-революционный штаб Шиткинского фронта): Богданович (Волгин)²⁵, председатель, Бич (Таежный), Кекул (Кудрявый), Кочергин Евдоким (Турников), Криволуцкий Прокопий (...) Москвитин Константин (Зверев), Лифантьев (...) Половинкин (Воронин) и Бельницкий Перфирий.

В штабе были созданы отделы. Богданович (Волгин) — председатель Военно-революционного штаба, Кочергин Евдоким — начальник оперативного штаба фронта, Москвитин Константин — главнокомандующий, Криволуцкий Прокопий — заместитель и помощник начальника оперативного штаба, Бельницкий — секретарь штаба, Бич — инструктор-организатор по тылу и командир лыжных летучих отрядов, Кекул — председатель ревтрибунала, Лифантьев — начальник хозяйственной части, Половинкин-Воронин...

Штаб разослал предписание руководителям и организаторам подпольных групп в селах Конторка, Бирюса, Старый Акульшет, Нижняя Заимка, Нижняя Гоголевка: подготовить население к приему отрядов, получив на сходах согласие на это. Конторка, Бирюса, Акульшет и Гоголевка проделали эту работу немедленно, и отряды были введены в Нижнюю Заимку, Старый Акульшет, Гоголевку, Конторку и Бирюсу под командованием Бычкова Андрея (Ст. Акульшет), Шелелева Николая (Верхняя Гоголевка), Москвитина Якова (Конторка и Бирюса) в начале марта. Тийс был направлен для организации партизанских отрядов в верховьях Бирюсы и открытия Серафимовского фронта (Шелеховская волость). Военно-революционный штаб избрал местом пребывания с. Нижняя Заимка.

В конце марта из Нижнеудинска в тыл фронту через ст. Алзамай была направлена на подавление восстания 6-я Нижнеудинская рота под командованием местного жителя из дер. Борисово²⁶ офицера Попкова (капитан, очень толстый, большого роста). Когда рота высадилась в Алзамае, об этом нам донесли товарищи с Баерского фронта (на ст. Алзамай была телеграфистка,

²⁵ Руководители фронта, подпольщики, да и отдельные активные партизаны, брали себе партизанские клички и фамилии, которые указываются в скобках без знака вопроса.

²⁶ Деревня Борисова основана в 1836 г. По данным на 1926 г., 63 хозяйства, 323 жителя (154 муж. и 169 жен. пола).

работавшая на партизан). Мы выслали на Бунбуйский тракт отряд для засады. Засада расположилась на середине тракта в охотничьей избушке (между Шиткино и Бунбуем²⁷). Застава задержала крестьянина и солдата, шедших с Бунбуя. Оказалось что это посланник-парламентер восставшей 6-й роты. Его доставили в штаб в Нижнюю Заимку, где выяснилось, что 6-я рота восстала 23 марта в д. Балтурино²⁸, перебила своих офицеров и решила перейти к партизанам. Организатором восстания был ротный фельдшер, большевик Поздний Игнатий Зосимович. Рота предъявила требование не разоружать и не расформировывать ее, а вместе... (неразборчиво. — Е. С.) в состав фронта. Мы послали своих представителей, и 6-я рота целиком влилась к нам и была направлена в Конторку и Бирюсу, где приняла активное участие в разгроме красильниковского наступления (с ротой в 120 человек было 130 винтовок и 3 ящика патронов). В 6-й роте были трехлинейные винтовки.

Весной 1919 года, в апреле, на Пасху, партизанские отряды выдержали трехсуточный бой с превосходящими силами белых, имевших четырехдюймовые орудия, и отбросили противника под селом Бирюса. В этом бою с нашей стороны погибло восемь и ранено двенадцать человек.

Военно-революционный штаб решил провести мобилизацию населения 1895 г.р. в пределах действия Шиткинского партизанского фронта. Пополнение пришло с Чуны.

Вскоре после бирюсинского боя штаб получил от Добржинского сообщение о том, что на ст. Тайшет стоит рабочий железнодорожный батальон, распропагандированный большевиками, и что он готов, при нашем появлении, присоединиться к партизанам.

По решению штаба 8 мая мы повели наступление на ст. Тайшет. По оперативному плану намечалось: Староакульшетскому отряду под командованием Андрея Бычкова захватить станцию; Конторско-Бирюсинскому отряду — выйти с западной стороны и занять депо и водокачку, обстрелять эшелоны белочехов; Гоголевскому, под командованием Николая Шевелева, занять военно-продовольственный пункт; Серафимовскому, сформированному к этому времени Тийсом и Бичом, захватить аптеку, почту, телеграф и банк.

Шпионам и предателям удалось пронюхать, что готовится наступление, но, очевидно, точной даты они не знали. Седьмого мая белое командование вывело из Тайшета железнодорожный батальон и стянуло дополнительно живую воинскую силу. Для координирования действий всех отрядов и общего командования со Староакульшетским отрядом был командующий фронтом — Константин Москвитин.

Староакульшетский отряд в триста человек с честью выполнил задание, но, не подержанный другими отрядами из-за неопытности и неоперативности

²⁷ Село Бунбуй основано в 1912 г. По данным на 1917 г., 280 жителей, 40 хозяйств (33 старожильческих и 7 переселенческих).

²⁸ Деревня Балтурино (Одрино) Неванской волости основана в 1750 г. По данным на 1917 г., 64 старожильческих хозяйства и 8 переселенческих, 367 жителей (190 муж. и 177 жен. пола).

командиров, был вынужден отступить в Тайшет. В бою погибли командир отряда Андрей Бычков и шестьдесят партизан. Белочехи потеряли несколько сот убитыми и ранеными.

12 мая белые повели наступление на весь фронт. Силы противника превосходили, и штаб отдал приказ: отступить с боем до Шиткино, где было назначено переформирование отрядов, порученное Богдановичу. Принимая во внимание, что в Шиткино не было условий для организации обороны, штаб решил эвакуироваться в д. Лапино и отдал приказ партизанам с боем отступить туда. Командующий фронтом Кочергин Евдоким Григорьевич к этому времени фактически дезертировал, скрываясь в тайге, на хуторе Зимарева Ивана (?).

Больных, оборудование оружейных мастерских и хозчасть погрузили на плоты, но белочехи шли по пятам, и плоты пришлось замаскировать на островах между Трёмино и Шалаево. Этим занимались я и начальник хозчасти Лефантьев.

Я уже говорил, что Тайшетское бюро РСДРП после белочешского мятежа выпустило обращение ко всем членам партии и депутатам Тайшетского райисполкома, в котором говорилось, что необходимо развернуть борьбу против белогвардейского режима. В числе депутатов, готовивших партизанское движение, а в дальнейшем активно участвовавших в нем, были Андрей Бычков (впоследствии командир Староакульшетского отряда, фронтовик — фельдфебель, большевик), Игнат Моисеевич Козлов (из с. Конторка²⁹, впоследствии командир взвода Конторского отряда) (это имя вычеркнуто в тексте. — Е. С.), Матвей Иванович Кретинин (из с. Бирюса³⁰, впоследствии один из командиров), Порфирий Бельницкий (из дер. Авдюшино) и другие (Кондратьев и Ковалев из Гоголевки).

Среди членов первого Военно-революционного штаба обязанности были распределены так:

- 1) Богданович — председатель штаба,
- 2) Кривоуццкий — его заместитель,
- 3) Кепул — секретарь штаба,
- 4) Бельницкий — второй секретарь,
- 5) Кочергин — главнокомандующий,
- 6) Москвитин К. — помощник главнокомандующего,
- 7) Лефантьев — начальник хозяйственной части.

(Черневским записано на полях страницы: «Депутаты первого Тайшетского волостного Совета: Кретинин Матвей (Бирюса), Бычков Андрей и Ковалев (Ст. Акульшет), Кондратьев (Байроновка), Бельницкий (Авдюшино). — Е. С.)

²⁹ Село Конторка основано в 1760 г. По данным на 1917 г., 97 (всех 101) хозяйств, 335 жителей (181 муж. и 154 жен. пола). Рядом деревня Лавинка, основанная в 1828 г. по данным на 1926 г., в ней 109 хозяйств, 513 жителей (256 муж. и 257 жен. пола).

³⁰ Село Бирюса основано в 1561 г. По данным на 1926 г., 299 хозяйств, 1377 жителей (690 муж. и 687 жен. пола).

Это достоверно, а в начале я немного ошибся, неверно вспомнил. Позже, недели через две, когда появилась необходимость в революционном трибунале, я был избран его председателем, секретарь трибунала — Кривоуцкий, члены — Силин и Москвитин Марк Миронович (исполнитель и начальник арестного дома). Это было в конце марта или в начале апреля.

Помню, в байроновских хуторах у нас стоял заслон из десяти человек (под командованием Михаила Жичкина), чтобы отбивать от белочешских скупщиков и спекулянтов пушнину. Но поступали сведения, что заслон перепродает пушнину тайшетским купцам, используя свое положение в целях личной наживы. Я отправился туда с пятнадцатью вооруженными партизанами, чтобы разоружить и арестовать мародеров. Приехали, говорим, что для разведки, а сами раньше уговорились, как будем действовать. Нас стали угощать ужином, самогоном. Партизаны из заслона уселись за столы, поставив винтовки. Мы бросились к их ружьям, захватили, и я объявил, что партизаны арестованы.

Оставив десять своих бойцов на месте, с пятью сопроводил арестованных в штаб в Н-Заимку. Штаб находился в доме кулака-предателя Г., который был возчиком почты и все передавал в Тайшет белым. Его после победы убил из нагана в Шиткино бывший партизан Гурьян Мутовин.

Я вел следствие и по поводу бездействия отряда Бича — Москвитина во время налета на ст. Тайшет. По условиям, Конторско-Бирюсинский отряд должен был первым подойти к депо и водокачке, дать сигнал ракетой для общего наступления на станцию. Но их выступление сорвалось — якобы не могли форсировать разлившуюся речку Тайшетку. Судить их не стали, Бич пользовался большим авторитетом у партизан и имел заслуги в деле организации отрядов.

А. Ю. Черневский: Как развивались события после отступления до Лапино?

А. К. Кепул: Боевых действий долго не было, мы собирали силы. Стояли в Кондратьево³¹. В сентябре («в августе» — записано на полях страницы. — Е. С.) меня послали на связь с Тасеевским фронтом. Со мной пошли четверо вооруженных партизан, в том числе наш зареченский Николай Лебедев. Я встретился с начальником штаба Тасеевского фронта В. Г. Яковенко. Он сказал, что пора переходить от выборности командиров к назначению их и строить партизанские силы по армейскому типу: взводы, роты, полки. Он сказал также, что у них действуют курсы командиров, и Николай Лебедев остался на этих курсах.

После возвращения из Тасеево я был избран председателем агитационного отдела фронта, богучанский учитель Брюханов Иван Емельянович — секретарем и заведующим редакционной частью, членами — Чемоданов Максим Ксенофонтович и другие.

Тасеевцы прислали нам опытного командира, Машукова, который приехал как представитель тасеевцев, а затем, по нашей просьбе, был оставлен и

³¹ Село Кондратьево основано в 1776 г. По данным на 1926 г., 81 хозяйство, 442 жителя (212 муж. и 230 жен. пола).

назначен сначала командиром одного из отрядов, а затем главнокомандующим фронтом.

Когда наш фронт стал снова выходить к Тайшету, появился скрывавшийся в тайге Кочергин Евдоким, но на командные посты он уже не избирался.

Зимой — в октябре, ноябре и декабре — у нас был ряд боев с румынами во время продвижения к Тайшету. В декабре или январе, когда штаб стоял в Бузыкано³², к нам приехала делегация отступающей буржуазии (гражданского населения) с просьбой пропустить их обоз. Мы заявили, что беспрепятственно пропустить не можем: осмотрим, проверим, что за люди, ценности реквизируем, а кого можно, пропустим. Делегация удалилась — и никакого обоза не было.

Наконец отряды вошли в Тайшет и соединились с Красной армией, с 264-м полком, штаб вошел несколько позже, вслед за отрядами. Я был назначен председателем Тайшетского ревкома. Мы мобилизовали тайшетскую буржуазию на восстановление разрушенного, взорванного чехами моста через реку Бирюса.

Но вскоре пришел приказ — догнать 264-й полк, я присоединился к нему в Нижнеудинске. Меня хотели назначить комиссаром батальона, но я отказался — политически отстал. Направили в политшколу, потом избрали секретарем полкового бюро Российской коммунистической партии большевиков (РКПб). Это было, когда наш полк стоял в Тулуне или Зиме.

В Зиме нам пришлось хоронить двести партизан, зарубленных белыми при отступлении (отрублены носы, уши, вырваны языки).

264-й полк шел по северной стороне Транссиба, а 263-й — по южной, на Иркутск. Пришли в Иннокентьевскую, простояли там трое суток, пока в Иркутске готовили встречу. В Иркутске стояли долго, помню триумфальную ледяную арку. В городе вылавливали (?) буржуазию. Однажды во время облав и обысков из окон домов по нам открыли пулеметный огонь. Ворвались в дома, взяли восемь генералов и двадцать восемь попов, под двойным дном в чемоданах — генеральские документы.

На Пасху получили приказ занять позиции на реке Селенге всей 30-й дивизией. Наш полк расположился в дер. Творогова (штаб полка). Полковое бюро вместе с командиром полка участвовало в первых рядах в вылавливании врагов на горе. Затем участвовали в ликвидации Унгерна в Монголии, затем была переброска в Верхне-Удинск (Улан-Удэ), здесь захватили бронепоезд семеновцев «Мститель».

После победы над Японией и атаманом Семёновым — приказ идти на польский фронт. На вагонах плакаты «Даешь Варшаву!», но пришлось идти на Врангеля.

Я заболел лихорадкой, думали, что тиф, в Тулуне оставили в больнице. После болезни получил отпуск, а после направили в распоряжение Канского

³² Деревня Бузыкано, Конторской волости, основана 1912 г. По данным на 1917 г., 58 хозяйств, 310 жителя (148 муж. и 162 жен. пола).

уездного военного комиссариата. Там стоял 258-й полк. Я встретил Склизкого, который уже переметнулся к большевикам и был продовольственным комиссаром, но его продовольственные агенты состояли сплошь из белогвардейских офицеров, они подняли известное Голопуповское восстание³³.

В 1921 году я вернулся в Тайшет. Работал в Шиткинском райисполкоме, на сользаводе и в других местах, а в 1927 году переселился в участок Верхний-Урик близ Канска, где мы создали коммуну.

В 1929 году меня заочно исключили из партии, якобы за срыв хлебозаготовок (я был председателем сельпо). Я не проявил настойчивости в реабилитации и постепенно свыкся с мыслью, что могу существовать вне партии, хотя до сих пор с горечью вспоминаю этот нелепый случай и всем существом своим считаю себя коммунистом. Ведь я вступил в партию, когда мне было 16 лет — в 1905 году.

А. Ю. Черневский: Спасибо за беседу, я утомил вас. У меня осталось еще много вопросов, но, возможно, вы сами желаете сообщить что-нибудь, быть может, отдельные эпизоды...

А. К. Кепул: Все сразу трудно вспомнить. Скажу несколько слов о чунских крестьянах. Сразу после первого крупного бирюсинского боя³⁴, который продолжался с небольшим затишьем ровно трое суток, 25 апреля 1919 года главный Шиткинский штаб (Военно-революционный Совет) постановил провести мобилизацию мужчин 1895, 96 и 97 годов рождения. Пополнение пришло из Чуны³⁵.

Чунские крестьяне хорошие стрелки-охотники, но они очень забиты, неграмотны, царское правительство на военную службу их не брало, за что они платили ясак. Нам обучать тоже некогда было. Зачислили всех в лыжные отряды. Нас, членов штаба, часто направляли на вылазки, и с одним из чунских крестьян я однажды отправился на байроновские хутора, к ж.д. линии — устроить диверсию. Насыпь там высокая, в ложбине березнячок, дорога делает крутой изгиб. Вот залегли мы, внушаем чунским, чтобы не боялись поезда (многие из них никогда его не видели). Вот из Тайшета идет эшелон. Мы лежим с северной стороны насыпи у вершины ж.д. дуги, поэтому поезд несется прямо на нас. И вдруг наши партизаны повскакали во весь рост: «Ой, ой, задавит!» — и с криками бросились бежать кто куда. Эшелон оказался воинским, остановился и открыл ураганный пулеметный огонь, многих скосило.

После этого мы стали советоваться с Волгиным, что делать, и решили отпустить чунцев по домам. Но все же мы отобрали среди них более расторопных и дополнили партизанские отряды. Чунские крестьяне участвовали в составе акульшетского отряда во взятии ст. Тайшет (где их тоже много

³³ Деревня Голопуповское — Верхний Амонаш.

³⁴ Оборона партизанами села Бирюса от солдат есаула И. П. Красильникова и белочехов.

³⁵ Деревня Чуна (Каменка) основана в 1912 г. По данным на (?), 284 жителя (142 муж. и 142 жен. пола), 48 хозяйств (34 старожильческих и 14 переселенческих).

погибло: они попрятались по дворам, но белые выловили и повесили), а также в несении караульной службы в окопах и т.п.

Мне приходилось от штаба ездить в Червянку³⁶, Выдрино³⁷, Березовку³⁸ и другие села для заготовки собачьих шкур на дохи партизанам-лыжникам. Надо было заготовить около тысячи. Проводили собрания, разъясняли, и крестьяне охотно давали все необходимое. Требуется от деревни пятьдесят штук, а они несут... сто.

Отдельные эпизоды и факты, записанные в беседах 26 апреля – 7 мая 1960 года

• Когда отступающие белогвардейцы пошли с Алзамая³⁹ на Чуну, чтобы пробиться в район Братска на Новониколаевский (исправлено: «Николаевский». — Е. С.) завод, мы направили им наперерез большой кавалерийский отряд под командованием Завязкина, т.к. Баерский фронт к тому времени был ликвидирован. Кавалеристы выполнили свою задачу, полностью уничтожив на Чукше⁴⁰ отряд... взяв много пленных, богатств и оружия. В числе пленных были музыканты духового оркестра из учебного батальона — двенадцать человек, при инструментах. Оркестр влился в Красную армию. Около Зимы или Тулуна, когда село, где мы должны были отдыхать, оказалось занятым 263-м полком, и нам надо было идти дальше, до следующего селения, музыканты играли, и мы шли веселее.

• Первые сведения о приближении Красной армии мы получили в январе. В январе же вышли к Тайшету, когда Красная армия заняла Канск. Когда я прибыл в Тайшет, лидеров эсеров и меньшевиков Лосинского, Мункина, Дискова и др. не было, очевидно, они бежали! Мне говорили, что в Тайшете был Теодорович Иван Адольфович, который скрывался на сользаводе⁴¹. Он был после Октябрьской революции уполномоченным комиссаром продовольственных заготовок по Восточной Сибири и так оказался в тылу Колчака.

³⁶ Деревня Червянка основана в середине XVII в. По данным на 1917 г., 546 жителей (271 муж. и 275 жен. пола), 136 хозяйств (109 старожильческих и 27 переселенческих).

³⁷ Деревня Выдрино (Савино, Смолино) основана в 1725 (?) году. По данным на 1917 г., 80 хозяйств, 356 жителей (174 муж. и 182 жен. пола).

³⁸ Деревня Березовка (Березово), на реке Мура, основана в середине XVII в. По данным на (?), 37 хозяйств (34 старожильческих), 213 жителей (114 муж. и 99 жен. пола).

³⁹ Село Алзамай, в долине реки Топорок, основано в середине XVIII в., названо по имени предводителей Хонгодоровского рода — Алзамай (Алзобе, Олзоны, Олзома).

⁴⁰ Чукша — река и поселок в Чунском районе Иркутской области. Переселенческий участок Чукша выделен для заселения в 1912 г. По данным на 1917 г., 16 хозяйств (4 старожильческих, 12 переселенческих), 98 жителей.

⁴¹ Место добычи соли на реке Туманшет, притоке Бирюсы.

• Насколько я помню, мы даже не знали, что он где-то близко. Тийс, надо сказать, тоже был мало задействован в организации Серафимовского отряда и больше скрывался. Вообще же на сользаводе в основном была эсеровская штаб-квартира, и сам «хозяин» сользавода, кооператор Кочергин Гаврил Никанорович, был эсером. (Эсеры старались большевиков спровадить на сользавод, чтобы они не помогали партизанскому движению.)

• Румыны, одиннадцать человек, перешли к нам в Акульшетский отряд. Конные, они ехали, свесив ноги на одну сторону, и держали в руках белый флаг.

• Уточню некоторые данные. Нас по делу 2-го сельского района Либавского комитета РСДРП было привлечено около ста человек, а судили тридцать пять. Одному вынесли смертный приговор, нескольким присудили вечную каторгу, другим — различные сроки каторги: от 4-х до 25 лет. Восемнадцати человекам каторга была заменена вечной ссылкой под гласный надзор полиции в Сибирь — эти поехали вместе со мной. Приговоренному к смерти товарищу, к счастью, при помощи партии удалось бежать из тюрьмы.

• У нас, ссыльных, в годы царизма любимой песней была «Варяг», запрещенная, а, кроме того, наша латышская Райниса. Название ее не помню, но смысл такой: росли высокие сосны на берегу моря, ветер не мог их согнуть, сломал. Помню, когда нас брал конвой для этапирования в Сибирь, жандарм объявил: «Вы лишены всяких прав. Будут стрелять в воробья, попадут в вас — никто не в ответе».

• В Тремино было дворов тридцать — тридцать пять.

• При освобождении... мы создавали сельские революционные комитеты (сельревком).

• Я хорошо помню, что Бурлов был направлен штабом, когда мы стояли в... и в связи с тем, что были получены сведения о движении по Ангаре отряда особого назначения. С ним пошло двадцать пять человек.

• В Тайшете у нас был сочувствующий партизанам и помогавший порохом, оружием купец Айдинов Григорий Иванович, кондитер-кавказец. Партизаны Староаккульшетского отряда, не зная этого, поймали и арестовали его на заимке, сожгли его заимку (скотобаза). Мы его, конечно, освободили. (Это сделал... (неразборчиво. — Е. С.) Буйлин!)

• Нижняя Заимка, Заречинск, Тракт-Кавказ, Тракт-Ужет, Верхний, Средний и Нижний Ужеты были Конторской волости, а Старый Акульшет — Тайшетской.

• Тайшет, начиная с января 1918 года, неофициально был как бы районом, объединившим Конторскую, Тайшетскую и Шелеховскую волости, и посылал своих делегатов на уездные съезды и в Канск и в Нижнеудинск.

• Боград приезжал к нам зимой, вскоре после подавления юнкеровского мятежа в Иркутске.

• Исправник находился в Иланске, а крестьянский и переселенческий начальники — в Тинах⁴².

⁴² Село Тины, Нижнеингашского района, появилось в середине XVIII в. на Московский-Сибирском тракте как станок. Значится селом с 1912 г. По данным на 1917 г., 221 хозяйство, 488 жителей.

• Теодорович в 1917 году, после Февральской революции, приезжал в Шалаево.

• Помню, в Тайшете, уже после победы большевиков, в январе — мае 1918 года, меньшевик Слизский устроил ядовитую шутку. Как-то он, будучи председателем райпотребсоюза (отделение Енгубсоюза), поймав на улице, подсунил мне, как секретарю РИКа, на подпись какую-то бумажку. Я подписал не читая. И вот однажды он приносит в райисполком две короны, изготовленные из белой жести. «Что за шутки?» — возмутился Тийс. — «Никаких шуток, вот заявка, подписанная Кепулом».

• Был у нас в Шиткино ссыльный поляк, меньшевик Половицкий. После Февральской революции он уехал в Польшу, а когда я работал секретарем продовольственной управы, вернулся и, минуя нас, закупил и хотел вывезти вагон продовольствия. Я не разрешил. «Как тебе не стыдно, — обиделся он, — так-то мы помогаешь старым знакомым».

• Командиром 264-го полка был латыш Аренек. Его брали в плен колчаковцы, расстреляли, но он выжил, словно восстал из мертвых. Высокий, лет сорока — сорока пяти.

• Михаил Петрович Богданович был комиссаром батальона 264-го полка.

• Евдоким Григорьевич Кочергин после слияния с Красной армией стал командиром батальона. Однажды в Иркутске он подвыпил, учинил скандал и выстрелил в одного гражданского. Хотя и не задел человека, его посадили на семь суток под арест и отстранили от командования батальоном.

• При создании органов новой власти в Нижней Заимке зажиточный крестьянин Кочергин Андрей Иванович единственный высказался против большевистских Советов: «Я за Советы, но без большевиков».

• Николай Иванович Куприянов — эсер, из земских, работавший при Лосинском. Я не понимаю, как он попал в председатели Шиткинского районного Совета. Но возможно, я путаю его с Мункиным Николай Ивановичем. (Этот абзац перечеркнут карандашом. — *Е. С.*)

• Теперь я вспомнил, что партизанская кличка Евдокима Кочергина была Майковский, он-то вместе с некоторыми другими и ударился в панику и скрывался на хуторе Ивана Завитова (Завирова? — *Е. С.*) у озера. Вообще, Кочергин находился под сильным влиянием эсеров, членов Четвертой Государственной Думы Завирова⁴³, Норенкова и других. (Поверх этого абзаца Черневский написал: «Ерунда!». — *Е. С.*) Да это и не удивительно, он был сыном самого крупного нижнезаимского кулака, пахавшего 130 десятин земли, имевшего 30 лошадей. Помню, в начале движения его отец раскрыл три амбара и роздал хлеб народу на семена. Трех лошадей у него конфисковали для партизанского фронта, а племенного жеребца взяли чехи, но он от них убежал и достался нам. В налете на ст. Тайшет Кочергин не участвовал, он должен был вести Конторско-Бирюсинский отряд и находился в Конторке вместе с Бичом и Яковом Москвитиным (Черневский: «Неправда!» — *Е. С.*).

⁴³ Депутата IV Государственной думы с такой фамилией не было.

- В момент отступления из Бирюсы отступал и Тасеевский фронт — на...
- В характере и поведении Бича было много отрицательных черт. Он был преданным делу большевиком (далее зачеркнуто. — Е. С.), но горяч, страдал самомнением, на заседаниях штаба на замечания отвечал с раздражением, что сам знает, что делает, и т.п.

- В Нижнеудинске передовые части 263-го и 264-го полков имели бой с белочехами, но мы, я и Брюханов, прибыли, когда бой уже кончился. Это было в самых последних числах февраля. Как то, проходя по ст. Нижнеудинск, мы услышали стоны в одном из закрытых вагонов-теплушек. Раскрыли двери: полный вагон женщин на нарах. Они уже замерзали — это наложницы белочехов, брошенные на произвол судьбы в неотапливаемом вагоне. Один партизан хотел бросить в вагон гранату, но его удержали. Женщин выпустили, многих пришлось направить в госпиталь. Там же, на путях, стоял целый эшелон с обуглившимися трупами лошадей.

- В Шиткино было несколько Смолиных, один был в партизанах, один мелкий лавочник, скупавший у нас еще в ссылке рябчиков (по 1 рублю за пару).

- Между Шиткинским и Тасеевским фронтами, западнее Шалаева, существовал так называемый Апанский⁴⁴ фронт, через который мы держали связь с Тасеево. Это был скорее отряд-заслон, действовавший... по связи. (Этот абзац перечеркнут Черневским. — Е. С.)

- Галошин⁴⁵ — тайшетский, эсер, был начальником милиции при земстве и некоторое время после земства при нас. Затем мы его сместили и поставили Бельницкого. При Колчаке он снова стал начальником милиции. Лет тридцати пяти, среднего роста, плотный.

- Переговоры между партизанами и чехами велись не раз, но это было в момент их отступления на восток.

- В Шиткино жил ссыльный польский еврей Половицкий — в ссылке с 1905 года, по делу Бунда, часовой мастер и мелкий купчик.

- Как могли шегашетские партизаны в засаде у джогинского гумна в первом шиткинском бою пропустить отступающий белогвардейский отряд? Отряд отступал по той же дороге, по которой пришел, а вовсе не по тракту. Охрану он выставил на конце деревни, в месте ее выхода на Бузыканово, и, поспешно отступая, не успел забрать, снять пост. Свенский жил рядом с лавочником Половицким, и когда забежал в свой дом, его, очевидно, заметили и при выходе схватили в дверях. От места расположения засады заречинских, откуда велся бой, этого не было видно. Мы увидели, уже когда его на санях

⁴⁴ Село Апано-Ключи (Ключинская-Апан), Абанской волости. По данным на 1917 г. 135 хозяйств (35 старожильческих, 100 переселенческих), 719 жителей (363 муж. пола).

⁴⁵ В январе образован Тасеевский фронт. Численность партизанских отрядов достигла трех тысяч человек. Правда, хорошо вооруженной была лишь треть. Имелось несколько пулеметов, но не хватало пулеметных лент. Территория восстания расширялась. В Асанске был сформирован Асанский отряд. В селе Апано-Ключи фронтовик унтер-офицер Данила Апанович сформировал Апанский отряд.

везли рысью и весь отряд бежал. Мы, конечно, обстреляли их, тогда-то и убили одного и ранили двоих, но делу не помогли.

- Главным военным органом был Военно-революционный штаб, названный позже главным штабом Шиткинского фронта, или главный Шиткинский штаб, переименованный в Военно-революционный совет. А Военно-революционный совет был создан 13 мая 1919 года на съезде в Шиткино — как орган гражданской власти в районе действия Шиткинского фронта, для содействия фронту и руководства тылом (слева от текста пометка: «Не так». — Е. С.)

- Большинство ссыльных поляков были ППСовцы (Польская партия социалистов. — Е. С.), в том числе и Свенский, сосланный в 1911 году. До Февральской революции он работал сторожем на тракте Шиткино — Неванка (Бунбуйский тракт) и жил в зимовье в тайге. Завел хозяйство, лошадь, корову, занимался охотой. У него была охотничья собака Пальма и двустволка (16 калибр). Роста он был выше среднего, коренастый, в моих годах, молодой. Мы познакомились с ним...

- Первую зиму, с 1912-го на 1913 год (есть исправление дат. — Е. С.), я и другие наши ссыльные работали на строительстве Черенгачетской церкви⁴⁶.

- Латыши Ян Пепул, Бутовец и Фогель, сосланные в 1905 году, жили на своих хуторах по обычаю латышей.

- Помню в Либаве на суде нас защищали «прогрессивные» либеральные юристы, приехавшие из Питера, — Керенский (очень хороший оратор и демагог, тогда принадлежал к трудовой партии, «трудовик»), Шмабит (?) и еще один.

- «Господа судьи! Посмотрите, кого вы судите. Их идеи безрассудны и опасны, но ведь это юноши, которые еще не способны выбрать правильный путь, они идут за тем, кто их ведет...»

- Франц Мательсон погиб на Клюквенском фронте⁴⁷ (заметка Черневского: «Нет. Не так!» — Е. С.).

- У нас, у латышей, была обувь — пастолы (постолы) вроде сибирских ичигов.

- Помню, во время трехдневного бирюсинского пасхального боя мы выпустили листовку, в которой разоблачали ханжество белых, говоривших о милосердии Божьем, а на деле устраивавших на Пасху бойню.

⁴⁶ Деревня Черенгачет, Шелаевской волости, основана 1907 г. По данным на 1917 г., 84 хозяйства, 412 жителей.

⁴⁷ Клюквенский фронт. В 1897 г. станция Транссиба Уяр переименована в Ольгино, в 1906 г. стала именоваться Клюквенная. В 1934-м Уяр и поселок при станции Клюквенная объединили. Новому административному образованию оставили название Уяр (с 1944 г. город). Здесь в мае-июне 1918 г. большевиками был образован Клюквенский фронт для защиты Красноярска от белочехов и белогвардейцев.

Голопуповское восстание (Верхний Амонаш, с начала октября по 19—20 ноября 1920 г.) охватило шесть волостей Канского уезда. В нем участвовали, по неполным данным, более 500 человек, в основном конники, но без седел. Вооружены были охотничьими ружьями и гранатами, винтовки имели не более трети восставших. Среди восставших было 705 пехотинцев, 111 конников при двух орудиях и пяти пулеметах. 14 ноября начался штурм Верхнего Амонаша. Несмотря на упорное сопротивление, в этот же день село было взято красноармейцами.

• Когда мы, ссыльные латыши, двенадцать человек, оказались на строительстве тракта Лапино — Богучаны у речки и села Карабула⁴⁸, сначала испугались: мошка, особенно мокрец, заедала, и мы в первый же день работы решили уйти. Все молодые, интеллигентные, к физическому труду не привычные, мозоли на руках, а тут еще от мошки распухли. Приобрели сетки. Уйти — денег нет на обратный путь. Так и привыкли, построили два километра и ушли. Тракт — 110 километров — был полностью закончен за два года: 1911—1912.

• В Гоголевке⁴⁹ (Нижняя Гоголевка) жили семь братьев Кондратьевых. Но был один партизан Кондратьев Январь — байроновский.

• Айдинов Григорий Иванович — купец-кондитер, имевший свою заимку там, где сейчас скотобаза, две-три лошади, в том числе тяжеловоза по кличке Бабай — саврасый, ленивый (только пукает), пасеку, два дома, сарай. Был здоровый, высокий, 52—54 года, но уже седой. Жена — черная, злая. Партизаны арестовали его, забрали коней: Бабая, серого инохода (его выездной конь) и гнедого бегунка (тоже его выездной). Усадьбу сожгли, даже пасеку — жгли в течение трех дней. И хотя штаб его освободил, возвращать было нечего. А кони его до конца находились у партизан. У него был племянник или брат, Назар Иванович, который тоже часто наезжал в заимку (сообщили другие). (Приписка рукой Черневского: «Это сделал Буйлин!». — Е. С.)

• Мы познакомились с ним (кто? Кепул познакомился? — Е. С.) в 1912 или 1913 году, когда я работал в Шиткино на ремонте тракта и жил в Джогино⁵⁰ — у отца, старика, бывшего уголовного ссыльного, который очень хорошо играл на самодельной дудке. Со Свенским у нас завязалась дружба, мы стали вместе ходить на охоту. Со Свенским жила полячка-еврейка Флора Андреевна, которую он долго выдавал за свою сестру, скрывая от нас сожителство со ссыльной. Девичью фамилию ее не помню. Она тоже ППСовка. Фактически они стали мужем и женой в 1919 году, было двое детей (обе девочки или мальчик и девочка). Свенский отличался польским высокомерием, оскорбительностью, он не был очень развит, но стоял на большевистских позициях. Усов и бороды не носил, был рыжий. Жена женщина тоже среднего развития, немного моложе его, пониже ростом.

Однажды мы пошли на охоту к Тракт-Ужету. У джогинской избы ребята играли в бабки.

⁴⁸ Деревня Карабула. По данным на 1926 г., 76 хозяйств, 431 житель (213 муж. и 218 жен. пола).

⁴⁹ Деревня Верхняя Гоголевка основана в 1910 г. По данным на 1917 г., 28 хозяйств, 148 жителей (73 муж. и 75 жен. пола).

Деревня Средняя Гоголевка основана в 1910 г. По данным на 1917 г., 19 хозяйств, 87 жителей (47 муж. и 40 жен. пола).

Деревня Нижняя Гоголевка основана в 1910 г. По данным на 1917 г., 41 хозяйство, 204 жителя (98 муж. и 106 жен. пола).

⁵⁰ Деревня Джогино (Большой Джокин) основана в 1912 г., названа по фамилии первого жителя. По данным на 1917 г., 33 хозяйства, 184 жителя (87 муж., 97 жен. пола).

— Эй, охотники, а ну попадите в шапку!

Свенский выстрелил и не попал, я — попал.

— А ну в сапог!

Парень снял сапог — и опять у Свенского неудача, а я прострелил.

Свенский всю дорогу молчал, был злой. На охоте залаяли собаки на белку.

— Это мая Пальма.

— Нет, это мои (у меня был кабель, лаял на вершины, и сука — по низу).

Пришли на лай. Мои! Свенский совсем рассердился на меня. Пробьли в тайге месяц, а ничего не добыли, несколько подпалей (не чистых белок, ранних, октябрьских) и несколько чернохвосток, чистых, ноябрьских. Первые скупались по 50—75 копеек за штуку, чернохвостки по 1.50 копеек.

• Из письма А. К. Кепула, конец декабря 1960 года: «На гражданской майской конференции нижнезаимский эсер Кочергин Иван Андреевич ратовал за учредительное собрание и соглашался на Советы без большевиков. Но коммунисты взяли верх. В Совет вошли большевики Лагин М.Т., Вирченко И.В., Кепул А.К., Бурмакин (?), Чайковский Ф.М. и Швайдецкий В.Н., сочувствующие: Куприянов Н., Рахманов Ф.А., Коротков Н.Ф., эсер Кочергин А.И. (зачеркнуто. — Е. С.) И.А. и б/п Неизвестных И.Р.». (Черневский: «Рахманов — меньшевик-плекхановец, Коротков — большевик (пожалуй, нет)». — Е. С.)

Об А. К. Кепуле

Выше среднего роста, глаза зелено-карие (по тюремным приметам, карие), усы и борода, брови густые, лицо строгое, взгляд проникающий. Редко шутит и улыбается — таким он был и раньше, по рассказам других. Говорит не на чистом русском языке, а с акцентом («бил» вместо «был», «нье может» вместо «не может», слова растягивает, монотонно). Тип штабиста — канцеляриста-кабинетчика и конспиратора, но не боевого руководителя — оратора, трибуна, командира.

Родился 24 мая 1889 года в Латвии (Курляндская губерния, Туккумский уезд, Ремтенская волость, хутор Цаунас), в семье батрака. С 1899-го по 1904 год учился в Ремтенской сельской школе, с 1904-го по 1908 год — в четырехклассном училище (курс гимназии) в г. Салдус.

Член РСДРП(б) с 1904 года, состоял во втором сельском районе Либавской организации РСДРП (б). В 1911 году 5 мая был арестован, а 27 мая, по приговору выездной сессии Санкт-Петербургской судебной палаты, приговорен на вечное поселение в Сибирь. Однопроцессники: Деклау, Лукс, Лимс, Бирзе, Тийс, Мательсон, Пумпурс и др.

Даты жизни, начиная с ссылки:

- октябрь 1910-го — май 1912 г. — батрак у треминских крестьян;
- май — октябрь 1912 г. — рабочий на тракте Лапино — Богучаны;
- январь 1913-го — май 1917 г. — сельский писарь Заречинского и Тракт-Кавказского участков;
- май — июль 1917 г. — конторщик мастерской в Нижней Заимке;
- июль — ноябрь 1917 г. — делопроизводитель Тайшетской прод. управы;
- ноябрь 1917-го — январь 1918 г. — завторготделом Тайшетского сельпо;

- февраль — октябрь 1918 г. — секретарь Тайшетского районного исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся;
- ноябрь 1918-го — январь 1919 — подполье в Заречинском;
- февраль 1919-го — февраль 1920 г. — участие в партизанском движении Шиткинского фронта, член Военно-революционного штаба;
- февраль 1920-го — март 1921 г. — служба в 264-м полку 30-й дивизии;
- апрель — октябрь 1921 г. — конторщик советских мастерских в Нижней Заимке;
- ноябрь 1921-го — май 1925 г. — Туманшетский сользавод;
- июнь 1925-го — май 1928 г. — делопроизводитель ЗАГСа, Шиткинский РИК;
- июль 1928-го — декабрь 1930 г. — счетовод Зареченской сельхозартели в с. Большая Уря Канского округа;
- январь — июнь 1931 — счетоводческие курсы в Канске;
- июль 1931-го — январь 1933 г. — счетовод Больше-Ключинского сельпо в Рыбинском районе;
- февраль 1933-го — май 1934 г. — счетовод Мало-Уринского сельпо в с. Малая Уря Канского района;
- март 1934-го — июнь 1937 г. — бухгалтер ОРСа Канского завода молочных консервов;
- 1938—1939 гг. — репрессирован, но освобожден по прекращению дела;
- 1939 г. — на счетно-бухгалтерской работе.

В 1929 году был заочно исключен из партии и не проявил энергии в реабилитации и восстановлении (мотив исключения: невыполнение плана хлебозаготовок).

Из письма племянницы А. К. Кепула А. Ю. Черневскому: «Здравствуйте, товарищ Черневский! Я прочла в газете вашу статью «Шиткинскому восстанию — 50 лет», большое вам спасибо. Вы так хорошо пишете о тех, кто завоевал Советскую власть, кто дал нам счастье. Вы пишете о многих товарищах, участвовавших в боях на Шиткинском фронте. Мой дядя Анс Карлович Кепул и отец Яков Васильевич Степанченко являлись участниками Шиткинского фронта, отец был рядовым партизаном, а Анс Карлович организатором. Оба они умерли, отец умер в 1965 г., прожил 70 лет, родился в 1895 г. Дядю я ездила хоронить в Канск в прошлом 1968 году 11 августа.

Анс Карлович часто приезжал к отцу в Тайшет (ул. Жданова, дом № 100) на празднование Октябрьской революции, они долго делились воспоминаниями о своем славном прошлом. Жаль, что я очень плохо понимала речь дяди, он говорил с сильным латышским акцентом, несмотря на то что приехал в Сибирь совсем еще юным, и очень тихо говорил, никогда не повышая голоса, даже в самых бы, казалось, местах рассказов своих страшных.

Вот мы, молодежь, — у отца нашего восемь детей — удивлялись самообладанию, выдержке и силе воли нашего милого и любимого дяди. Нам казалось всегда, что он никого никогда не боится, в самой опасной обстановке выдержанный, смелый. У моего дяди очень скромный характер, никогда и нигде он о себе ничего не скажет, вот с отцом только делился впечатлениями и всем пережитым.

Моя мать и жена Анса Карловича — родные сестры, тетя Ксения Николаевна мамина старшая сестра, а мама, Анна Николаевна, моложе ее года на два. Моя мать обладает большой памятью, хотя совсем неграмотная, красноречива, она мельчайшие события, кажется, день за днем, год за годом помнит. Она рассказывала о чехах, как они расправлялись с партизанами, отец тоже был под расстрелом чехов, но случайно уцелел. Они всех построили партизан в одну шеренгу и каждого десятого расстреливали, а отец был рядом. Оставшиеся ушли опять в партизаны, их постоянно разыскивали белогвардейцы, приходили в дом к матери, допрашивали, где отец, где братья ее, — у мамы много братьев, четверо братьев, сестра одна. Бедным женщинам — и маме, и тете — пришлось много пережить страшного.

Мать живет на Украине у моей сестры, тетя — в Канске у дочери Нины. У меня есть фото Анса Карловича, открытка его, если что, я вам передам.

До свидания. Товарищ Черневский, хотелось бы знать ваше имя и отчество. Спасибо вам за очерк».

Документы А. К. Кепула

- Удостоверение бывшего красногвардейца и красного партизана № 11675, выданное районной партизанской комиссией Канского райисполкома 10. III.1934 г.

- Архивная справка, выданная государственным архивом Иркутской области 5 июля 1958 г., за №К-246, Кепулу Ансу Карловичу: «Государственный архив Иркутской области сообщает, что в неполных документальных материалах Шиткинской районной комиссии по восстановлению красных партизан, в списке участников подпольной работы с июня 1918 г. в Шиткинском районе, в Сергеевской (Конторской волости) значится: Кепол (а не Кепул) Анс Карлович, бывший ссыльно-поселенец и член ВКПб. Основание: ф. 2600, св. 1, д. 2. Начальник Государственного архива Иркутской области Мещерский. Начальник отдела Усольцева».

ВАСИЛИЙ РОМАНОВИЧ ИГНАТОВ

**Бывший житель деревни Шегашет, Шалаевской волости, Канского уезда.
Беседа состоялась 6 мая 1960 года.**

Конечно, я был малец, но многое помню из времен партизанщины. Самыми настоящими партизанами из нашей деревни были:

Погодин Денис Павлович (в партизанах, не точно), затем председатель ревкома;

Пагодин Григорий Михайлович;

Погодин Андрей Михайлович, погиб и похоронен в Нижней Заимке;

Хоменко Иван Дмитриевич, погиб вместе с Погодиным;

Пикозин Алексей с хутора Ломтик¹, пимокат;

Лабик Тимофей Савельевич (неточно) (против этой фамилии запись карандашом: «моб.» — мобилизованный. — Е. С.);

Горлачев Егор Семенович;

Гамзюк Андрей;

Босых Максим Савельевич;

Босых Семен Савельевич;

Гусенок Никита, в 1930 г. б...т;

Гусенок Дмитрий;

Кошельский Казимир Иванович;

Онуфриев Николай Якимович, в 1930 г. содействовал банде (мобилизованный);

Цекалов Свирид (не точно);

Силин Трифон Яковлевич;

Лавренов Василий Степанович (а не Лаврентьевич?);

Гаев Савелий (мобилизованный);

Егоров Василий (мобилизованный);

Осташков Василий Пахомович;

Погодин Влас Михайлович (мобилизованный).

Онуфриева Григория (Тимохина) — не знаю. Гусенка Виктора у нас не было. Были у нас еще боевые ребята, кажется, тоже партизаны, но точно я не знаю. Запишите их, проверьте: Ладик Андрей Савельевич, Босых Иван Савельевич (это имя зачеркнуто. — Е. С.), Старостин Кирилл Григорьевич, Семенов Гаврила, Смелик Ефим, Онуфриев Артюха, братья Лавреновы (Василий Степанович, Федор и Никитка), Бирюлев Лукаш Степанович (запись зачеркнута. — Е. С.), Погодин Иван Павлович (запись зачеркнута. — Е. С.), ссыльный Венедиктов и другие. Горбунов Николай Ив. (запись

¹ Деревня Ломтик (хутор Никонова на реке Пинчет), Шалаевской волости, основана в 1912 г. По данным на (?), 6 жителей, 1 хозяйство.

зачеркнута. — Е. С.), Ольховка Терентий, Цекало Яков (запись зачеркнута. — Е. С.), Гаевы.

Лавренов Степан — это старик, отец братьев Лавреновых — Василия, Федора и Никитки, и вряд ли он мог быть в партизанах.

Хорошо помню, как подстрелили партизана Погодина Григория Михайловича. Раненный, он забежал в лесочек, румыны хотели его приколоть, но в это время им сообщили, что в дер. Ключик идет бой партизан с румынами, и эти ускакали. Погодину мать вынесла шубу, дала продуктов, и он ушел в тайгу. На другой день вернулись румыны, спрашивают, где тот раненный, били отца, старика Михайлу, но тот отвечал, что не знает.

Денис Иванович Погодин стал председателем сельревкома², у него было ружье, наган, и с ним в ревкоме был второй, чуваш Николай Федотов, тоже вооруженный. А кроме них был председатель сельсовета Погодин Иван Павлович, одновременно с ревкомом.

Пикозины были хорошими пимокатами, жили на хуторе у речки Пинчетки.

В Шегашете протекала река Шегашет, но по-правильному она называется Поперечка, или Пенчет.

Вокруг Шегашета было много деревень и деревушек:

- Яковская заимка — 25 верст;

- Черчет — 25 верст;

- Черенгачет — 12 верст (зачеркнуто. — Е. С.) 8 верст;

- Бузыкканова — 12 верст;

- Ключик (теперь Кемчено) — 10 верст;

- Грязнуха³ — 20 верст (дворов пятнадцать);

- Алешкин Ручей⁴ — 18 верст (большая деревня в два ряда в тайге, без речки).

Шегашет от Шиткино — 28 верст (это по новым деревням через тайгу, а по старому 5 верст), до Джогино — 6 верст, до Ломтика — 2—3 версты.

Сейчас я припоминаю, что Денис Павлович Погодин был председателем волостного революционного комитета в Шалаево, а к нам только наезжал, в нашем ревкоме были Николай Федотов и Николай Иванович Горбунов. Оба вооруженные, подчинялись Денису.

Венедиктов и Кошельский дружили, оба ссыльные. С ними был еще третий ссыльный, фамилию забыл. Кошельскому было лет 40—45, у него было уже двое детей. Он был без зубов и шепелявил.

Чехи и румыны у нас никогда подолгу не стояли, а были наездами.

Венедиктов жил не с Прасковьей Захаровой, а у нее, жил же он с Пронькой, на которой потом и женился.

Если ехать из Ключика (Кемчено) в Шегашет, надо перевалить через Змеиную гору, спуститься к мостику через р. Пенчет, что стоит у самой Ивановой

² Сельский революционный комитет — орган советской власти.

³ Деревня Грязнуха (хутор Яковенный) основана в 1876 г. По данным на 1920 г., 6 хозяйств, 31 житель.

⁴ Поселок Алешино основан в 1918 г. По данным на (?) 16 хозяйств, 86 жителей.

мельницы, и повернуть на юг по берегу Пенчета, миновать еще две мельницы — Калинину и Егорову (отца Василия Егорова), затем хутор Ломтик (в 2—3 верстах от Шегашета), и тогда будет Шегашет. От Ивановой мельницы до Дзюгино тоже версты две. У Калиновой мельницы можно переходить и переправляться в брод.

Была уже четвертая турбинная мельница Панова (мельник Панов в 1930 году был в банде и убит). В самом Шегашете была пятая мельница, Павла Савицкого. У устья Пенчета было много мельниц, потому что здесь очень быстрое течение.

От Грязнухи до Шиткино 6—8 верст.

НИКОЛАЙ ЕГОРОВИЧ МАЛЕЕВ

**1901 г.р.¹, бывший партизан Шиткинского фронта,
ныне персональный пенсионер, проживает в Амурской области
(Желтулакский район, поселок Стрелка, прииск Соловаевск),
стрелок охраны.**

**Беседа состоялась 9 и 10 мая 1960 года,
в дни празднования 15-летия разгрома гитлеровской Германии**

В 1919 г. мне было 18 лет, и я уже работал путевым рабочим на ст. Юрты², где и жила наша семья. Первым человеком, который заговорил со мной о том, что колчаковщина — это ярмо для народа, что надо вести борьбу против белогвардейщины, был наш юртинский парень, старше меня года на два-три, Михаил Иосифович Розенталь, еврей.

Мать его, Розенталиха, занималась мелкой торговлей. Я вообще с ними дружил. Он же позже сказал, что существует партизанский отряд и надо вступить в него. Он, я, Эрнст Беркен, Захарюк Иван и Осипенко Иван, шестеро юртинских и отправились в феврале 1919 года в Получеремхово, присоединились там к отряду крестьян, и ночью все пошли в Конторку. (Позже пришел из Юрт и Гугушкин, седьмой.) Здесь нас распределили по взводам. Помню, Иван Андреевич Бич отбирал в первую очередь людей в свой таежный лыжный отряд, и мы — почти все юртинские и часть получеремховцев — попали к нему. С точностью могу назвать влившихся в отряд Бича:

- 1) Миталь Николай Егорович, 1901 г.р.;
- 2) Розенталь Михаил Иосифович;
- 3) Беркен Эрст Петрович;
- 4) Осипенко Иван, 1903 г.р.;
- 5) Захарюк Иван;
- 6) Арефьев — Казаков (Казаков Арефий Миронович) из дер. Ключи;
- 7) Севостьянов Андрей (Мамаев уверяет, что он был в отряде Бича с оружием);
- 8) Иванов Федька с Ключей;
- 9) Жернов Василий Игнатьевич с Юрт;
- 10) Мамаев Александр Семенович, Кретинин Яков из д. Бирюса (этот пункт зачеркнут. — Е. С.) и другие.

Всего в отряде Бича сначала было человек двадцать пять, потом до пятидесяти. Хорошо помню Бича: был немного обросший, всегда в треухе с длинными ушами. Строгий, серьезный. На правой стороне у него висел наган с

¹ Умер 2 апреля 1980 года.

² Станция Юрты на Транссибе (1897 г.), 270 жителей; выселок Юрты — 17 хозяйств, 108 жителей (41 муж. и 38 жен. пола).

двумя красными кисточками. Говорил, как-то задрал голову, не глядя в лица партизан. «Товарищи партизаны, сегодня идем на операцию и уж что-нибудь да подложим врагу».

Розенталь и Арефьев были первыми помощниками Бича-Таежного, как бы его адъютантами, но всеми силами в Конторке командовал Игнат Козлов.

Мы в окопах и на постах не были, а только ходили на выполнение задач. Диверсии на железной дороге проводили главным образом в районе перегона Венгерка — Юрты.

Прибыв в ближайшую к линии железной дороги не занятую партизанами деревню, чаще всего в Черемшанку³ и Получеремхово⁴, мы мобилизовывали группу крестьян и с ними выходили на линию, если готовили крупную диверсию. Отбалчивали одно звено и за конец в разрыве поднимали, то есть выворачивали полотно рельсами вниз, а шпалами вверх. Начало этой работы было очень трудное, но зато дальше весь путь выворачивался легко при малейших усилиях. Так мы быстро вывели из строя линию на протяжении несколько сот метров. А на другой день белочехи сгоняли тех же крестьян для восстановления пути.

Однажды мы получили задачу подорвать броневик⁵. Вышли западнее Бирюсы к Юртам (вписано здесь: «вместе с Бичом». — *Е. С.*), заложили ящик с взрывчаткой и залегли за насыпью, под укрытием, вернее говоря, уже стали отходить низами, под насыпью. Броневику было близко, и Мамаев Александр Семенович не утерпел, высунулся из-за насыпи поглядеть, как он взорвется. Произошел взрыв, и Мамаев погиб. Броневику же только уткнулся в землю и встал.

Каждый раз на диверсию ходила часть отряда, иногда даже без Бича, но чаще всего с ним. Например, в разоружении охраны Суетихинского моста⁶. Я же в этом не участвовал и не помню, кто там был.

Во время первого бирюсинского боя мы, лыжники, тоже сидели в окопах у кладбища, но с лыжами. Партизан Андрей Кретинин решил стрелять стоя. Только поднялся из окопа и, наклонившись, стал целиться, как ему в шею попал снаряд и, не разорвавшись, прошел по спине, развалив его надвое (исправлено Черневским: «разрывной пулей снесло затылок». — *Е. С.*). (Дописано Черневским: «Очевидно, получеремховскими и еловскими командовал Степан Петров, юртинскими и черчетскими с частью конторских — Бич?» — *Е. С.*)

³ Деревня Черемшанка основана в 1907 г. По данным на 1917 г., 86 хозяйств, 517 жителей (263 муж. и 254 жен. пола).

⁴ Село Половино-Черемхово основано в период строительства Московско-Сибирского тракта, в конце XVIII в. По данным на 1917 г., 107 хозяйств (74 старожильческих, 33 переселенческих), 491 житель (257 муж., 234 жен. пола); на 1926 г., — 543 жителя.

⁵ Бронированный поезд.

⁶ Железнодорожный мост через Бирюсу в районе разъезда Суетиха (ныне г. Бирюсинск).

Мы обошли тракт (исправлено: «зимник». — Е. С.) с западной стороны, между трактом и болотом. Второй отряд лыжников, под командованием Жичкина, обошел с востока, с тайшетской стороны.

В майском налете белочешской разведки на Бирюсу Яков Москвитин, будучи ранен в правое бедро, выпустил себе в лоб пулю из маузера. Наш отряд по тревоге бросился на выручку, мы заняли окопы, но белых уже не было.

Помню день отступления. Начался артиллерийский обстрел с Суетиhi, а с Еловой⁷ пошли белые, и начался бой. Весь наш отряд Бича и другие залегли на Конторской горе и отражали обход белых. Стычка под Еловой началась раньше, чем артиллерийский обстрел деревни.

После отступления из Бирюсы и Конторки самой памятной для меня является гибель Михаила Розенталя. Он отбился от отряда, и когда, по его мнению, чехи оставили Шалаево, решил переправиться туда и с правого берега запросил лодку. Лодочник, фамилии которого я не знаю, перевоза Розенталя, не сказал ему, что в Шалаево еще стоят чехи. Когда Михаил переправился, его схватили и повесили. Он был увешан гранатами, с пистолетом и винтовкой, почему не сумел отбиться — неизвестно. Позже я и Орефаев, Казаков казнили этого лодочника. Это было в июне 1919 года.

В июле 1919 года я попал в отряд Константина Москвитина, который, в количестве 100 конных, отправился на Ангару. Мы, 95 человек, все ехали верхом, на лошадях, причем по совету партизана Сибукова, бывшего красногвардейца из... я и многие другие подобрали себе монголов, эти кони были хотя и маленькие, но выносливые. Другие старались сесть на рослых, гладких коней и просчитались. Мы были вооружены как пехота, без клинков и сабель. Но с нами отправился кавалерийский отряд Николая Бурлова (имя зачеркнуто и сверху красным карандашом написано: «Смолина», затем, на полях: «Это был не Бурлов, а Иван Смолин». — Е. С.) в 15 кавалеристов, все с клинками, в седлах. Это был небольшой кавалерийский отряд. Точно помню, что мы с Москвитиним и Бурловым отправились и все время ехали как один отряд, одновременно. Когда мы подошли к дер. Дворец⁸, 18 крупных лошадей пало, а наши монголы все выдержали путь.

В одной из деревень Ангары произошел такой случай. Мы задержали двух человек с флягой самогона. Оказалось, что это Москвитин посылал их за самогоном. В этой же или другой деревне (Займка или Алешкино) нас встретил вооруженный отряд крестьян, но когда мы вступили в деревню, они стали разбегаться, и при побеге были убиты два брата, организаторы кулацкого восстания, российские (?). Мы арестовали восемь человек и повели их якобы в арестантский дом, но по пути закололи штыками и бросили в Ангару. Один из трупов попал в сети к рыбакам, и это вызвало большие неприятности. Костя Москвитин инсценировал суд над «виновниками» са-

⁷ Деревня Еловая основана в конце XVIII в. По данным на 1917 г., 72 хозяйства (60 старожильческих, 12 переселенческих), 488 жителей (222 муж. и 266 жен. пола).

⁸ Дворец. В 1917 г. старожильческое село на Ангаре, Кежемский район.

мосуда. В какой именно деревне это было, точно сказать не могу по давности времени.

В той же деревне между Москвитиним и Бурловым (поверху этой фамилии красным карандашом написана другая. — *Е. С.*) произошла крупная стычка, из-за чего — не знаю, но они даже схватились за пистолеты. После этого Костя объявил, что наш отряд в 95 человек возвращается в Шиткино. В начале августа («Нет, в начале июля!» — исправил Черневский. — *Е. С.*) или в середине августа мы вернулись в Шиткинский фронт («В конце июня!» — написано Черневским. — *Е. С.*).

В конце августа, в пору жатвы, мне пришлось участвовать в операции против белорумын, казаков, в результате которой был освобожден плененный Бич. Произошло это так: к этому времени я попал в отряд Машукова. В Шалаево Машуков сказал, что идем на разведку. Он отобрал десять человек, в том числе и меня. Надо было сесть на добрых коней. В доме шалаевского кулака Геромогена Дмитр. Каверзина, где я ночевал, подружившись с его сыном Дмитрием, я раздобыл через Дмитрия лучшего жеребца, и мы отправились через Пойму и Черчет. Бича с нами не было. В отряд входили, что я абсолютно точно помню:

- 1) Машуков Алексей Федорович;
- 2) Мамаев Николай Егорович;
- 3) Иванов Федька (из д. Ключи);
- 4) Николаев («Пахоруков Николай?» — запись Черневского. — *Е. С.*);
- 5) Бугаев Николай («Максимович, бирюсинский» — позже дописано рукой Черневского. — *Е. С.*);
- 6) Селюк-Незнаев Сергей (из Бийска);
- 7) Жернов Василий (Юрты).

Остальных не помню. Кажется, был с нами Арефьев-Казаков, потому что он первым сообщил в Шалаево, где белые появились, что собирают разведку. Мы ехали на разведку в Черчет, где, по сведениям, стоял румынский батальон. На полпути, между Поймой и Черчетом, мы заехали на пашню, взяли снопы с суслонов⁹ овса для лошадей и выехали на дорогу. Вдруг мы услышали совсем с другой стороны, с восточной, непонятный нерусский говор, и среди этого говора русский язык. А еще до этого, когда мы выехали на дорогу, Машуков обратил внимание на следы на песке: «Проехали кованные кони, у нас таких нет. Значит, беляки. Следы ведут только на восток, обратно нету. Значит беляки там».

И когда услышали говор, залегли у моста через Солдатский лог¹⁰, т.к. мы вышли именно сюда. Но повторяю: и место нашей засады, и сама засада были чисто случайны. Мы не предполагали, что разъедемся с белым разъездом. И тем более не знали, что везут пленного Бича, ибо Бича с нами и поблизости не было.

⁹ Суслон — несколько снопов, поставленных в поле стоймя, колосьями вверх — для просушки.

¹⁰ Солдатский лог — местечко между деревнями Черчет и Качетар, вблизи реки Бирюса. Название появилось после описываемых событий.

Федьку Иванова послали с лошадьми в лесок на постой, девять человек залегли у моста. На западной стороне моста лежала большая коряга. Васька Жернов укрылся за вывороченным корневищем, я встал за лиственницу рядом с ним, а Колька Бугаев слева от меня, за другим деревом. Таким образом, я был посредине, Жернов справа, а Бугаев слева. Как рассредоточились другие, не помню.

И вот появился конный отряд из пятнадцати человек. Впереди русские белогвардейцы, все в казацкой форме, сзади — румыны.

Приказ Машукова: «Огонь!».

Мы открыли огонь. У меня была японская винтовка, у Бугаева карабин (японские винтовки получили от 6-й роты). После нашего залпа белые разбежались. Никого не видно. Мы поднялись во весь рост, стали собираться — и вдруг снова огонь. Видим, из ямок стреляют белые. Мы — по ним, убили четверых. Оказалось, что четверо раненых казаков попрятались в ямках, что остались у моста при рывке, они-то и открыли по нам огонь. Сняли с них одежду и оделись в нее.

В этой второй перестрелке мы все трое — я, Селюк, Бугаев — были ранены. Я в правое бедро, Бугаев — пуля прошла между позвоночником и животом, а Селюк-Незнаев был ранен в сердце с левой стороны, но пуля, пройдя правое легкое, вышла в правый бок. Селюка-Незнаева, как тяжелораненого, с двух сторон поддерживали конные — справа и слева, так и ехали. Я и Бугаев держались в седле сами. Едем. Только выехали на тракт, видим: перебежал дорогу человек и скрылся в кустах. Окружили. Это оказался не то хозяин хутора, не то его работник, который ехал с Бичом в качестве пленного. На лбу у него был кровавый рубец от казацкой или румынской плети. Он-то и рассказал нам, что его и Бича белые поймали в заимке, при чем Бич дважды выстрелил, а потом его схватили, а мы их освободили, чего и не знали. Он рассказал, что с Бичом дошли до реки и разошлись в разные стороны, т.к. у Бича помутилось сознание и он не мог понять, куда идти.

Первую помощь нам оказал в Пойме¹¹ фельдшер Егор Кретинин...

Добавлю, что, подъезжая к Пойме, — а многие уже облачились в белогвардейские (казацкое) обмундирование, — мы были встречены засадой во главе с Самошкой Троезубовым, который едва не открыл по нам огонь, но, разглядев среди нас людей в партизанской одежде, вовремя остановился.

После этого меня, Бугаева и Селюка-Незнаева поместили в госпиталь в д. Кондратьево, нас лечил фельдшер Романовский Георгий и медсестра Денисова Шура. Я был на костылях, Семак болел очень тяжело. Однажды, когда он раскашлялся, из затянувшейся уже было раны хлынул гной, около литра.

Госпиталь был в школе на окраине села. Помню, я вышел с костылем погулять и свалился с крыльца. У Симака была высокая температура, и он громко хрипел. В Кондратьево или Малеево¹² в госпитале был еще санитар-мужчина, маленького роста, его звали Зоська.

¹¹ Деревня Пойма основана в 1902 г. По данным на 1917 г., 347 жителей (180 муж. и 167 жен. пола), 60 хозяйств.

¹² Деревня Малеева основана в 1683 г. По данным на 1926 г., 48 хозяйств, 282 жителя — в основном русские старожилы.

Машуков при освобождении Бича был во френче и старой шинели, в фуражке. У него был кольт и короткоствольный русский карабин.

Не помню точно, до ранения или после, тоже примерно в пору жатвы, когда созрела черника, отряды стояли лагерем в тайге между Шиткино и Бузыканоно. Начался голод. Никто точно не знал, где старшие командиры, началось разложение. Тогда один из командиров или работников штаба, по фамилии Миронов, стал призывать партизан к сдаче на милость врагу. Вдруг, как из-под земли, появился Богданович: «Товарищи, это предатель! Через два с половиной часа подойдет обоз с продовольствием».

И действительно, вскоре стали подходить сначала выючные, а потом и обоз с продуктами. Оказывается, Волгин-Богданович сам ходил на организацию заготовок продуктов для отрядов. Особенность Богдановича — не пил! Миронова арестовали и, кажется, расстреляли. В этом лагере мы стояли месяц-полтора, человек 400 («или около месяца» — дописано позже Черневским. — Е. С.).

Постараюсь вспомнить, кто был в отряде Константина Москвитина на Ангаре, кроме группы Бурлова (часть предложения с упоминанием о Бурлове зачеркнута Черневским позже. — Е. С.):

- 1) Малеев Николай Егорович;
- 2) Обералов;
- 3) партизан по кличке Американский Консул — присоединился в районе Кондратьево, с выбитыми зубами (белые выбили);
- 4) Арефьев-Казаков (ком. взвода);
- 5) Ганька Мадьяр (Гаврюшка);
- 6) Сибуков (бывший петроградский красногвардеец, предложивший вы-брать коней-монголов);
- 7) Гурьян Атаев;
- 8) Курников Владимир;
- 9) Чеплинский;
- 10) Шерстнев Владимир и другие.

(«Случай с Обераловым, который дразнил Американского Консула крапивой; случай с Гурьяном Атаевым, оскорбившим попа в Кежме» — записи Черневского. — Е. С.).

Когда братья российские организовали крестьян двух деревень, Алешкино и Заимки, на контрреволюционное выступление против партизан, нас предупредил местный крестьянин Коротков с женой, маленькой тунгуской (а сам огромного роста). Оба они пошли в наш отряд, причем его жена была с четырехлинейной берданкой.

Отдельные эпизоды и факты

- В пасхальном бирюсинском бою один красильниковец в фуражке с красным околышем замерз, зарылся в снег, как косач, и был взят нами в плен.
- При отступлении из Конторки наш отряд, залегший на горе, отбивал атаки чехов с тыла. Помню, рядом со мной был Роман Макошин (он тоже был в Таежном отряде), но потом дезертировал.

• Во время наступления на ст. Тайшет наш Таежный отряд должен был идти в составе Конторско-Бирюсиснского отряда под командованием Игната Козлова. Он был высокий, красивый, рисовался, клинок нес перед собой, но я считаю его трусом и плохим командиром. Из-за него наш отряд оказался вне боя, можно было обойти мост через Тайшетку и войти, т.е. форсировать речку, восточнее моста — почти напротив станции.

• После отступления летом 1919 года к нам в районе Шиткино забрел партизан с Тасеевского фронта Ганька Мадьяр (Гаврюшка), которого чуть не расстреляли, приняв за шпиона, но в это время прибыли с Тасеевского фронта командир Кучеровского отряда Тигрий и с ним, кажется, Кайгародов (для обсуждения и выяснения обстановки) и спасли Ганьку от расстрела.

• Со мной в госпитале лежал Николай Шалыгин, имевший четыре ранения, в том числе одно в левую руку, и Санька Первуницкий.

• Селифанов Пашка — был храбрым партизаном, в одном бою убил одиннадцать белогвардейцев.

• Одним из организаторов восстания в 6-й роте был Слободян. Первуницкий Сенька, солдат 6-й роты, лежал в госпитале в связи с ранением во время восстания. Его тяжело ранил один офицер.

• Шкапин, Шляпин, или Шляпников, — когда его расстреливали, за что, не знаю, я видел своими глазами: разделся, снял рубашку и сказал: «От руки своих товарищей умирать не страшно».

• Отрядом в 64 человека, посланным с Шиткинского фронта юго-восточнее Тайшета в тайгу на истребление белогвардейского (буржуйского) обоза, командовал Шаров-Зайцев, белокрысы партизан большого роста. Весь отряд пошел на лыжах. Отряд взял трофеи: полпуда золота, 12 пулеметов в масле, в разобранном виде, много одежды и другого добра (позднее дописано рукой Черневского: «и разделился: Шаров-Зайцев вернулся с трофеями, а другие ушли по Нижнеудинскому тракту». — Е. С.).

• Я хорошо помню: у нас был партизан Васильев, который несколько раз посылался на связь с Канском с подложными документами. Мы одевали его в лучшее обмундирование. Однажды он взял у меня беличью папаху, которую позже, по возвращению из Канска, вернул.

• Мне точно известно, что у Евдокима Кочергина была партизанская фамилия Турников (Черневский исправил красным карандашом: «Туровников». — Е. С.).

• В конце августа, когда созрели хлеба, у нас был большой бой в районе д. Еловой. Отрядом человек в 500 (исправлено Черневским: «100». — Е. С.) командовал Константин Москвитин, а Степан Петров был командиром взвода. В этом бою я встретился со своей сестренкой Ириной, которая привозила из Юрт белых на подводе.

• В Юртах был предатель, купец-еврей Р.М.Д., водчик¹³ у белых, был однажды ранен партизанами в ногу. Он бежал с белыми.

• Евдоким Кочергин часто запевал в строю свою любимую песню: «Вы не вейтесь, русы кудри, над моею седой головой». У него был громкий, резкий голос.

¹³ Водчик — проводник.

• С Красной армией я дошел до Иркутска, по пути у нас был бой в д. Рубахино. В Иркутске меня демобилизовали, т.к. на левой руке было только два пальца — большой и средний. Указательный — только одна основная фаланга, а безымянного и мизинца не было. Руку я изувечил в детстве, когда возил с матерью лес (раздавил бревнами).

• После демобилизации был председателем рабочего профсоюзного комитета ст. Юрты, затем председателем Получеремховского («несколько месяцев в 1926 г.» — дописано Черневским позже. — Е. С.) сельсовета, работал на востоке в Дальзолото¹⁴ («был парторгом» — дописано Черневским позже. — Е. С.). В 1927 г. вступил в партию. В 1932 г. окончил Комвуз¹⁵ и с тех пор на партийной и хозяйственной работе. В Великую Отечественную войну был комиссаром батальона на Сталинградском фронте, после контузии и госпиталя — помощник начальника продовольственного склада Ленинградского фронта, откуда и демобилизовался.

• Имею награды: орден Красной Звезды, медали «За оборону Сталинграда», «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией». С мая 1959 года персональный пенсионер. Сейчас работаю стрелком охраны на прииске «Соловаевск» («Соловьёвск»? — Е. С.).

• Из письма Н. Е. Малеева, 8 июля 1960 года: «Мы, пятеро юртинцев, кроме шестого, погибшего Розенталя, все участвовали в отрядах до конца и дошли с Красной армией до Иркутска («кроме Осипенко», — дописал Черневский позже красным карандашом и поставил три знака: «???». — Е. С.)

• До майского отступления в Конторке-Бирюсе было четыре отряда: Бирюсинский, Конторский, Таежный отряд Бича и в Бирюсе лыжный отряд Жичкина.

• Отряд Москвитина Кости — отправился на Ангару — назывался 1-м партизанским отрядом; его помощником был Кочергин Евдоким (Турников).

• Бич участвовал почти во всех наших вылазках на линию железной дороги. Точно помню, что он ходил с нами из Получеремхово с крестьянами на Широкий лог — между Юртами и Ключами (между Точильным и Ключами); на болоте между Юртами и Венгеркой — ломка путей и спуск под откос поездов; обстрел эшелонов с красильниковцами между Юртами и Венгеркой; подрыв броневика; в двух бирюсинских боях, до гибели Якова Москвитина.

• В конторском бою — северо-восточнее Конторки, на горе, когда чехи хотели окружить, Бич вывел свой отряд к общим силам. Залегли в цепи в сосновом бору и удерживали... чехов, пока не эвакуировалось полностью село. Со мной рядом в цепи лежали: Розенталь, Чеплинский, Атаев. Белые шли цепями и гнали на нас всех зверей: сначала появился козел, потом зайцы, а за ними белочехи. Здесь отличились Гурьян Атаев, Осипенко Иван и Жернов Вас. Они

¹⁴ Золотодобывающий трест в составе акционерного Союззолота, работал в 1927—1930 гг.

¹⁵ Комвуз — высшее учебное заведение для подготовке партийно-советских номенклатурных работников (секретарей организаций ВКП(б), председателей и секретарей сельских Советов депутатов трудящихся и др.).

уничтожили собаку — разведчицу белых и белую разведку. После этого мы отошли на вторую гору перед р. Бирюса.

- О Петрове Степане я впервые узнал после еловского боя, когда мы столкнулись с румынским отрядом.

- Лыжный отряд Жичкина сыграл большую роль во время боя с красильниковцами. Бич и Жичкин обошли белых с двух сторон по болоту.

Когда убило в окопах Андрея Кретинина, со мной рядом в окопах были: Чаплинский, Жернов, Осипенко, Арефий Козлов и кто-то из Троезубовых, Василий Мигаль.

При подрыве броневика, помню, были: Бич, я, Арефий Козаков (помощник Бича), Мигаль, Розенталь, Чаплинский, Мамаев Александр Семенович, других не помню. Вместе человек тридцать.

От белого террора пострадали: вскоре после нашего ухода к партизанам мать мою били плетью 25 раз; отца, Егора Павловича, замучили до смерти; секли плетью двух сестер Беркена (мать и отца мы вывезли в Еловую); у Жернова мучили жену; у Розенталя — мать и брата; у Захарюка — жену и детей. Осипенко Иван был еще молодой парнишка, вроде меня.

СТЕПАН АНДРЕЕВИЧ ПЕТРОВ

Родился 28.XI (10.XII) 1895 г.

Бывший батрак в деревне Еловой, Конторской волости,
партизан и командир Шиткинского фронта.
Партизанский билет № 08765 от 25.IV.1935 г.

Ныне пенсионер, общественник,
проживает в Тайште по ул. Ленина, 145.
Беседа состоялась 20 мая и 14 июня 1960 года

Деревня Еловая накануне великих событий представляла из себя отдельное земельное общество старожилов в 72—74 двора (дописано позднее Черневским. — Е. С.). Самыми богатыми крестьянами-кулаками здесь были: (пометка Черневского: «см. след. страницу». — Е. С.).

В 1915 году я был взят в солдаты. Вместе со мной из наших, еловских крестьян пошли на фронт империалистической войны... (не написано. — Е. С.). Меня направили в Красноярск в 15-й запасной батальон... Здесь я впервые встретился с солдатом Сергеем Лазо. Он был очень развит, хорошо работал на турнике, снабжал солдат конвертами и марками, помогал писать им письма домой.

Вскоре меня отправили на Германский фронт, и я попал на фронт в Виленской губернии.

У нас в дер. Еловой было только два «грамотея» — Василий Пестерев и Терентий Сидоров, кое-как разбирающихся в письме («Да Макаров Илья Васильевич», — записано Черневским позднее красным карандашом. — Е. С.).

(«В другой раз Петров назвал Гавриила Яковлевича Попова, 1893 г., и Куприяна Макарова — Кипрю единственными, кто окончил 2-классное училище в Бирюсе. Выражение Петрова «На левый фланок», т.е. фланг. В отряде Петрова на Неванском тракте был нижнезаимец Криволуцкий Емельян Меркурьевич» — записано рукой Черневского. — Е. С.)

Когда я лежал в местечке Глубокое Виленской губ. в госпитале, который разместился в учительской семинарии, я узнал, что ее окончил И. А. Бич.

О Биче. Мое знакомство с ним состоялось еще давно, до революции. В 1908 году (дата зачеркнута красным карандашом. — Е. С.) он работал составителем вагонов и получил травму левой руки. В том же году производилась подсыпка пути, на которой работал и я, а Бич, неумело, тоже занимался этим делом на своей каурой кобылице. В 1911—1912 гг. он был сельским писарем в Еловой и Енисейке и жил у нас в Еловой у Ильи Аржанникова.

(«Чушь!» — записано рукой Черневского относительно следующего абзаца. — Е. С.).

При советской власти его избрали на губернский съезд в Красноярск, он там был только на съезде и вернулся. В 1918 году, по возвращении со съезда, работал табельщиком на ст. Суетиha у мастера Гладкина («???» — знаки поставлены Черневским. — Е. С.).

Интересен такой случай: когда в 1912 году железная дорога отчуждала у Еловского общества сенокосные угодья, Бич взялся за... рублей выхлопотать их обратно, и выхлопотал, а став табельщиком, снова отбил их у еловцев в пользу железной дороги.

После переворота Бич уплыл на плоту с семьей в Шалаево.

Первый отряд был сформирован Бичом в Черчете из девятнадцати человек. Одновременно Бич разъезжал по другим селам, был в Конторке, где главную роль играл тогда Игнат Козлов.

Накануне первого шиткинского боя Галошин, проходя через Н-Заимку, арестовал там трех братьев Москвитиных — Якова, Константина и Марка Мироновичей, а Пронька Криволицкий спрятался. Белых вели три кулака: И.Н.С. (?) и не то Иван Зиновьевич, не то Иван Зиновьев (Москвитин Иван Зиновьевич). Их всех троих утопили в проруби в Шиткино. Но арестованных выпустил нижнезаимский Соколов (?).

Из нижнезаимцев в партизаны сразу пошли:

три брата Москвитины;

братья Кочергины — Евдоким и Федор Григорьевичи;

Чайковский;

Куприянов Николай Иванович;

братья Криволицкие — Прокопий и Иван;

Криволицкий Лавро, их однофамилец;

Кочергин (по-уличному, Тарасенков) Василий — тракт-ужетский (?), стал кавалеристом;

Кочергин Петька, его брат;

Москвитин Александр;

Парчуков Донька (коноваловский);

Москвитин;

Кочергин Николай Лаврович.

(«См. восп. Горенского Лавро» — записано Черневским. — Е. С.)

В Шиткино выбрали командиром отряда Кочергина Евдокима, а Криволицкого его заместителем.

15. II. 1919 г. из Тайшета была направлена 9-я рота, между Тракт-Ужетом и Шиткино состоялся бой, и рота отступила. Партизаны выступили в Нижнюю Заимку, а оттуда в Акульшет. В это время в Н. Заимке никакого штаба и военных сил не оставляли. Во главе отряда, вступившего в Старый Акульшет, стоял Евдоким Кочергин, а Бич направился в Конторку и Бирюсу со своим черчетским отрядом в девятнадцать человек.

В Конторке первыми присоединились:

1) Козлов Игнат,

2) Козлов Иван,

3) Ильин Гавриил,

4) Ильин Иван (его брат),

5) Насонов Ельмира,

6) Насонов Иван (его брат),

7) Толстихин Семен,

8) Неизвестных Иннокентий (торгаш),

- 9) Неизвестных Гавриил (торговал лошадьми, его брат и зять Бича),
 - 10) Проскуряков Пимен,
 - 11) Неизвестных Федор Тимофеевич,
 - 12) Ковалеров Ефим,
 - 13) Белоусов Андрей (а не Николай?),
 - 14) Яковлев Петр Иванович,
 - 16) Рахманов Федор Алексеевич (двое последних — волостные работники).
- Из Конторки к нам в Еловую прислали Сидорова Павла Сергеевича.

Организовались:

- 1) Степан Петров,
- 2) Попов Гавриил,
- 3) Семенов Спиридон,
- 4) Пестерев Афанасий,
- 5) Ивашкин Ефим,
- 6) Линев Изот,
- 7) Сидоров Василий (присоединился после),
- 8) Ладыгин Максим,
- 9) Макаров Илья (?),
- 10) Пестерев Алексей (?).

(Против трех последних фамилий записано: «Добровольцы или мобилизованные?». — Е. С.)

В тот же день я и Сидоров поехали в Получеремхово (в конце февраля). Здесь уже была подготовлена своя группа, которая и отправилась с нами, а именно:

1) Раев Константин («умер на плоту у Петрова» — помечено Черневским позже. — Е. С.),

- 2) Раев Михаил (его брат),
- 3) Анциферов Андрей,
- 4) Лютых Александр,
- 5) Никитин Михаил,
- 6) Никитин Малка,
- 7) Москвитин Павел,
- 8) Макошин Роман,
- 9) Макошин Илья,
- 10) Логинов Павел,
- 11) Горенский Павел,
- 12) Быбин Илья,
- 13) Мамаев Иннокентий,
- 14) Прокопьев Павел,
- 15) Прокопьев Федор,
- 16) Шерстнев Роман,
- 17) Скулкин Иван,
- 18) Коротков Николай,
- 19) Атаев Гурьян Ив.,
- 20) Атаев Пахом (...),
- 21) Киселев Елизар,

- 22) Пантелеев Егор,
- 23) Лисин Василий,
- 24) Климов Петр,
- 25) Быбин Михаил Алексеевич (был очень молод, а Курников и Калинин?)
плюс пять женщин.

На старой ст. Юрты жил заводчик Тимофеев, который собирался строить какой-то завод. У него мы взяли четыре винчестера, одну трехлинейную винтовку, наган и браунинг. Наган сразу же надел на себя Илья Москвитин, а браунинг — Ванька Скулкин. Четыре винчестера достались... а трехлинейку..

У мельника Якова Широглазова взяли десятизарядный винчестер — его надел сразу Гурьян Атаев (Гурька).

В Еловой на обратном пути нам сам принес японскую винтовку мельник Василий Дураков, ее надел Семенов Спиридон.

Все вместе — черемховские, 24 человека, и еловские, 6 человек. — пришли в Конторку. Днем или несколькими днями позже пришли юртинцы:

- 1) Беркин Эрнст Петрович,
- 2) Малеев Николай Егорович,
- 3) Осипенко Иван,
- 4) Жирнов Василий,
- 5) Розенталь Михаил,
- 6) Захарюк Иван и с ними получеремховские Атаев Пахом и Гугушкин Николай.

По прибытии в Конторку, но до прихода юртинцев, я с отрядом в сорок человек отправился на подводах на станцию Суетиха разоружить охрану моста. Со мной были и конторские. Ельмиру Насонова с пятью человеками я направил на Венгерку, где они взяли два ружья. По линии с запада на восток от Еловского переезда пошли Анциферов Андрей и Атаев Гурьян. А остальные пошли со мной низом по северную стороны насыпи. Подошли к казарме: все спали, их было девятнадцать человек и с ними младший унтер-офицер. Мы взяли 19 винтовок различных систем и всех в плен.

После этой операции в Конторку из Черемшанки пришли два брата Гурковы: Лукиха и не то Николай, не то Алексей, и с ними еще двое: Галло Игнатий и Иванов Иван. Со ст. Точилки пришел помощник начальника станции Чуркин.

Только после этого был организован отряд в Бирюсе под командованием Якова Москвитина, а помощником у него был Костя Москвитин.

Бич едет в Гоголевку и организует там отряд. Командиром отряда назначается Шевелев Николай, а помощником Буйлов Петр. После этого Бич поехал в Шелехово¹ и организовал там отряд под командованием Василия Горегляда, а заместителем у него был его брат, Горегляд Максим. Отряд вошел в Серафимовку в количестве 50—60 человек.

¹ Деревня Шелехово основана в 1903 г. По данным на (?), 136 переселенческих хозяйств, 758 жителей (403 муж. и 305 жен. пола).

Когда Бич вернулся из Серафимовки, в Конторку пришли из дер. Ключи Тинской волости:

Иванов Федор,
Иванов Дмитрий,
Иванов Георгий — три брата,
Бодягин Александр,
Казаков Арефий,
Мигаль Василий.

С ними Бич поехал в Тинскую волость и организовал там Кучеровский фронт. (Черневский дописал позже: «Нет, они пришли после того, как Бич ездил в Ключи». — *Е. С.*)

(На полях страницы Черневский написал красным карандашом: «Бич поехал в Тинскую волость, оставив за себя Николая Чемоданова». — *Е. С.*)

Вернувшись оттуда, Бич переформировал мой отряд в лыжный, с центром в дер. Ново-Николаевка². Это было в конце марта, в тот самый момент, когда к нам перешла 6-я Нижнеудинская рота, а Бич уже находился в Баере³, организуя там Баерский фронт. (Черневский дописал: «Нет, там Бич не бывал!» — *Е. С.*)

В организации восстания главную роль сыграли Позднин, Слободян, Юферов и еще один украинец, кажется, Бычков (исправлено Черневским: «Глушнев». — *Е. С.*)

Уже с участием 6-й роты происходил в Н-Заимке съезд, на котором был избран штаб (начальник Москвитин — Майковский), революционный трибунал (председатель Москвитин Марк, член Комойликов). Но Марк Москвитин из бывших полицейских, его протасили братья, после отступления мы его вывели за самоуправство и выселили в тыл, а председателем избрали Комайликова.

Тогда же на съезде в Нижней Заимке в конце марта были созданы госпиталь, обоз, кавалерия. Главкомандующего не избирали, все подчинялись Бичу и начальнику штаба Майковскому.

6-ю роту в полном составе ввели к нам, т.е. в Бирюсу. Вместе с ней перед красильниковским наступлением нас в Конторке и Бирюсе насчитывалось... (записано Черневским позже: «1500 чел.». — *Е. С.*) В красильниковском наступлении участвовали одни красильниковцы, 700 человек, без чехов и румын. Я командовал лыжным отрядом, меня вызвали с Новониколаевки (Черневский отмечает, что это очень слабое место воспоминаний. — *Е. С.*)

В начале мая или в конце апреля к Кочергину пришли четыре солдата из железнодорожного батальона, который восстанавливал разрушенные партизанами пути, и сообщили, что батальон перейдет на сторону партизан и поддержит их, если они поведут наступление на станцию. Но к моменту на-

² Деревня Ново-Николаевка на ручье Засорный, в 48 км. от Тайшета, основана в 1908 г. По данным на 1921 г. 111 хозяйств, 577 жителей (288 муж. и 289 жен. пола).

³ Деревня Баер, ныне Чунского района, в 66 км от ст. Алзамай на Транссибе.

ступления белые стянули четыре эшелона солдат. Два стояли на станции, а два заняли оборону по 1-й и 3-й Зеленым улицам. Наступлением командовал Кочергин, Криволицкий и Костя Москвитин, кавалерией — Степан Завязкин, старый кавалерист, и его помощник Иван Смолин.

Первым на станцию ворвался и убил дежурного офицера Володька Попов.

28 апреля (дата зачеркнута, сверху написано: «22 мая!»). — Е. С.), в день налета чешской разведки на бирюсинские окопы, было убито человек двадцать партизан, а Алексей Пестерев, Макаров Илья и Толстихин Семен ранены.

3—4 (зачеркнуто Черневским и дописано: «25». — Е. С.) мая, когда на Конторку и Бирюсу велось наступление, я стоял под Еловой. Получил предписание от Бича оставить засаду, а самому с остальными идти в Конторку. Оставил засаду: Семенова Спиридона, Пестрева Афанасия, Линева Изота, Ивашкина Ефима, Ключевских, Иванова Дмитрия и Лебасеева Мирона, последний из дер. Михайло-Шахово (зачеркнуто Черневским и написано: «Ингаша». — Е. С.).

Чехи шли с Венгерки и Юрт, а на Бирюсу — с Тайшета (как и на Акульшет). Увидев большие силы, местные партизаны, хорошо знающие тропы, ушли, а Лебосеев и Иванов кинулись в гору и, увидев там чехов, вернулись к дороге и попали в мешок. Тогда Лебосеев застрелился из винтовки, а Иванов взорвал себя гранатой.

Когда мы отступали до Нижней Заимки, меня поставили в засаду. Вижу, идут Линева и Ивашкин и приносят наган Спиридона Семенова и винтовку Афанасия Пестерева, т.к. они остались скрываться, а в отступление не пошли. Остались также Федот Белоусов и другие. В Нижней Заимке провели одну ночь, 6 мая были уже в Шиткино. Еще до отступления на Ангару был направлен эскадрон Ивана Смолина, там же находился Басурманин. От Басурманина получили донесение, что к Кежме по Ангаре идет отряд карателей. С Шиткино направили отряд в 100—110 человек под командованием Евдокима Кочергина, а помощником у него был Костя Москвитин.

Поехали на подводах до Выдрино, а с Выдрино до Червянки верхом. В Выдрино к нам присоединился крестьянин Павловский с женой-тунгуской и Богданович. Он был в шляпе, в белой толстовской рубахе и с большой бородой. Откуда он появился, я не знаю, а Павловский с женой — из дер. Березовой. Не доезжая до Червянки встретились со Смолиным, и все вместе поехали на Дворец, т.е. на северо-восток.

С Дворца до дер. Кова⁴ и оттуда до Алешкино плыли на лодках. В это время в Алешкино заимский коновал подковывал жеребца. Увидев нас, он бежал в д. Заимку, что возле Кежмы. Мы дождались ночи и не поехали на лодках, а пошли пешком в Заимку.

У Заимки под берегом нас ожидали шестнадцать вооруженных кулаков.

⁴ Деревня Кова на реке Кова (приток Ангары), Кежемского района, основана в 1706 г. По данным на 1917 г. 41 хозяйство, 209 жителей (112 муж. и 97 жен. пола). Затоплена при возведении Богучанской ГЭС.

Мы оцепили деревню и взяли их. По решению Богдановича и Швайдецкого семь человек освободили, а восемь человек решили расстрелять и повезли их на лодках с собой в Кежму. По пути в Кежму мы их перекололи и бросили в Ангару.

В Кежме к нам присоединился кежемский учитель (сам из дер. Паново⁵) Брюханов Иван Емельянович. Кооперация выделила на 18 тысяч рублей товаров. Поплыли дальше в Паново. Плыли три дня. Прибыли в Паново 20 июня. Здесь прибыл нарочный с Шиткинского фронта и сообщил, что фронт разогнан. Пошли назад, попутно забрали в Кежме товары.

Приезжаем в Выдрино. Там стоит отряд партизан и штаб во главе с Дерюшкиным. Партизан человек шестьдесят. Бич в это время еще был в районе Шалаево или Лапино. Тогда и был пойман Розенталь (в середине июня), а после него в Шалаево схватили Губкина (позже дописано Черневским красным карандашом: «Иван». — Е. С.) и Белкина — сына (красным карандашом добавлено: «Ив.». — Е. С.). Оба они были с женами и вернулись в Шалаево с Лапино. Чехи увезли их (без жен) в Тайшет и там расстреляли в тайге (где сейчас базар).

Мы из Выдрино поехали в Неванку. Здесь подошел с Байера отряд остатков Баерского фронта под командованием Баженова Данила, комиссаром у них была Страус, женщина. Их было 35 человек. Мы их по чьему-то приказанию разоружили и потребовали созвать собрание. Собрание состоялось на гумне, решили, что оружие надо вернуть. Тут же выбрали командиром объединенного отряда Костю Москвитина, и вся пехота на плотках снова поехала в Выдрино, а в Неванке оставили небольшой кавалерийский отряд в 24 человека под командованием Степана Завязкина и Николая Шалыгина.

Из Выдрино поехали в Березово. Здесь избрали штаб: начальник — Богданович, главнокомандующим фронтом — Матвей Кретинин, Максим Ладыгин — его заместителем. [Кандидатуру] Кости Москвитина отвели, т.к. у него обнаружили в кошельке золотые.

В Этот момент в Березово пришел Машуков, а также вернулись с Тасеева Атаев Апполон (???) и Беркен (?). С пятнадцатью пешими подошел Басурманнин и Николай Бурлов (?). (Черневский: «Евдоким Кочергин в Неванке дезертировал и явился лишь к началу зимнего наступления». — Е. С.).

В Березово опять выборы. Выбрали продовольственный отряд, начальник Куприянов Н.И. и его помощник Рохманов. Они базируются в Выдрино и организуют снабжение. На Ангаре, отсюда из Березово, это была уже середина июля (зачеркнуто и написано «в начале». — Е. С.), посылаем отряд Бурлова, в который вошло 15 шиткинских и 35 баерских партизан.

Из шиткинских партизан с Бурловым поехали:

1) Прокопьев Федор,

⁵ Село Паново на Ангаре основано 1667 г. По данным на 1926 г., 195 хозяйств, 1037 жителей.

2) Буйлов Петр (гоголевский),

3) Мамаев Кузьма (дописано Черневским: «Мамаева не было». — Е. С.), а других не помню.

Вообще же с отрядом Бурлова пошло, насколько мне помнится, не 50, а 45 человек. Наверное, кто-то из баерцев остался, или наших было меньше.

Остальные силы и штаб — идут в Кондратьево. Здесь организуется госпиталь, хозчасть (обоз), мастерские. Заведующим хозчастью назначается Михаил Патрин (бирюсинский). Иван Козлов и Мотя Непомнящая остались в мастерских. Иннокентий Неизвестных был назначен заведующим складом, Лисин — счетоводом. Ладыгина послали в помощь Куприянову и Рахманинову в Выдрино.

Иван Смолин взял у купца Уздалева выездного жеребца, а Костя Москвитин у него его отобрал. Они поссорились, чуть не перестреляли друг друга. Смолин уступил, сдал оружие, переделся в гражданскую одежду и ушел.

В Кондратьево простояли дней семь, а потом 100 человек пошли на волок в Лапино и Шалаево, оттуда в Пойму, Тремино, Бузыканово.

Забыл сказать, что Козлова Игнатия из Кондратьево направили с пехотой в 25 человек в Неванку к Завязкину, а Михаила Жичкина в тыл — собирать разбежавшихся или отбившихся добровольцев и оружие.

В нашем отряде в 100 человек были я, Костя Москвитин, Кочергин (???), Пятаев Петр, Кретинин Егор, Грызлова и учительница Мария (дописано Черневским: «Рожкова?». — Е. С.).

Это было в пору сенокоса. В Бузыканово на конях доехали до Нижней Заимки, а оттуда пешком (это слово зачеркнуто. — Е. С.) через Болдовский, Нижний, Средний и Верхний Ужеты и Придорожный. Доехали до Камня. От Камня пошли через Конторку в Еловую. Между Еловой и Мамаевкой встретили мать Андрея Белоусова (еловского старосты). Она сообщила сыну, что Степка с партизанами идет, а тот передал на Юрты — там стоял румынский отряд Кожухаря (?). Я, Гурька Агаев и Анциферов пошли на разведку к Юртам, зашли в Получеремхово, там запаслись хлебом и вернулись на шерстневскую заимку, где оставили Костю Москвитина.

Тем временем Кожухарь с пятнадцатью солдатами пришел в Получеремхово, взял двух коней у Ромки Макошина и поехал в Еловую. Костя направил меня с небольшим отрядом в Еловую. Я встретился с румынами, когда они выходили из Еловой. Мы дали им бой, убили трех румын, пришли на Придорожный, и все пошли на Верхний Ужет. Со мной в бою под Еловой были все получеремховцы и еловский Попов Гавриил (Ганька).

Разместились по домам, я с несколькими человеками у Гришки Батурина, который стал жарить яичницу. Ванюшку Вепрева, байроновского паренька, поставили на пост. Вдруг он доносит: «Румыны!».

Завязалась перестрелка, мы убили семь румын и отступили. Сестры, услышав бой, спрятались в подполье в доме Марченко (где проживал отец Егора Кретинина после сожжения Бирюсы), но Егор их выгнал из подполья, и хорошо сделал. Когда мы отступали, румыны сожгли четыре дома, в том числе и дом Марченко, закололи одного крестьянина... и двоих арестовали.

(Черневский вписал: «По Криволуцкому⁶, это было так: 28 июля у с. Верхний Ужет произошел бой между 1-м партизанским отрядом (Машуков ?) и отрядом белорумын. Партизаны отступили, румыны сожгли в селе Верхний Ужет 26 домов». — *Е. С.*)

Тем же путем отступаем к Шиткино. Километрах в четырех от Шиткино в таежном бору стоит отряд Прокопия Криволуцкого (второй партизанский отряд), помощником у него Тришкин (А. П.?), эсер, под его сильным влиянием находились Криволуцкий и Жичкин.

Дня через два наш отряд и отряд Криволуцкого прибыли в Шиткино. Меня направили в Шалаево арестовать Басурманина за мародерство. В отряде Басурманина в это время были Машуков и Зорька Киселев. Арестовали Басурманина я и Гурьян Атаев, отобрали у него 10 тысяч денег. Командиром назначается Машуков. Подошли все отряды, стоим в Лапино на волоку⁷. (Черневский уточняет: «Начало августа!». — *Е. С.*)

Меня вызвал Богданович и сообщает, что Игнат Козлов отступил с Неванки в Выдрино, есть сведения, что он трус, никаких сил противника там нет. Направляют меня сменить Козлова. Я сменил его (Черневский: «С кем поехал туда? Куда отправился Козлов?». — *Е. С.*). Со своим отрядом и людьми Козлова — 26 и 24 человека — прибыл в Неванку. Вскоре к нам здесь пришли бежавшие с Александровского централа человек пятнадцать (Черневский: «А по воспоминаниям Малеева, — 14». — *Е. С.*), все хорошо вооруженные.

(Записано Черневским на полях страницы: «По данным Центрального государственного архива Октябрьской революции, восстание в Александровском центральном произошло в ночь с 12 на 13 сентября». — *Е. С.*)

Стою в Неванке чуть не весь август, [в конце августа] (или в начале сентября) получаю от Богдановича предписание. В нем говорится, что с Тайшета наступают 1500 белых. Тысяча сто человек идут левым берегом, а 400 — правым. Я должен зайти этим четверемстам в тыл. Мой отряд — 64 человека: 60 пеших и 4 кавалериста.

Идем на Бузыканоно, и через три дня подошли к реке. В это время крестьяне уже убирали с лугов сено. Переправились в деревню, узнаю, что белые уже прошли, но не 400, а 150 человек, и не правым, а левым берегом, — и все румыны с белогвардейскими офицерами. Решаю идти им вслед, т.к. они прошли уже давно. Пришли в д. Ключик (Жемчено), александровские зашли в дом Курчевских попить молока, выходим из деревни. Видим, с горы едет румынская кавалерия. Вступили с ними в перестрелку. Только позже я узнал, что это везли пленного Бича. Это я узнал, когда пришел в Тремино. А в Пойме увидел Машукова в офицерской шинели и узнал подробности боя под Черчетом.

⁶ Криволуцкий П. Д. Шиткинские партизаны. Иркутск — Москва, 1934.

⁷ Волок — участок суши между реками или озерами, по которому волокли суда, чтобы перебраться из бассейна одной реки в бассейн другой; участок тракта через перевал.

В нем участвовали две группы: группа Машукова и отправившаяся вслед за ней группа Бича.

С Бичом были:

- 1) Линева Изот (имя зачеркнуто. — Е. С.),
- 2) Бугаев Николай (?),
- 3) Мамаев Александр Андреевич.

И еще двое, кто — не помню. («Насыров, Богатин?» — зачеркнуто и дописано позже: «Неизвестны». — Е. С.).

Вот тут-то, в Пойме, Машукова и избрали командующим фронтом (Черневский: «По Кривоуцкому, 29 авг. — 2 сент. Проходил съезд, переизбрали штаб, но Машуков еще не командующий, а лишь командир 1-го отряда, а командующим назначен он только в середине ноября». — Е. С.).

Из Поймы снова пошли в Тремино, постояли там, потом пошли в Бузыканово.

Числа 15 ноября я с отрядом в 50—60 человек и Максим Троезубов с кавалерией человек 60—70 прибыли в Шиткино. (Черневский: «А что было весь сентябрь, октябрь и половину ноября?». — Е. С.). Вот тогда и состоялся бой у Тракт-Кавказа (11 ноября). На выручку им и пришел Макс Троезубов с Марком Крячком.

После этого боя в Шиткино румыны захватили двух братьев Вепревых — Ваню (исправлено: «Игнат». — Е. С.), 16 лет, и Михаила (исправлено: «Радион». — Е. С.), 17 лет. Их раздели донага и повели на расстрел, но Михаил (Радион) убежал, и бежал голый до яковской заимки — зимой, а Ваню (Игната) зарубили.

В декабре в Шиткино был создан полк (Черневский: «По Кривоуцкому, 21—20 декабря на съезде в Бузыканово». — Е. С.). Командиром полка назначен Евдоким Кочергин, а Костя Москвитин его заместителем. Меня назначили командиром первого взвода.

В конце декабря — начале января все пришли в Нижнюю Заимку, а я и Кочергин — в Коновалово⁸.

После соединения с Красной армией с дер. Рубахино⁹ я стал командиром взвода (команды) пеших разведчиков. Кочергина в Иркутске после скандала перевели из 264-го в 263-й полк, и он отличился на врангелевском фронте (Черневский: «Не был!». — Е. С.).

Хочу сказать, кто участвовал в партизанском движении из жителей самого Тайшета:

- 1) Жичкин Михаил — из мясников,
- 2) Необъявляющий Михаил — рядовой кавалерист,
- 3) Завязкин Степан — командир кавалерии, рабочий,
- 4) Шалыгин Николай — рабочий, помощник начальника кавалерии, разведчик,

⁸ Деревня Коновалово (бывшая заимка деревни Ловинки). По данным на 1917 г., 45 хозяйств, 208 жителей (100 муж. и 108 жен. пола).

⁹ Деревня Рубахина (ныне в Усть-Рубахинском муниципальном образовании вблизи г. Нижнеудинск, остановка на ВСЖД — Рубахино) основана во второй половине XVIII в.

- 5) Губкин Станислав — рабочий,
- 6) Губкин (его брат, Петр ?) — рабочий,
- 7) Белкин Потап Фомич — отец, погиб у Тракт-Кавказа,
- 8) Белкин (его сын, расстрелян),
- 9) Воробьев Афанасий,
- 10) Воробьев (его брат),
- 11) Дерюшкин,
- 12) Камайликов (зачеркнуто. — Е. С.).

Отдельные эпизоды и замечания

- Одиннадцать румын перешли к нам в Н-Заимке, после того как они отыграли в Тайшете (музыканты). Они шли в головном охранении на конях и когда перешли к нам, остальные части не стали наступать.

- Кулака Г. убил ни кто другой, а Зорька Киселев, у Шиткинского парома.

- Галошина в 1921 году убил Костя Москвитин в Канске. Костя работал в ЧК-ГПУ и на совещании в Канске увидел Галошина, который тоже пробрался в органы. И он тут же его пристрелил (Черневский: «Чушь! Ерунда!». — Е. С.).

- История со Скулкиным. Скулкин, Пашка Селифанов, Беркен, Пермьяков... Шкавров Филипп скрывались на заимках в Получеремхово. Пашка Селифанов был пьяница, дебошир, устраивал в деревне стрельбу, и это могло деревню привести к тому же концу, что и Бирюсу, и Конторку. Его предупреждали и решили убить.

- Переговоры были, в них участвовали Яков Москвитин и Матвей Кретинин.

- Из окошка в Верхнем Ужете стрелял Матвей Кретинин, а не Егор Кретинин.

- Стрелочник Зорькин — кто и что? С Юрт, все сообщал получеремховцам.

- Ян (или Анс) Пуки?

- В тайшетском наступлении со стороны Акульшета участвовало 120 партизан, с Конторской и Бирюсы — 250, погибло 63.

- Вепрева прозвали Комитет.

- Синякинский Илья — это Батранин.

- При отступлении от Бирюсы и Конторки командиром кавалерии был Смолин Иван (в июле от Кондратьево ушел). После него Кочергин Федор Семенович (Маевский), в сентябре — Шалыгин Николай (а Маевский в Неванку), в ноябре — Троезубов Максим, затем Бурлов Сергей.

- В январе 1920 года кавалерийская группа разбила в Бирюсе части колчаковцев и захватила 10 тысяч рублей колчаковских денег. Деньги были у Троезубова М.

- Кавалерия стояла в Шиткинской (где теперь столовая), но их у Макса, как он сказал, утащили, а кто — неизвестно. Его сняли с командиров кавалерии и вместо него назначили Бурлова Сергея.

- Шалыгин Николай шел на сход с Красной армией Чунским трактом из Неванки на Нижне-Удинск, где и остался в охране как милиционер.

• Вот список в разное время бывших в кавалерии:

бирюсинские:

Бурлов Николай,

Бурлов Сергей,

Бугаев Николай,

Горенский Вас. Вас. — на своей Карюхе,

Критинин Дмитрий,

Куркин Кондрат (?),

Мамаев — Шегальков Александр Андреевич,

Троезубов Макс Никифорович,

Троезубов Самуил,

Троезубов Прокопий,

Москвитин Исак Карпеевич — на своем Серко;

нижнеоголевские:

Буйлов (Буйкин, Барсуков) Петр,

Баймуратов — кавказец,

Попов Влад. (Ст. Акульшет);

Белкин Потап — Тайшет,

Шалыгин Николай — на карем жеребце, уведенном у румын в Тайшете,

Завязкин Степан — из Тайшета,

Брюханов Филипп — из Ганькино,

Рукосуев Гавриил — на пегой кобылице,

Киселев Зорька — получеремховский,

Атаев Гурьян Иванович из Половино-Черемхово (в Неванском отряде),

Анциферов Андрей,

Горенский Михаил — из Ст. Акульшета, боевой,

Попов Владимир — староакульшетский, боевик,

Крячек Марко,

Клещенко Петр — Верхний Ужет;

нижнезаимские:

Кочергин Федор Сем. (Маевский),

Кочергин Федор Григорьевич,

Кочергин Василий,

Кочергин Петр,

Москвитин Александр — другой, Тихонович,

Насыров Богдан (?);

коноваловский Парчуков Даниил (Данька),

Привалихин Костя, Привалихин Дмитрий — бузыккановские,

Сидоров Василий Павлович — еловский,

Смолин Иван — заларинский,

Шилов,

Шутис Александр — тайшетский.

Что касается Кулакова Константина — старый моряк, так он мало был в кавалерии; Ознобихин Михаил тоже, пеший у Басурманина; Ульянов Алексей — пожилой уже, был фуражиром, а не боевым кавалеристом; Необъявляющий Михаил Егорович (Новиков), тайшетский, никогда в кавалерии не был, как он сам об этом говорит.

• В январе (после съезда) Макс Троезубов из Нижней Заимки пошел с группой кавалеристов в Еловую через Верхний Ужет, а Бурлов Сергей со своим взводом через Ст. Акульшет и заимки (табаликовская), где скотобаза, — в Бирюсу и на горе у моста разбил большой отряд белых, взял много трофеев, в т.ч. полковничью шинель и папаху для Машукова, что и принесла Машукову смерть. Машуков до конца ездил на своем мухартом (?) — небольшой, но шустрый конь. А его денщик Никодим (с Тропы, но в отряд пришел с ж.д.) на маленькой, щуплой саврасой кобыленке. Еле угонялся за ним. Машуков умер в доме Булгакова за линией железной дороги. Он его не лечил, заморозил (в 1937 году арестован). У Булгакова было койки четыре в своем доме, лечил за денежки, а больницы не было. Его седло и одеяло мы передали приехавшей жене. На Марке Крячкеке была шинель!

• В походе на Тайшет Конторско-Бирюсинского отряда главную роль играл Бич, если даже были при этом Яков Москвитин и Игнат Козлов, но я в этой операции их почему то не помню. Когда попытка пройти мост по тракту не удалось, т.к. чехи открыли пулеметный огонь с водокачки. Бич сказал: «На старую насыпь, через запруду». Там тоже строчил пулемет. И Бич сказал: «Придется отступать». Но мы оставались на месте до окончания боя в Тайшете (???)¹⁰.

• Бич и Мусихин были за советскую власть. «Вы не советскую власть защищаете, а свое хозяйство», — говорил Мусихин на собраниях нижнезаимским учредилловцам. Он был очень речист.

• По поводу прочитанного ему документа от 16 мая 1919 г. (сообщение штаба Шиткинского фронта о боевых действиях в апреле и мае) С. А. Петров заметил: «Всадников не было, явная ошибка, речь идет о лыжниках. Потери красильниковцев в бою от 18 апреля преувеличены раз в десять. Из 600 человек наступающих мы не могли перебить 400 солдат и 70 офицеров, а всего около 70 человек убитых было! В отношении наших потерь в красильниковском бою цифры реальные. У нас было убито, насколько мне помнится, 13 или 14 человек, 3—4 ранено. Преувеличено и число выпущенных снарядов, причем по Конторке в те дни артобстрела белые не вели (Черневский: «Нет, вели!». — Е. С.).

В отношении потери убитыми у белых в тайшетском наступлении цифра указана реальная, а наши потери занижены: наших погибло около ста двадцати человек и человек пятнадцать было ранено. Командовал тайшетским боем (Староаккульшетским отрядом) Константин Москвитин. Евдокима Кочергина не было. Я это знаю точно. Вообще Костя Москвитин боевой, смелый, но Евдоким грамотнее и умнее.

Костя еще в начале 1918 года приезжал из армии для заготовки хлеба для армии — и отправил эшелон! Когда мы вернулись с Ангары (Костя на Карьке, отнятой у Ивана Смолина во Дворце) в Неванку (с Выдриной захватили с собой «штаб Дерюшкина»), здесь были уже все «отряды» — Критинина и

¹⁰ Здесь и дальше запись беседы, состоявшейся 26 июня 1971 года.

Криволуцкого. Наш штаб остановился на втором этаже каниловского (записано неразборчиво. — Е. С.) дома. Меня послали с «моим отрядом» в засаду на Долгий Мост, что в версте или двух не доезжая до развилки, ближе к Шиткино. Я простоял там дня два, а когда вернулся в Неванку, меня послали за деревню встречать и разоружить баерцов. Костя всех их разоружил, забрали коней и оружие.

Страус возмущалась больше всех, потребовала созвать собрание. (Криволуцкий врет, что он приехал после разоружения баерцов и будто это он потребовал восстановить их.)

Собрание было в большом крестьянском гумне. Кроме нашего отряда Зверева, здесь было всего человек шестьдесят партизан (а отступали от Бирюсы и Конторки — было 600 человек).

Тут опять очень резко выступила Страус, и постановили вернуть все права баерцам (стояли в Неванке дней шесть — десять). О подходе баерцев узнали от их же посланца. Из Неванки уплыли на плотях. На этом же собрании в Неванке и выбрали новым командиром всех отрядов Критинина, а его помощником Костю Москвитина. Это не понравилось Евдокиму Кочергину (он надеялся, что выберут его, но тут было большинство не нижнезаимцев, а получеремховцев, конторцев, юртинцев...), и он ушел с фронта. Приехал поздней осенью в Неванку на подводе вместе со своим отцом.

Была в Неванке и Антонида, с которой потом спутался Машуков, — это и повлияло на то, что на съезде в декабре командиром полка выбрали Евдокима Кочергина, а не Костю Москвитина.

В Неванке Костя прогнал Марию Бруштейн, «использовал» ее. Не она ли прибежала в Нижнеудинск к белым? Ведь ушла по Удинскому тракту.

Чайковский — учредиловец!

В числе прибывших с Александровского централа был и алзамайский Блинов (Черневский: «Найти его личное дело в партархиве Иркутска». — Е. С.) и еще два или три алзамайца. А их командиром был человек лет сорока пяти с револьвером. Я его так и оставил старшим в группе, когда мы пошли на Бузыканоно. Его-то как раз и убило, когда перебежал дорогу со своей группой. Они пробрались к нам откуда-то с Николаевского завода¹¹, и все с оружием, отобранном у разоруженной охраны централа.

О мельнике Ефиме Портнове. Он не местный, приезжий шулер, картежник и вор. Разъезжал в поездах первого класса, одетый как денди лондонский, при часах с цепочкой. Подметит богатого пассажира и прихватит его саквояж. Открыл в Получеремхово харчевню (кабачок), и там вместе со своим шуряком, еловским Ермолаем Ивановичем Белоусовым, ограбили кассира, приехавшего ночью на ст. Юрты выплачивать зарплату рабочим, строившим новый путь и новую станцию. Это обнаружилось позже и не доказано, но по-

¹¹ Николаевский железодельный завод заложен в 1845 г. на реке Долоновке (приток Оки), в 25 километрах от Братска. Возводился в таежной глуши ссыльнокаторжными в течение десяти лет. В 1847 г. была построена первая доменная печь, и завод выдал первую плавку, а на полную мощность стал работать в октябре 1854 г.

сле того он построил (или купил?) водяную мельницу в Гоголевке (Нижней). Женился на сестре Ермолая — Ульяне Ивановне Белоусовой, она родная сестра жены Лифантьева Никона, т.е. Никон Лифантьев и Ефим Портнов — свояки! Его убили Петька Буйлин и Николай Шевелев (а по Лифантьеву, Буйлин и Мишка Горенский (Бек) — за предательство, как врага, а не за ценности. Он еще в период подготовки восстания выдавал многих. И даже не убили, а утопили живьем в проруби (???). Сообщение белогвардейских газет о том, что над ним издевались, отрезали уши и нос — ложь (см. док. от 29 мая 1919 г.).

Я сам лично расстреливал врагов: Ш.И. (получеремховец), сидевшего в Конторке за предательство (он предавал людей вместе со своим зятем Федькой Крыжановским, был женат на его сестре Марии). С ним сидел еще получеремховский Ефим Попков (?). Этого Бич освободил при отступлении. Конторских кулаков с Заимки¹², не доходя Кежмы, расстреляли мои ребята.

- В Тасеево ходил Пахом Атаев, участник Канско-Иланского восстания, но трус и малограмотный.

- В Конторке была только одна, Василия Рукосуева, мельница (колесная), и только зимой на льду — это дешево и просто. Под Белой горой. А Пимен Проксуряков говорит: вторая рукосуевская мельница была на р. Конторке (летняя?). Ларинская колесная там, где сейчас заготскот, на перекате, и только зимой на льду. А еще раньше, до войны, какой-то заезжий из России, Кудрин, поставил на бугру, где теперь мост, а раньше был брод, ветряную мельницу — и кое-что получилось. Но ветряки в Сибири не привились — леса, мало ветра. А когда Пимен был еще пацаном, Юшков Семен, конторский, поставил мельницу-мутовку на речке Еловой. Мельницы: водяная, колесная, колесная на льду, мутовка и ветряк. Мутовка — мешок зерна за сутки (три пуда): сегодня засыпал, а назавтра выгребай.

- Во время подготовки к выборам в Учредительное собрание в Еловую, Пол.-Черемхово и другие села волости приезжал из Канска некто Белоусов Владимир, он не наш, но женат был на еловской Аксинье Мельниченко. Пламенный оратор за кандидатов-большевиков. И хотя выступали меньшевики и эсеры, все деревни, где побывал Владимир Белоусов, голосовали за список большевиков! Во время белочешского переворота он, чтобы избежать ареста и зверской расправы, застрелился. Но Аксинья ездила, привезла и похоронила его в Еловой.

- В Ганькиной¹³ три партизана отряда охраны Неванского тракта окружили дом, где находился белый разведчик-казак. Его конь был в ограде, а

¹² Деревня Заимка (Тургенево, Островская), Кежемской волости.

В 1730 г. в Кежемской волости шесть деревень: Кежемская Слобода, Привалихина, Ковинская, Панова, Верхняя Кежма и Деревня Соснового Острова, впоследствии Савина. К 1878 году на территории Кежемской волости три села (и три церкви), восемнадцать деревень.

¹³ Деревня Ганькино, Неванской волости, основана в 1625 г. По данным на 1917 г., 32 хозяйства (27 старожильческих, 5 переселенческих), 179 жителей (96 муж. и 83 жен. пола). По данным на 1926 г., 225 (214?) жителей (105 муж. и 109 жен. пола).

партизаны привязали своих у ворот. Когда они ворвались в ограду, он выскочил из дома, ранил из винтовки одного партизана, и тот упал. Казак вылетел на улицу и вскочил на одного из партизанских коней, а партизаны забрали его — игреневого (рыжего), с лысинкой на лбу и стриганой гривой, в новом седле.

• В старину у нас пахали только сабанами с железными сошниками, лемехом и отвалом. Это были томские сабаны, стоили пять рублей. Плуги появились только перед первой, империалистической войной. Один конь вспахивал сабаном десятину в день. А кулаки на пятнадцати парах коней вспахивали за день до 30 десятин! Весной сеяли по парам с боронованием перед и после сева, а то и с тройным.

• У нас, как и на Чуне, жарки называли аленький цветочек, подснежники — подстрелы, медуницы — медунки.

• Лапинский паром находился в пяти верстах ниже Лапиной, тут проходит Кондратьевско-Лапинский тракт. А выше парома — в трех верстах от Лапиной и двух от парома, почти посередине между ними, на том, правом берегу, — водяная мельница, где приставали плоты раненных.

• Сергей и Николай Бурловы окончили Бирусинское двухклассное училище (5 лет). Это сомнительно, по крайней мере, в отношении Николай Бурлова, судя по его каракулям и безграмотности. Да, Николай — безграмотный.

• «Четыре уповода делал» — четыре полдня, т.е. четыре периода рабочего 16-часового дня: до чая, до обеда, до поужинка, до ужина. Выражение Петрова по отношению к хорошему работяге.

• Часы с боем были в Еловой только у Ивана Шаньгина (запрягал по 16—18 лошадей, имел 3—4 постоянных годовых работника да других).

• На лесоповале в старину платили за одного сваленное дерево 10—15 копеек. Оклад — три-четыре нижних ряда бревен под срубом. Чтобы узнать, не поражено ли дерево грибком (раньше его называли «губа» или «табачный сук»), надо, ошкурив (он говорит: «сшкурив»), ударить обухом по ошкуренному месту. Если звенит — хорош, бунчит (звучит как пустой) — значит, с губой.

ИВАН ИВАНОВИЧ ЛЯХ

**Бывший черчетский крестьянин,
участник партизанского движения, ныне пенсионер (Тайшет).
Беседа состоялась 22 июня 1960 года**

В 1907 году моего отца, Ляха Ивана Дементьевича, молотобойца Путиловского завода, сослали в Сибирь, в Енисейскую губернию, Канский уезд, Шелаевскую волость, и мы приехали в дер. Черчет. Здесь уже жил тогда Арсений Бич, но Ивана Андреевича еще не было, он приехал через год-два после нас, не раньше 1908-го и позже 1910 года. В 1910 года он недолго учил детей в доме Арсения, а в 1911-м или 1212 году уехал в Тайшет на железную дорогу. У него была жена и двое детей.

Снова Бич появился у нас 14 августа 1018 года (?!), и в доме Сея (вдовы Агафьи Чеклиновой — Чеклинихи) стали собираться подпольщики. Насколько помню и знаю я, и как всегда слышал от других, первую, главную роль в подполье играли Кропотов Александр Алексеевич, Марченко Тихон Леонтьевич, Гремнюк Емельян, Лесюк Иван Адамович (а не Андреевич, как у вас, Адольф Юрьевич, значит, такого у нас не было) и Чемоданов Афиноген. Причем степень их роли и следует понимать в том порядке, как я вам назвал. Самый деятельный и политически развитый из них был Кропотов, лет 34—35, да и все они были в пределах этого возраста, не старше 40 лет, кроме Чемоданова, которому было 28—30. Кропотов еще задолго до решительных и открытых действий проводил в общественной сборне вечерки и вечера с постановками, в которых высмеивал буржуазию и Колчака, в костюме и гриме, но почему-то с бородой, хотя я знаю теперь, что Колчак никогда бороды не носил. А я играл у него роль личной охраны. Чемоданов Максим играл на этих вечерках на гармошке, но никогда ни с какими речами не выступал, да и в период партизанского движения он только числился при отрядах, а сам больше прятался на Петровановой заимке, или так же играет партизанам на гармошке, а как появиться опасность — он с этой гармошкой на заимку.

Первыми добровольцами и самыми лучшими партизанами были:

- 1) Москаленко Терентий Дорофеевич,
- 2) Головачев Федор,
- 3) Кудрявцев Никита Лог. (Броневик),
- 4) Казакевич Владимир Венедиктович (Дункач),
- 5) Погуда Николай Ильич,
- 6) Чемоданов Николай, а также
- 7) Хоняков Иван Максимович.

И Водоевич Максим Максимович, и Лесюк Андрей Иванович, Москаленко, Хоняков и Водоевич первыми пришли в подпольный штаб и принесли оружие: японские короткоствольные винтовки и две или три гранаты. Все трое были призваны еще при Керенском, но покинули фронт и пришли в деревню с оружием. Одним из первых был также Лесюк Андрей Иванович,

тоже фронтовик. Но Водоевич участвовал только до отступления из Бирюсы, Лесюк тоже, а Хоняков, хоть и был хорошим партизаном, но в 1930 году был в банде. Был еще один хороший партизан в отрядах, Миронов Дмитрий Александрович, 1899 года рождения. Он был мобилизован Колчаком, но бежал.

Первые шесть человек, а также Лесюк, Хоняков, Водоевич и Миронов, были в летучем таежном отряде Бича, и все эти люди участвовали в первом бирюсинском бою.

Позже были мобилизованы:

- 1) Марченко Григорий Леонтьевич,
- 2) Марченко Никифор Леонтьевич,
- 3) Головачев Григорий Дорофеевич (зачеркнуто отчество),
- 4) Готовка Александр,
- 5) Кудрявцев Семен Логинович,
- 6) Хоцин,
- 7) Лесюк Николай Ив. (погиб на врангелевском фронте),
- 8) Юшкевич Аркадий (погиб на врангелевском фронте),
- 9) Ващенко Петр Григорьевич,
- 10) Крамаренко Василий Кириллович,
- 11) Погуда Василий Ильич (когда мобилизовывали, то плакал),
- 12) Желтко Иван — тоже,
- 13) Пшеничный Ефим Гордеевич.

Пшеничный и Марченко Григорий были в Бирюсинском отряде, но не в Таежном. Однажды, по рассказам Терентия Москаленко, он, Пшеничный и один чунарь шли в разведку и натолкнулись на трех чешских офицеров. Пшеничный с чунарями убежал, а Москаленко один вступил с ними в бой, всех троих перебил и явился в Бирюсу с трофейным оружием и в офицерской чешской форме (Черневский: «Похоже на сказку». — Е. С.).

Лично я, по молодости лет, в отрядах участвовал мало, хотя и был добровольцем. Я работал, главным образом, по доставке продуктов при подпольной группе черчетцев, возил пакеты и донесения, как связной, от Машукова. Со мной были Юшкевич Аркадий, Лесюк Николай, Кудрявцев Семен, Марченко Никифор, Ващенко Петр (возили в Бузыканоно).

Зимой, когда на Ивановом Мысу¹ строились окопы под руководством Машукова (в белой офицерской папахе) и Воронина (он был командир заставы в Шиткино), я возил пакеты из штаба Машукова в Бузыканоно — в Шиткино к Воронину и на Иванов Мыс. У меня был двуствольный дробовик. Со мной тогда был Николай Большаков. На окраине Бузыканоно, у Иванова Мыса, в Шемякино и в Шиткино, т.е. у моста, были посты (все они подчинялись командиру заставы Воронину). На окраинах Шиткино конные патрули.

После соединения с Красной армией я был в 264-м полку, а из Иркутска направлен в Томск на подготовку. Со мной туда поехали Юшкевич, и Лесюк Николай, и Пшеничный. Потом попал на Арангарский фронт и на борьбу с Махно.

¹ Ивановская заимка деревни Бузыканоно — 2 хозяйства, 14 жителей.

Отдельные эпизоды и замечания

- Подпольщик Лесюк Иван Адамочич был самый старый из всех, ему было лет пятьдесят, потому что у него сын, Андрей Иванович, был уже фронтовик.
- Басурманин жил в Черчете только до 1914 года.
- Когда объявили восстание в Черчете, выставили заставы у ворот Сея, на всех выходах дорог.
- Чемоданов Николай, хотя и был добровольцем одним из первых и даже командиром летучего отряда, но храбростью не отличался, по воспоминаниям Головачева Федора, Москаленко Терентия и других.
- Кудрявцев Пимен никакого отношения к подпольщикам не имел, как и Юшкевич Иван Кондратьевич. Не были в партизанах ни добровольцами, ни по мобилизации. Значащийся у вас Лесюк Иван Иванович и Ларченко Кирилл никакого отношения не имели ни к подполью, ни к партизанскому движению. Волковы Иван и Павел Денисовичи, это сваты Максима Чемоданова, наверное, он вам их и подсунул. Я знаю лучше случай, когда сыну действительного подпольщика Кропотова Александра — Кропотову Илье Александровичу, 1906 г.р., выдали партизанскую книжку (он сейчас живет в Шелаево).

МАРФА ЕФИМОВНА КУРКИНА

(урожденная Москвитина)

**Бывшая партизанка, санитарка хирургического госпиталя,
ныне пенсионерка, проживает в п. Суети́ха по ул. Партизанской, 99.
Беседа записана 24 июня 1960 года.**

» Меня, 19-летнюю малограмотную девушку, привлек к работе в партизанском перевязочном пункте мой дядя, отцов брат, Москвитин Федор Кузьмич, участвовавший сперва в подпольной группе по организации партизанского движения, а потом в лыжной команде бирюсинцев. Меня направили на кухню поварихой, но я вскоре заболела и легла в Нижнезаимский госпиталь, а там, выздоравливая, стала работать санитаркой. Кроме меня из бирюсинских девушек в санитарки и медсестры пошли Шура Денисова, Женя Москвитина и Дуся Горемыкина.

Еще до Колчака я дружила с парнем с нашей... улицы, Кондратом Куркиным. Его вместе с другими бирюсинскими парнями мобилизовали в колчаковскую армию (Мамаев Кузьма Осипович, Толмачев Дмитрий Сидор., Мамаев Александр Семенович (это имя зачеркнуто. — Е. С.), Моров Александр, Кретинин Дмитрий Емельянович, Пахаруков Тимофей Дмитриевич, Золотухин Алексей Алексеевич (это имя зачеркнуто. — Е. С.)... а когда восстала 6-я рота, все они пришли в Бирюсу.

Кондратий не раз мне рассказывал, как это произошло. Они восстали в д. Одрино¹, подговорив крестьян, чтобы те замешкались с подачей подвод, и когда на первую подводу уселись четыре офицера и солдаты, стали стрелять. Двух убили сразу наповал, двое пустились бежать: один вдоль реки, другой забился в стог соломы и оттуда отстреливался, ранив в левую ключицу байроновского паренька-солдата Сеньку Первуницкого, который долго лечился в госпитале даже в Кондратьево, у него гноилась кость. Но все же убили всех четырех, а с ними и солдата Бархатенко, который добровольно в пути выполнял обязанности палача, сек солдат и крестьян. Хотели убить и своего Морова Сашку, который был писарем в роте и обо всем доносил начальству, но он вымолил себе пощаду.

Был с ними еще алзамайский Иван Иванов. Уже в Кондратьево, когда он охранял двух задержанных казаков-разведчиков, вместе с ними бежал, но их поймали и расстреляли, одного при побеге, а его, другого казака и кулака-водчика расстреляли на кладбище в Кондратьево, и все ходили смотреть. Кулак тогда кричал, что все равно их возьмет.

¹ Деревня Одрино (Балтурино) основана в 1750 г. По данным на 1917 г., 58 старожильческих и 8 переселенческих хозяйств, 367 жителей (190 муж. и 177 жен. пола). По данным на 1926 г., 440 жителей, 95 хозяйств.

Что касается Ознобихина Михаила, то, по-моему, он был призван раньше этих и в 6-й роте не был; а Мамаев Александр Андреевич был в 8-й роте и тоже сбежал.

Когда отступали от Нижней Заимки, я, вместе с сестрами Нижнезаимского госпиталя Марусей (Марфой) Рожковой (учительница из Н-Заимки), Дусей Швайдецкой и Флорой Андреевной Свенской (худенькая, лет двадцати пяти) попала в отряд, направившийся из Шиткино на Неванку. В этом отряде были и кавалеристы и пешие (на подводах). Кроме нас, я помню, следующие партизаны шли в этом отряде:

- 1) Каверзин Павел,
- 2) Мамаев Александр Андреевич,
- 3) Ознобихин Михаил (?),
- 4) Завязкин Степан,
- 5) Троезубов Самуил,
- 6) Шутис Александр (тайшетский),
- 7) Дерюшкин Дмитрий,
- 8) Губкин Стасик (в Кондратьево познакомился с девушкой Дашей и женился на ней),
- 9) Москвитин Исак Корнеевич.

Помнится мне, что тогда же откуда-то в тыл был послан отряд Жичкина из восемнадцати человек (Белоногов Борис, Москвитин Федор Кузмич, Толмачев Дмитрий, Барсуков Дмитрий (?), Моров Сашка и другие). Куда потом делись Свенская, Швайдецкая и Рожкова, я не знаю, но их с нами в дальнейшем не было.

Мы пришли в Неванку (Махначи), 45 верст от Шиткино, затем на Савино (Выдрино), потом в Березово и Кондратьево, где я стала работать в хирургическом госпитале у Романовского. Здесь, кроме перечисленных мною наших бирюсинских девушек, работали кондратьевские: Мотя Костецкая, Катя Сидорова, Дуся Вербинцева и Таня Кочергина. Хирургическое отделение помещалось в школе, а общее (Никитин) — в крестьянском доме. Еще был коноваловский фельдшер Пятаев Петр Яковлевич, женившийся потом на Кате Сидоровой.

Отдельные эпизоды и замечания

• Во время бомбежки в Бирюсе убило сестру Михаила Ознобихина, Марфушку, которая месяца два была замужем за Яковлевым (по-уличному, Ковалев) Виктором Ефимовичем в его доме. - От Кондратьево мы однажды на короткое время отступили (в декабре?) верст на 12 вниз по чуне до Кадареи², а потом вернулись назад.

² Кадарея (Кадарея) — старожильческая деревня в Неванской волости. По данным на 1917 г., 20 хозяйств, 236 жителей (67 муж. и 69 жен. пола).

- Атаев Гурьян пошел в партизаны вместе со своей девушкой Анютой Москвитиной, сестрой Ильи Павловича Москвитина (Маевского), а потом женился на ней (ее обычно звали Нюрой).

- Станислав Губкин женился на обыкновенной крестьянской девушке из д. Кондратьево, Даше, Дарье Егоровне Каверзиной.

- В д. Кондратьево было 90 домов. От Кондратьево до Петропавловки 60—70 верст. От Петропавловки до Березово — 30. От Кондратьево до Березово 90—100 верст. (Березово стоит не доезжая верст десять до Савино-Выдрино.) От Кондратьево до Савино-Выдрино 100 верст.

- Кондратьевские партизаны:

- 1) Каверзин Кузьма Корнеевич, тогда лет 25—26,

- 2) Каверзин Егор Федотович, тоже года 23—24,

- 3) Рукосуев Егор Федотович, 23—24 года.

МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ КАВЕРЗИН

1902 г.р., старожил деревни Кондратьево на реке Чуна.
Беседа состоялась 2 июля 1960 года

В 1919 году, с лета до зимы, в нашей деревне находился штаб и все военные учреждения Шиткинского фронта (госпиталь, хозчасть, мастерские). Госпиталь для раненых находился в большой школе, а другие учреждения — в домах. В деревне было дворов девяносто.

Из кондратьевских крестьян партизанами были многие, но я хорошо знаю и помню немногих, а именно:

- 1) Каверзин Кузьма Карпович, лет 25—26,
- 2) Каверзин Егор Федотович, лет 23—24,
- 3) Рукоусев Егор Федотович, 23—24 года.

Церкви в деревне не было, она сгорела еще раньше, но молебствие шло в часовне. От Кондратьево до Петропавловки (там была церковь) — 60—70 верст, от Петропавловки до Березово верст тридцать. («Наоборот, — написано на полях страницы. — От Кондратьево до Березово 90 — 100 верст, до Савино-Выдрино 100—110 верст». — Е. С.)

Моя свояченица, Дарья Егоровна Каверзина, вышла замуж за партизана из Тайшета Стасика Губкина.

ИЛЬЯ ЕФИМОВИЧ МАКАРОВ

**1900 г.р., бывший еловский крестьянин,
партизан-доброволец Шиткинского фронта,
ныне житель поселка Юрты.
Беседа состоялась 8 июля 1960 года в поселке Юрты**

В нашей деревне (дворов сорок пять) в 1912 году жил Иван Андреевич Бич, который работал писарем в Еловой и Енисейке. Потом он жил в Енисейке в 1916 году, а в 1917 году у нас, откуда уехал в Красноярск. Семья переехала в Конторку.

В деревне было много бывших ссыльных, главным образом эсеры, которые работали на мельнице у Дуракова (бывшего машиниста железной дороги): Битютский Иван Афанасьевич, Русин Константин Николаевич, женившийся на березовской крестьянке... В 1919 году он опять оказался в Березовой. Бич в 1917 году жил уже у Ивана Семенова... Бич до Енисейки жил у Ильи Аржанникова. Они проводили политическую работу среди крестьян, особенно Бич, который был большевистски настроен и в 1917 году в Красноярске вступил в партию большевиков. Он уехал туда работать, но, кажется, не избирался. А семья уехала в Конторку.

Во время контрреволюционного переворота при Омском буржуазном правительстве в 1918 году в деревне человек восемь-десять молодых парней, 1898—99 г.р., были призваны в солдаты.

Это были:

- 1) Белоусов Иван Тарасович,
- 2) Пестерев Давид Дмитриевич,
- 3) Сиверов Михаил Терентьевич,
- 4) Федотов Елизар Васильевич,
- 5) Макаров Алексей Алексеевич,
- 6) Макаров Михаил Алексеевич — братья,
- 7) Петров Иван Андреевич,
- 8) Петров Роман Данилович и др.

Эти люди, хотя и служили до конца у Колчака, но, приезжая на побывку в Еловую, рассказывали о плохом обращении с солдатами, о возвращении в армию старых порядков. Нам тоже жилось неважно, а именно... (нет пояснений никаких. — Е. С.).

Из уст в уста тайком ходили слухи о Тасеевском восстании, а потом мы узнали, что в Шиткино было вооруженное восстание. Вскоре, 12 февраля (?) по старому стилю, к нам в деревню пришли из Конторки посланцы Бича Соловьев Глеб и второй, фамилии которого не помню (Сидоров Павел?), и с ними в Конторку пошли:

- 1) я,
- 2) Попов Гаврила Яковлевич, доброволец,
- 3) Вашкин Ефим, доброволец,
- 4) Пестерев Алексей Никифорович, мобилизованный.

5) Ладыгин Максим Трофимович, доброволец,

6) Громов (или Иван, или Николай),

7) Линева Изот (старик),

8) Сидоров Василий Павлович, доброволец,

9) Пестерев Афанасий Сазонович (впоследствии дезертировавший), доброволец.

10) Белоусов Герасим Антонович,

11) Журавлев Филипп Акимович — не был,

12) Журавлев Кондратий Кононович — этот доброволец.

Трое последних вскоре вернулись домой и в партизанском движении фактически не участвовали. И еще один, возможно, Семенов Спиридон Васильевич. Он при странных обстоятельствах между Еловой и Конторкой тяжело ранил партизана Гугушкина Николая Романовича, с которым я впоследствии встретился в Нижней Заимке в госпитале в конце мая 1919 года. После отступления Семенов дезертировал. Умер в 1959 году.

Всего нас пошло 13 человек. Пришли в Конторку прямо к Бичу, в дом попа Льва (зачеркнуто и написано Черневским: «Народный дом». — Е. С.). В тот же день пошли все вместе с Бичом в Бирюсу и в доме... ночью провели собрание. Помню, что там были братья Бурловы, три брата Троезубовы, братья Тураковы, Илья и Артемий (последний был в партизанах недолго), Попов Константин (в мае вместе со мной был ранен в руку, но легко). (Черневским дописано: «Собрание было в сельской». — Е. С.)

(Поп Егорий был в 1917—1919 гг. Глухой, со слуховой трубкой. До этого он был в Н-Заимке. Его сын Иван архиереем при царе Николае II. Яков Москвитин, когда служил в гвардии, гостил у него.)

Потом приехал Яков Миронович Москвитин, а Костя Москвитин был в это время еще в Акульшетском отряде.

В первой операции по взятию охраны поста я не участвовал, и, по моему, наши еловские никто не участвовал, а больше получеремховские и черчетские. Точно не знаю, был в этом деле Агаев Гурьян, Логинов Павел Алексеевич, кажется, Беркен Эрнст Петрович (заикался, очень храбрый, грамотный, участвовал во всех боях, всегда старался быть впереди, стрелять первым и видеть, как падает враг). Отряд привел с собой двадцать одного пленного (дописано: «19». — Е. С.).

Нас перебрасывали то в Бирюсу, то в Конторку. Однажды командир Конторского отряда Игнат Козлов (которого я считаю очень плохим командиром, неумелым и трусом, в Кондратьевой его прозвали Санитар) послал на разведку на Венгерку¹, на Ларинскую мельницу, что стояла на протоке между железной дорогой и трактом Конторка — Еловка, но южнее,

¹ Венгерка — выселок деревни Туманшет (10 хозяйств, 24 жителя). Венгерка — заимка села Нижняя Заимка (3 хозяйства и 14 жителей). Венгерка — разъезд на старой линии Транссиба, 2406-я верста, и разъезд на новом пути, перед рекой Бирюса со стороны станции Юрты, 2410-я верста.

в направлении на Енисейску тринадцать пеших: меня, Ковалерова Ефима, Макотина Романа («Нет, Илью Макошина», — исправлено Черневским. — Е. С.) и др. Остановившись на Ларинской мельнице, мы выслали вперед двух разведчиков — Ефима Ковалерова и другого мужика. Но Козлов еще раньше, перед этим, послал туда конную разведку из двух всадников («Сальников, Парчуков Александр», — дописано Черневским позже. — Е. С.), а мы этого не знали. Ковалеров в дозоре, видит, едут двое конных. Ковалеров спрятался за лесину, выстрелил и чуть не убил Сальникова, но, к счастью, промахнулся — было темно.

Примерно в это время начался первый обстрел Конторки (Бирюсу еще не обстреливали), но снаряды не долетали. 7 (20) и 8 (21) марта начался сильный обстрел Конторки и Бирюсы. В то же время белые, исключительно русские белогвардейцы, главным образом офицеры, предприняли попытки похода на Бирюсу. Первый поход (после галошинской разведки на болоте) на 15—20 подводах, человека по три в каждой, с Тайшета по тракту. Его встретила наша разведка — лыжники Бирюсинского разведотряда. В нем были братья Тураковы Артемий и Илья, Москвитин Семен Никонорович, Мамаев Кузьма Осипович (это имя зачеркнуто Черневским. — Е. С.) и другие. Не то у Мамаева, не то у Москвитина (точно не знаю, я в другом деле участвовал) соскочила лыжа, и он увяз в снегу, его обстреляли, а Тураков Артемий убил офицера.

Вторая вылазка на 17 подводах, человек пятьдесят... Я, Москвитин Федор Михайлович, Козлов Иван Моисеевич (очень храбрый, в противоположность своему брату Игнату) сидели в окопах у кладбища. Впереди на горе была поскотина, где в засаде сидели человек десять (а в окопах человек тридцать). Показались белые, и Патрин Андрей (а по другим источникам, Пахоруков Николай) прострелил белому офицеру ногу и убил под ним коня. В этой засаде были: Патрин Андрей, Ульянов Алексей, Бурлов Сергей...

С Патриным Андреем в действительности дело было так: перед первым обстрелом, который был не очень массированным, белочехи прибыли с броневином на переезд Бирюсинский и послали разведку по пашенной дороге и от Тайшета по тракту. Андрей Патрин был в это время на посту у кладбища, у сторожки. Едва из-за кривляка показалась конная разведка, Андрей положил итальянскую винтовку с длинным штыком и убил белого коня под разведчиком. Разведка подхватила других и ускакала. Мы трое — я, Козлов и Москвитин — бросились наперерез, но белые ушли...

Третий поход был с Суетиhi по... и по тракту, когда мы взяли двух или трех пленных... В этом бою я тоже участвовал. Со мной были Неизвестных Николай Александрович, Горемыкин Иван, Толстихин Семен, Федосеев Михаил (однофамилец), Федосеев Николай Филиппович...

Из Бирюсы мне пришлось сопровождать в Конторку арестованного Федора Семеновича Москвитина, его брат Иван был белым офицером.

Вместе с 6-й ротой к нам прибыл и Костя Москвитин. После описанных мною боев, но до главного боя с красильниковцами, был второй налет на ст.

Суети́ха² силами двух отрядов: Якова Москвитина и Кости Москвитина с 6-й ротой.

Помню, ночью мы вышли к кладбищу. На горе стояла группа крестьян. Наш отряд, человек тридцать, под командой Якова Москвитина, вместе с крестьянами направился лесом (бором) к бирюсинскому переезду немного восточнее Суети́хи, а 6-я рота, во главе с Костей Москвитиним, — по болоту к станции. Мы пришли, свалили телеграфные столбы, разобрали рельсы. На запад с Тайшета шел поезд и прошел благополучно, а у Суети́хи Костя с 6-й ротой открыл огонь по эшелону.. Из остановившегося эшелона стали залпами стрелять чехи, и Костя отошел, тем более что с моста тоже стреляли. Это было, как я уже сказал, до боя с красильниковцами. Нет, после боя! Мы слышали пулеметную стрельбу со стороны разъезда Суети́ха. У Кости было человек сто. Они наступали на мост прямо по линии. Их спасло то, что на линии стояли пустые составы, и они под их прикрытием и под вагонами ушли. Но подошедший с Тайшета поезд все же обстреляли. Двое его ребят оказались на нижней стороне железной дороги и ушли в Сполох³.

После этого был такой случай: в Бирюсе, в школе, были партизанская кухня и столовая. За несколько дней до красильниковского наступления нас — караульный взвод, которым в это время командовал Черненко Федор Матвеевич, — повели обедать. В столовой было полно партизан, человек триста (???), в том числе за столами сидела вся 6-я рота. Вдруг началась новая бомбежка Бирюсы, и видно, что прицел ведут по школе, очевидно, знали, куда бьют. Было выпущено около сорока снарядов, но ни один не попал в школу, к нашему счастью. Это было в среду 16 апреля (по новому стилю). Так ли? Варили конину — убитую из-под белого офицера лошадь...

В красильниковском бою был ранен солдат из 6-й роты Кислицин.

А в пятницу, 18 апреля, в 2 часа дня, началось наступление красильниковцев со своими башкирами: в этом бою партизанами на тракте командовал Яков Москвитин, а на болоте с 6-й ротой Костя Москвитин (он же был командующим фронтом и в это время?). В том бою у Беркена лопнула юкса⁴, на болоте нашли офицерскую фуражку с донесением есаулу Красильникову. Но об этом, самом крупном бое я расскажу позже, в следующую нашу беседу, тут надо много говорить и много обдумать, а я уже устал.

Забыл сказать, что в ноябре 1918 года в Еловую приехал конторский писарь Омельченко с крестьянином Сальниковым (в будущем партизан) и вывесил на... приказ Колчака № 1, который гласил: «Мы, милостью Божьей, Колчак...», а сам Омельченко с Сальниковым зашли к шинкарке, варившей

² Суети́ха — станция и поселок на Транссибе западнее станции Тайшет (2436-я верста).

³ Деревня Сполох вблизи разъезда Суети́ха.

⁴ Юкса — широко распространенный тип мягкого лыжного крепления, встречается как на западе — у карелов и коми, так и на востоке — у сибирского русского населения, эвенков и народностей Дальнего Востока. Крепится к лыже через четыре просверленных отверстия.

самогон, солдатке Федосье Иннокентьевне Пестеревой, где был и я со своим дружкой Шаньгиным, и там у нас произошла ссора с Омельченко из-за...

В день Шиткинского восстания, когда Галошин со своим отрядом приехал в Нижнюю Заимку, Евдоким Кочергин со своим братом Федором катались по деревне на санках — была Масляна (Масленица). Галошинцы застрелили у них лошадь.

При Биче неотлучно находился партизан Михаил Розенталь, которого называли адъютантом Бича... Нет, второе лицо, ближайший помощник Бича был Ходя! (дописано позже: «и Арсений Казаков, и Николай Чемоданов». — Е. С.).

Остальное расскажу вам в следующий раз: и про красильниковское наступление, и про налет белых в памятный для меня день 8 (21) мая, когда я был ранен, и про госпиталь и встречи там, про расстрелянного Шкапина Виктора Михайловича, про Швайдецкого, про то, как Беркен, Роман Макошин и Зорька Киселев плыли на плотках по р. Уде из дер. Березово и что из этого получилось, и про дальнейшую нашу судьбу...

Они соорудили плот в Березовой и поплыли вниз. Плот зажало между камнями, Макошин нырнул и выбрался на тот берег. Привел крестьян. Тогда они и ушли на р. Поперечку...

(Черневский: «Следующая встреча с Макаровым И. Е. назначена на один из трех дней: 14, 15 или 16 июля». — Е. С.)

Впрочем, еще одно добавление: на собрании в Бирюсе, которое было не в первый раз, выступил догадаевский крестьянин Евсеев Филипп, который очень смело вступил в спор с Бичом, доказывая, что открывать фронт в селах, расположенных на Московском тракте, крайне безрассудно, надо, говорил он, уйти в более глубокий тыл, в тайгу, недоступную для белых, и оттуда совершать крупные вылазки и бить врага так, чтобы он не знал, откуда ожидать партизан и где их искать. «Надо вести маневренную войну с врагом», — настаивал он. Но Бич не соглашался: мы беляков бояться не должны, за нами народ, мы должны быть у него на виду, т.е. у народа. «Ты просто трус, Филипп, и нам с тобой не по пути. Можешь идти домой на печку или к бабе под подол!» — грозно произнес Бич. «Нет, Иван Андреевич, не на печку и не под бабий подол пойду я, а в горы, в тайгу, в наш Серафимовский отряд, — и ты увидишь, что мы там сделаем больше, чем вы здесь, на этом тракте».

Красильниковское наступление на Бирюсу было в пятницу 18 апреля 1919 года, по новому стилю⁵.

Налет на Бирюсу был 8 (21) мая, в обыкновенный день, а на Николу, 22 мая, я был уже в Нижней Заимке. В стычке на горе участвовали Никита Саврицкий (Савристов), его брат, Георгий Михайлов, Петр Калман (а его брат, Василий Калман, был ранен в тайшетском бою), Насонов Ерма (помощник начальника караульного взвода Черненко), Жичкин (раньше в его лыжном отряде было 20 человек, и он все время стоял в Бирюсе), Проскураков Пимен, Горемыкин Иван (конторский), Константин Попов, Алексей Пестерев, Семен Толстухин и другие... Спиридон Семенов.

⁵ Беседа прерывалась. С этого места записи возобновляются.

Когда мы побежали к окопам (уже пробежав мост и забравшись на гору, которая была тогда круче, чем теперь), Насонов кинул бутылочную гранату уже из окопов. Ура! Впереди, за поскотиной, был секрет из четыре человек, в т.ч. черчетский Григорий Марченко и получеремховский Михаил Калинин (возможно также Тихон... Константин Попов) (имена эти зачеркнуты. — Е. С.), всего четыре человека. Трех убило, в т.ч. Калинина, а тяжело раненного Марченко (в позвонок и правую руку) вели двое партизан, он очень кричал и стонал. Их уже преследовали чехи. Мы бросились бежать, я был ранен в руку левую, Толстихин в левую руку, Пестерев Алексей в лицо и в руку. Пестерев и Толстихин бросились к Тайшету, как они потом выбрались, не знаю, а я перебежал через мост. Вижу, бежит Яков Москвитин, волосы дыбом, взлохмаченный, в правой руке маузер, в левой — винчестер. Когда он свалился раненный в ногу, к нему подбежали Проскураков и Иван Горемыкин. Меня переправил на лодке на конторский берег санитар — литовец Сансонас, в Конторке сделали перевязку и направили в Нижнюю Заимку.

Точнее, это было так (Черневский: «Уточнение от 11 апреля 1965 года». — Е. С.): я, Савристов Никита и Петр Лазарев, оба румына — Савристо Никеш и Лазар Петр (работали на железной дороге в Венгерке и перешли к партизанам), Насонов, Проскураков Пимен, Горемыкин Иван и Горяев Иван — всего человек тридцать, накануне сменились с поста и пошли ночевать по квартирам. В Бирюсе в это время оставалось немного сил, главным образом караульные и отряд Жичкина, который зимой имел 20 лыжников, а сейчас тоже нес караульную службу. Пестерев Алексей и Толстихин Семен.

Утром, часов в восемь, слышим залп на горе. Мы — туда. Подбегаем к мосту, видим, двое ведут раненного, тот стонет (это оказался Григорий Марченко). Мы добежали до окопов.... Жичкин с группой по дороге к болоту, к Амуру. Белые, их было 62 человека, как мы узнали потом, рассыпались вокруг поскотины. Они пришли по бугру бором, но заняли и дорогу. Стреляют с упора на поскотину. Мы залегли в окопе и стреляем в бойницы, что проделали в бруствере — вал земляной. Насонов бросил гранату. А потом чехи бросили гранату, и она разорвалась у окопа, меня обдало землей.

Пестерев Алексей и Толстихин — в левой половине окопа, на южной стороне дороги. Я освободился от земли и вылез, вижу, белые близко, я стал в них стрелять, но в это время меня ранило в левую руку. Я побежал под гору. Навстречу бежит Яков Москвитин. Встретились на мосту. «Что? Как там?» — «Наших никого не осталось». («А Жичкин? — записал Черневский. — Е. С.)

Бежим, я свернул в первую калитку, а Яков бежит дальше. По нему уже строчат из пулемета. Я спрятался в ригу, кровь льет из руки, перевязываю платком. Слышу, чехи кричат «Ура!», спускаются с горы, перебегают мост — и к той ограде, где я. Подожгли дом, поджигают сарай. Я незаметно из риги — и вдоль строения на зады. Те, что поджигали, меня не видели, но увидел один с горы и стрелял. Пуля пробила брюки ватные, но не задела. Бегу к лесу по задам, слабею. Меня подхватили Пимен и Иван Горемыкин — и в лес со мной, бросили на мокрый мох в ельнике, пью-сосу мох. Вижу, ограда горит.

Провели меня опушкой и задами к окраине Заэтапной улицы. Встречается Федор Иванов из Ключей, он вез воду в бочке. И откуда-то

верхом подъезжает Насонов, подъезжает санитар-литовец из бывших каторжан — Сансонас на ходке. Меня к нему на ходок. Перевязали тут же — и к переправе. Там тьма лодок. Самсонас меня и переправил. На том берегу встретил Пятаев, и со мной оказался второй раненный — Горенский из Нижней Заимки, и нас двоих сразу отправили на подводе в Нижнюю Заимку.

Толстихин, раненный пулей в руку, Пестерев Алексей — осколком в шею и в подбородок, попали в Акульшет. В Нижней Заимке оказался Лачин (подписывался: Лаптев), он меня и завел в госпиталь, где Романовский сделал перевязку, положил на койку. Устал, ослаб, крепко уснул.

Утром просыпаюсь — вижу, рядом лежит незнакомый, стонет, без сознания. Пришел Позднин делать перевязку. Задирает мою рану — пуля навылет. Моему соседу стали выводить мочу. Потом, когда он пришел в себя, я узнал, что это Марченко Гр., тот самый, которого вели с горы. Его ранило четырьмя пулями: в обе ноги, в поясницу, в правую ягодицу. В другой палате Гугушкин — его ранил случайно Семенов. Моя рука распухла, посинела. Поговаривали, что придется отнимать руку, но все обошлось. Позднин был искусный лекарь, бесценный.

Рассказ Марченко в палате, он был в засаде-секрете с тремя партизанами: «Когда мы из засады увидели (из передовой заставы) четырех солдат, идущих к нам в зеленых шинелях, решили пойти им навстречу и узнать, кто такие. А они — огонь. Трех сразу убили, а меня ранило. Я бежать, а мне в зад еще три пули... Когда меня довели до деревни, я скрылся за забором в соседней ограде с той, которую потом сожгли, т.е. во втором доме».

Раненых на подводах привезли в Шиткино. Здесь к Гугушкину приезжала жена. Тут появился и Шкапин (он перед этим кого-то расстрелял). Ночью грузят на подводы и везут дальше. Меня и Гугушкина на одной подводе, привязали к телеге веревками. Кочки, болото — трясет, боль невероятная. «Жаль, нет нагана, застрелился бы!» — говорит Гугушкин.

В Треминой — на плоты. Здесь появился Калман Василий (ранен в тайшетском бою), он здоровый мужик, был ранен четырьмя сквозными пулями, но в госпиталь не ложился. Сам пешком дошел до Старого Акульшета и принес не только свою винтовку, но и четыре чужих. Вел себя геройски. Позднин смазывал ему йодом раны на почерневшей заднице, а он только приговаривал: «Вот так мед, вот так мед...» «Почему не ложишься в лазарет?» — «А кто чехов будет бить?»

Он был у нас на плоту за проводника-рулевого. В одном месте плот сел на мель, он соскочил в воду с толстым бревном, подважил (приподнял), бревно сломалось, но плот сошел с мели и поплыл.

К Шалаеву приплыли рано утром, когда заморосил мелкий дождь. В местной больнице сделали перевязки, развели по домам на отдых. Я крепко уснул. Проснулся часа в два дня, выхожу на улицу. Никого нет. Идут двое на костылях, оба акульшетские, раненные в тайшетском бою, Александр... и Григорий: «Чехи окружают!».

Бежим к реке, в проулке встречаем Лачина и Игната Козлова. Они идут в волость достать паспорта: «Идите на берег, мы сейчас».

На берегу Федор Негриенко (ранен в правое бедро в красильниковском бою) и Марченко Григорий. Приходит Дуся Горемыкина: «Наши все попрятались». «А ты чего?» — «А я никуда от вас не пойду, не брошу, погибать, так вместе».

Бежит Позднин, пробегает мимо, садится в лодку, кричит-зовет: «Варя! Сенька!». (Привалова и Первуницкий.)

Трое уплыли вниз. Мы, тоже трое, стоим у плота: я, Негриенко Федор и Марченко Григорий. У берега собираются мужики.

«Добить их», — особенно рьяно кричит одна старуха. Но тут приходят вооруженные Игнат и Лачин. Толпа смолкает. Они принесли мешок хлеба, кладут на плот. Подошли еще партизаны, раненные. Все плывем на плоту. Медиков с нами нет (Никитин и Рамоновский уплыли вперед).

(Черневский: «А где же Дуся Горемыкина???». — Е. С.)

Плывем. Видим, впереди у горы на берегу стоит плот без людей. Откуда-то взялся Попов Константин. Он перекинул к нам с другого плота мешок с мясом. Плывем дальше. Догоняем другой плот с Никитиным, с семьями. У них Лешка Тобалиновский (Сафронов).

Начинает вечерять. Лачин и Козлов говорят нам: «Вы оставайтесь все пока тут, а мы поплывем на лодке в Лапину готовить переправу и лошадей».

Остались. С дуга берегом к реке подъезжают два всадника из крестьян. Посмотрели — и назад: разведка, да только не солдатская, а кулацкая.

Многие с нашего плота ушли на утес в тайгу. Я и другие легли спать на плоту на перинах (я, Никитин, Романовский — Лаптев, Лешка Сафронов).

Светает. Идет лодка, в ней Игнат и Лачин: «Теперь плывите, мы все подготовили». Кричим своим. Бегут из тайги с горы.

Не доплывая Лапиной, на правом берегу мельница. Оттуда кричат нам Толстихин и Пестерев: «Причаливай, выгружайся!».

Там много коней, их переправили и доставили с коноводами (Толстихин и Пестерев), Игнат и Лачин — малая охрана за горой.

От Лапиной до Кондратьева по волоку. От мельницы тропа к Лапинско-Кондратьевскому волоку, с выходом на седьмую версту. Пошли. Кто верховой, кто пешком (кони без седел). Никитин суетиться, набрасывает перину на лошадей, перевязывает их веревками, сажает свою беременную Таисию, та падает. «Миша, Миша! Ой, обрушусь...» И так несколько раз. Тут с нами оказалась и Криволицкая.

Выехали на тракт, узкий, как труба. Его строили в 1911 году. Где болота, где пыль... Жара. Завязкин Степан, где-то раненный, ехал на своей карей кобыле. На 20-й версте привал, дневка. Кормили лошадей, готовили обед. Соловьев делает перевязки, а самого трясет малярия. А Позднина с нами нет. Часа через два дальше в путь. Я на одном коне с Тюменевым, он стаскивает меня, держась в обхват сзади за мою спину. Лачин и Козлов все время с нами! Едем дальше.

Начинает вечереть. Обоз сзади, а Завязкин с группой оторвался вперед. Я и Тюменов между ними одни. Страшно. Где то заорал медведь, лошадь мечется... На 48-й версте ночевка. Горят костры, варим ужин. Утром снова в путь.

Верст за восемь до Кондратьевой нас встретила высланная из деревни телега, ходок, единственная в деревне. Нас пересадили на телегу. Подъезжаем

к реке. С того берега на долбленых лодках (у каждого хозяина по три-четыре лодки) бабы и дети гонят стадо, переплавляют нас. Там встречают Позднин, Первуницкий, Варвара, ведут в школу-госпиталь. Здесь Позднин стал делать мне перевязку, оторвал повязку — брызнул коричневый гной... «Кость гниет», — заключил Позднин по цвету гноя. Пришлось делать операцию (разрезали гнойник).

В Кондратьево мы даже не ночевали, но не потому, что нас здесь плохо встретили, а потому, что не знали, где наши главные силы, слышали, что где-то в Березовой. Скорее всего, — подумали, — надо идти на Червянку. Часов в двенадцать ночи на лодках, в сопровождении крестьян-проводников, все поплыли вверх («Как?» — Черневский. — Е. С.) в Петропавловку (Балтурино). Там... а потом на ту сторону и тропой — на конях и пешие — в Березово.

Были трудные переходы через болота и речушки, где мостками служили расколотые пополам и круглые лесины. Вечером прибыли в Березово — опять переправились на правый берег. Подходят двое, один с длинными волосами, как поп, это был Павловский (ссылный, с 1905 года, поляк). Его звали Франц (Черневский: «Болеслав». — Е. С.) Карлович, а его жену-тунгуску — Тая. «Через день-другой придет ваш отряд», — говорит он.

Развели поквартирам больных и здоровых, госпиталя не организовывали. Я встретил здесь знакомого — бывшего политссылного Русина Константина Николаевича, отбывавшего ссылку в Березовой. Он женился на местной крестьянке Бурмакиной... Гавриловне и ранее жил немного в Еловой. «Оставайся у меня», — предложил он, но меня поставили в другой дом.

(Черневский: «Тесть Русина, Бурмакин Гаврил, позже, осенью, был расстрелян Яном Пепулом и Марком Москвитиным. Об этом Бурмакине и идет речь в приговоре Березовского и Выдринского общества (см. документ (?) от 4—5 августа и 16—20 октября (9—16 окт.)). — Е. С.)

В Березовой я сильно заболел, ослаб. Со мной оказался раненый с Баерского фронта — Станкевич. У него была большая рана, а марли не было, Позднин стерилизовал крестьянские тонкие женские кофточка.

Дня через два действительно приезжает отряд К. Москвитина. В мою квартиру поставили Роева Михаила — маленький и молоденький, он болел и умер в Петропавловском, его вынес с плота сам Богданович.

В Березовой, с приходом К. Москвитина, забегает к нам человек в казацкой форме: «Хозяйка, вскипяти чугунок молока!». Вскипятила. Он мне: «Вставай, молоко пить будем». Когда выпили молоко, он достает из кошелька серебряные деньги и расплачивается. Это был Иван Смолин, больше я его не видел.

Больные в Савино не ходили. Жили в Березовой до возвращения отрядов с Неванки, долго. Наконец собираемся плыть. Здесь откуда-то появился красноярский паренек, отличный пловец, по прозвищу Комитет (он убил колчаковского милиционера и бежал).

Связали четыре или пять плотов, поставили на них телеги. Больные, и я лично, в Петропавловке не высаживались (только Богданович, плывший с нами, высадился и вынес умершего на плоту Михаила Раева). В лазарете я был недолго, вместе с Первуницким, Иваном Шулаевым, который саморанился

из двустволки при перевозке оружия, он на железной дороге работал.

В Кондратьево приехали, как и уехали, часов в двенадцать ночи. Меня и Лешку Сафронова (Таболиковский) поставили на квартиру в тот дом, где жила учительница... Корнилова. Потом Сафронова перевели в госпиталь.

(Кривицкая утверждает, что Макаров лежал в госпитале, кудрявый, и все перебирал в пальцах свои кудри, а когда его обрили, стал перебирать на лобке. «Кудри обрили, теперь в мудях шебаршился?»)

В это время Позднин ушел из госпиталя с отрядом, и с нами остался Романовский.

Корнилова болела почками, но сама умела лечить, врач с высшим образованием, служила в Питере. Романовский охотно передоверил, т.е. разрешил ей лечить меня.

Корнилова вообще была загадочной личностью. Бич заходил к ней перед пленом. Ей было в то время уже 52 года (сестра к ней никогда не приезжала). Она очень боялась Виктора Михайловича Шкапина, его страшного взгляда. Шкапин часто заходил к ней. Он действительно выглядел зверски, и сам говорил, что был контрабандистом на «Мартанике» (?) («Мартышке» ?), убил 200 человек — «у меня вместо сердца камень, мне лично ничего не стоит убить кого угодно».

Ко мне часто приходил Толстихин и Первуницкий (его ранил фельдфебель 6-й роты в левую лопатку).

Однажды в Кондратьево прибыли четырнадцать человек, бежавших из Нижнеудинской тюрьмы. Они сговорились бежать, но с ними сидели уголовники, которые чуть не выдали их. Все же разоружили охрану и бежали. Максименко, анархист, черный (но не Бурульбаш), один по имени Ваня, лет двадцати, петроградский, очень боевой, потом Тишка. Это было примерно в... когда с 33-й версты привезли Илью Москвитина, где он и умер. Что стало с бежавшими из нижнеудинской тюрьмы?

Позднин Игнатий Зосимович, лет тридцати пяти — сорока. Рыжие усы. Ходил в солдатской шинели. Очень был дружен с Иваном Андреевичем Кочергиным. Мне кажется, он обладал гипнозом, умел внушать раненому выздоровление.

У Ильи Москвитина жила в Кондратьевой его сестра с ребенком.

Вскоре прибыл военный трибунал во главе с Комайликовым Алексеем Ив. Я работал при нем в качестве... и хорошо знал его. Он рассказывал о себе так: бывший красногвардеец, после поражения на р. Белой попал в Монголию. При нем была красногвардейская книжка — под подклейкой сапога. Он как-то сумел набрать справок о принадлежности к духовенству и пробрался в Нижнеудинск. Будучи по специальности учителем — сообразителен и развит. В Нижнеудинске служили два попа, он к ним прибил псаломщиком, приход его принял. Уговорил одного попа совершить требу с поездками по приходу. Поп польстился на заработок, и они поехали.

«Я тайком расспрашиваю, где красные, и, узнав, повез попа все дальше вниз по Чуне, пока нас не захватили около одной деревни партизаны», — рассказывал Комайликов. Ему как-то удалось оторваться от попа, обратился в штаб: «Здравствуйте, товарищи!» — «Здравствуй, святой

отец». — «Не все святые отцы, — он разулся и из распоротой подклейки вынул красногвардейскую книжку. — Хочу остаться у вас». — «А попа?» — «Отпустите. Он не вредный». Поп его расцеловал за это.

Комайликов высокий, длинноволосый, черноватый, почти черный, брюнет, носил маленькие усики. В ризе выглядел как журавель. В Кондратьевой крестил детей. Старухи в шайках несут воду. Ильин Ганька, работавший с ним в трибунале, узнав, возмутился (?). Позже он служил и в шалаевской церкви, но об этом потом.

У Комайлимова была печать «Военно-революционный трибунал». Однажды сижу с Комайликовым. Приводят с 33 арестованного, он дает мне наган со стены: «Уведи его туда», т.е. в тюрьму.

Трибунал был напротив носовского дома с новыми воротами. Я вывел, а он бежать, спрятался за носоновскими воротами. Тут в окно Комайликов ружье высунул, и тот вышел. Я сдал его в арестантский дом. Это был крупный предатель.

У нас в Кондратьево были пленные, перешедшие румыны, и среди них Титус. И вот когда этого арестованного послали под конвоем за хлебом, встретились румыны. Они бросились избивать арестованного. Конвой открыл огонь и отогнал. Комайликов вызвал румын: «В чем дело?». Те рассказали. Оказывается, когда они были еще в легионе, поехали пятнадцать человек в разведку, и в одной деревне этот гад выбежал и спрашивает: «Где ваши офицеры?». — «А зачем тебе?» — «Да вот тут скрываются красные».

Его прогнали, но потом подошли основные силы румын, и тот рассказал об этом офицеру. Разведчиков догнали и вернули в Тайшет. Предатель не мог точно указать, кто его прогнал, говорил: «Все», а те отказывались: не видели. Потом все же им выдали оружие, и они перешли к партизанам.

Помню, Ф. Г. вели расстреливать два бывших красногвардейца, Архипов и Козырев. «Все равно вас, гадов, всех уничтожат, семь земель на вас идут», — нагло говорил предатель даже перед расстрелом.

Видел я и Кулакова Николая с бодком (баташком)⁶. Рассказывали, как приедут в Трёмино белогвардейцы, он идет с ними по улице и знак подает: отклоняет рукоятку батожка в сторону того дома, где есть сторонники партизан или партизаны, — надо обыскать.

Шкапина (он прибыл к нам с каким-то маленьким Яшкой) расстреляли у листовницы на кладбище. Идет, завертывает папироску: «Песню бы спеть, да некогда...»

На выходе из Кондратьевой в сторону Петропавловки и в сторону Богучан были постоянные посты. Однажды партизан, татарин Семенов, был арестован в Кондратьевой специально присланным с 33-й версты Жерновым, и еще один. Я спрашивал, за что. Оказывается, оклеветали проигравшие ему в карты партизаны. Я видел, как они играли в карты у Прокопа и ссорились,

⁶ Бадожок — трость, палка для опоры при ходьбе, посох.

«Бадожок» — уменьшительная форма слова «бадог», которое означает «дубина, палка».

понял в чем дело — рассказал Комайликову, и он освободил. Об этом случае знает Степан Петров.

Однажды один из солдат 6-й роты («Малунов Николай», — вписано Черневским позже. — Е. С.) и двое братьев-крестьян («Брюхановы Дмитрий и Гурьян», — вписано Черневским позже. — Е. С.) из Ирбы (дворов тринадцать) обобрали метеостанцию. Все нашли закопанным в земле. Судили: солдата на год, а крестьян-братьев на восемь месяцев принудительных работ. Но старший брат был богат, запрягал 35 лошадей, и добился, что ему и другому брату сняли принудилровку за контрибуцию: отдал 20 лошадей и 17 коров (конфискация!).

(Павел Логинов в журнале «Нива» нашел статью «Илья Пророк на огненной колеснице» — это кто-то описал, как крестьяне-чунари, увидевшие конные грабли на метеостанции, разнесли слух, что на Чуне объявился Илья Пророк на огненной колеснице. Он читал ее вслух, и все хохотали.)

Среди раненых в Кондратьевой обитали Ракитин с Черемшанки, которого ранили чехи на р. Точильном во время ломки пути, Гурков Лукаха — здоровенный мужик, раненный у моста через Тайшетку в правую ягодицу и в руку. Рана на ягодице гноилась все лето. Позднин сделал операцию.

23 января 1920 г. по старому стилю я приехал в Шалаево, привел шестьдесят арестованных из тюрьмы. В это время там уже находился военно-революционный трибунал, агитационный отдел (Кепул, Бертин, Попов Гавр, Лачин, Брюханов). Бертин заикался, а Иван Андреевич Кочергин картавил. И вот они вели спор о Парижской коммуне. «Что ты, блат ты мой!» — то и дело произносил Кочергин. Он дружил с Поздненым, а погиб в 1938 году — репрессирован!

В рождественский праздник, через два дня после меня (?), из Бунбуя в Шалаево приехал поп, и Комайликов вместе с ним взялся служить. Ганька Ильин предложил мне сходить в церковь, посмотреть на Комайликова (он был очень высоким): риза короткая, ходит с кадилом. Увидел нас — вылупился.

Комайликов Алексей Иванович работал так: до обеда часа два сидит в трибунале, пишет. Потом уйдет домой, пообедает, выпьет — любил выпить, поспит и к шести часам вечера снова за работу.

Начальник тюрьмы (при волости была настоящая тюрьма) Савельев («Владимир», — дописано Черневским позднее. — Е. С.) напился и стал стрелять вверх, чтобы разогнать толпу («Какую? 90 пленных румын?» — вопросы Черневского после беседы. — Е. С.). Его самого посадили в тюрьму («Кто?» — Черневский позже. — Е. С.). Комайликов вызвал меня. Наган Савельева висит у него на стене. Пишет записку: освободить Савельева. Прихожу, он спит на нарах, разбудил. «Где я?» Объяснил. Не верит. Комайликов чистил-чистил его, потом взял расписку, что больше это не повторится, и вернул наган.

Шалаевский фельдшер пожилой, матерщинник. Сам выгонял спирт.

Секретарем у Мусихина работал Травкин Николай Ермолаевич, но я его знал по Еловой и как Жуковского Василия Игнатьевича (раньше недолго жил у нас).

Помню, откуда-то появились двое неизвестных в гражданской одежде, лет по сорок, с черными усиками, выдавали себя за агитаторов 30-й дивизии. С ними женщина и китаец. Один наган на всех и две гранаты. Требуют выдать

документ на право беспрепятственного передвижения и подводы в Тайшет. Комайликов: «Какая часть пошла с Канска?» — «264-й Верхне-Уральский полк». Верно — но подозрительные. Подводы дал, а вперед послал сообщение в отряд в Нижнюю Заимку. Там их арестовали. Оказалось, белые полковники и с ними миллион рублей денег!

Был в Шалаевой один полковник, захваченный в Еловой, по фамилии Разепин. С ним тоже жена и дети, поэтому его не расстреляли.

Тетрадь воспоминаний И. Е. Макарова⁷

В первые дни восстания в селе Бирюса партизаны установили посты по дорогам:

1) на тракту у поскотины, где стояла маленькая избушка, в которой по летам жил сторож, — открывал ворота проезжающим. Не далеко от нее, вправо за поскотиной, стояла часовня, где батюшка служил молебен от засухи и других стихийных бедствий, здесь стояла застава из 8—10 человек, укрытием были столбы поскотины, из-за них хорошо было просматривать тракт в сторону Тайшета;

2) вторая дорога шла на заимки, от кладбища через переезд железной дороги — там тоже пост, три-пять человек;

3) и третий пост находился на болоте (выделенное курсивом в тетради зачеркнуто. — *Е. С.*), где дорога шла на Суетику.

Первые три — пять дней было тихо, спокойно, видимо, белые еще ничего не знали, потом начали делать разведку маленькими отрядами. Первый отряд, человек десять верховых и человек двадцать на подводах, был хорошо встречен партизанами. Только показался первый верховой, Патрин Андрей из-за столба с первого выстрела сбил лошадь и верхового. Тут начали стрелять все, кто был в заставе. Белые мигом повернули лошадей, забрали раненых и убитых, скрылись, не сделав ни одного выстрела. Лошадь и седло, несколько метров от лошади, остались на дороге, было много крови.

После этого партизаны собрали собрание, на котором выбрали командиров взводов. Установили дежурство постов по очереди, организовали караульное помещение, где стал находиться караульный взвод. Посты стали разводиться дежурным и командиром взвода. Также стал назначаться связной, который все время сообщал в караульное помещение и штаб, где находился командир отряда, что делается на постах. Разведка стала ходить все время, днем и ночью.

Метров сто от поскотины, на тракте, за первой трубой сделали заграждение: наложили борон вверх зубьями и засыпали снегом — так замаскировали, что днем было незаметно. На лошадях ни верхом, ни в санях

⁷ Хранилась в архиве А. Ю. Черневского. Когда были сделаны записи, не указано.

проехать было невозможно. На северной стороне тракта, по лесу проложили тропу, чтобы незаметно для белых, в случае нападения, обойти кругом, т.е. зайти им в тыл.

Через два дня наша разведка в количестве двух человек, Турокова и Артемия Мамаева, проходя северной стороной тракта, на горе у тайшетской водокачки (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.) заметили движущиеся подводы. Один из разведчиков, Мамаев (Черневским фамилия зачеркнута и вписано: «Москвитин. — Е. С.), подошел ближе к тракту, чтобы рассмотреть, кто едет, когда подводы стали приближаться. В санях сидели белые солдаты и офицеры. Мамаев (исправлено: «Москвитин». — Е. С.) быстро повернул в сторону леса, но не успел скрыться, у его лыжницы порвалась юкса. Он наклонился связать юксу, его заметили белые, один офицер слез с саней, расстегнул кобуру, вынул наган и пошел снегом к Мамаеву, начал стрелять в него, ранил по мягкому месту и хотел взять живым, закричал солдатам: «Быстрее ко мне!». В это время раздался выстрел, Туроков Артемий из охотничьего ружья стрелял в офицера из-за сосны, офицер упал, солдаты подбежали и унесли его к подводам, часть кишок осталось на снегу. И поехали в Тайшет, где с почестями похоронили офицера. Поп Василий пропел вечную память, заплакал и сказал: погиб герой от вражеских, большевистских рук.

Белые переменили направление через два-три дня, приехали на разъезд Венгерка. День был холодный, дул сильный ветер, проходили тучи, временами прокидывало снег. Послышались орудийные выстрелы — это белые начали бить по Конторке, снаряды не долетали и рвались на лугу («У Тарая, часть села» — вписано Черневским. — Е. С.). Выпустили два-три десятка снарядов и уехали обратно в Тайшет, через два дня повторили: еще выпустили снарядов шестьдесят. Эти рвались, с полкилометра не долетая до цели, не причиняя никакого вреда ни партизанам, ни населению, били впустую. Белые, видя, что все без пользы, не стали тратить снаряды. Взялись за Бирюсу. Партизаны тоже не дремали, каждый день разведка лыжников ходила во все концы, на железную дорогу, в Суетику и к Тайшету. Иногда и в Тайшет пробирались тайшетцы, добывали сведения о количестве колчаковских войск там и в Суетихе, этим занимался Жичкин Михаил и другие.

В один ясный день с Тайшета выехал отряд белых на двадцати подводах по три — пять человек и человек десять верховых. Нас, тридцать человек, пошли тропой лесом, человек сорок осталось у поскотины на заставе. Когда белые показались, застава начала стрелять, мы тоже бросились к тракту, чего белые не ожидали. Когда мы со стороны... начали стрелять, у них получилась паника. Они падали в снег, а некоторые поворачивали лошадей обратно, стрелять начали с подвод, когда поехали. Мы вышли на тракт, белых не было видно, только лежали три лошади в седлах — седла сняли, а лошадей отправили на кухню. Что получилось с людьми, нам не привелось точно выявить, так как белые рвались к Бирюсе, но все напрасно, ничего у них не получалось.

Однажды ночью мы были на заставе у поскотины, восемь человек. Товарищи, которых мы сменили, ушли в караульное помещение, а командир взвода с остальными пошел на второй пост, который находился в лесу по направлению к железной дороге. Оттуда пошли другой дорогой, вокруг

кладбища, к нам не завернули. Прошло немного времени — со стороны Тайшета по тракту послышался лошадиный топот. Ночь была темная, тихая, никакого ветра, слышимость хорошая. Мы стали слушать и передавать по цепи, договорились подпустить ближе, знаем, что впереди есть заграждения, в которых лошади засядут.

Тут подошел связной, которого послали в караульное помещение с донесением. Мы стали готовиться, залегли за столбы, но топот прекратился. Прошла минута — в обратную сторону пошел сильный топот, видимо, была одна разведка. Стрелять было бесполезно, но по разу выстрелили. Взвод быстро подошел, но топоту было не слышно, нас сменили. Повалил снег, к утру подул ветер, следы были занесены.

Белые несколько дней не появлялись, тут кто-то передал записку от белых. В ней вызывали наше командование на переговоры, указано было место сбора — на тракте, у высокой лиственницы, которая стояла на одинаковом расстоянии от Бирюсы и Тайшета.

Наша делегация в количестве трех человек начала собираться. Яков Миронович Москвитин вынул из кобуры маузер и приспособил его под левую руку, что бы было незаметно, две гранаты-лимонки положил в карман, посмотрел на нас и сказал: «Знайте, товарищи, на какое дело мы идем: возможно, белые пошли на хитрость, готовят нам какую-то ловушку. В случае чего вырчайте».

Двое остальных (Черневский: «Кто?». — Е. С.) тоже положили по нагану в карман. Они пошли трактом, а мы, человек тридцать, — тропой, не теряя их из виду. Когда пришли на указанное место, замаскировались — кто в снег, кто за лесину (дерево). Они стояли, смотрели в сторону Тайшета, часа два прошло, но никто не показался. Видимо, белые струсиле выходить. Загадочная записка вызвала среди партизан большую осторожность, некоторые говорили, что белые хотят предпринять что-то новое, вторые: у белых нет сил наступать, они хотят мириться, третьи размышляли так: белых держат иностранцы. Одного Колчака разбили бы за один месяц.

Белые получили подкрепление, начали наступать с двух сторон — с Суетиhi и Тайшета. Наша разведка сообщила, что с Тайшета трактом движется большой отряд белых. Москвитин Яков Миронович дал команду: «Быстро на гору!». Мы перешли поскотину, а наш караул, человек десять, лежал внизу, рассыпались быстро и стали ожидать.

Белые подводы оставили далеко, рассыпались по обе стороны тракта (у опушки леса) и начали давать залп за залпом. Когда стали показываться, мы тоже со всех сторон начали стрелять. Белые видят, что их обойдут, и быстро отступили, сели на подводы и уехали в Тайшет.

На болоте пошла стрельба со стороны белых, эти что-то опоздали, наши сразу не отвечали, подпуская ближе.

Наш отряд собрался к поскотине, наши на болоте молчали. Волнение у нас: в чем дело? Белые могут выйти из лесу на луг, где будет труднее их задержать.

Яков Миронович пошел быстро в Бирюсу узнать, в чем дело, а мы залегли вдоль поскотины. Дружные залпы загремели с нашей стороны, и

белые отступили, видя, что ничего не получилось. И на этом закончили свое наступление до прибытия атамана Красильникова, чтобы повести другой вид наступления.

Подвезли артиллерию и начали бить по Бирюсе. Первый день снаряды перелетали, рвались близко от парома, не наносили никакого повреждения и отряду, и населению. Была паника, некоторые крестьяне стали выезжать — кто на заимку, кто в другие деревни к родным или знакомым. (Вписано позднее Черневским: «Снаряды падают у переправы (перелет) и протоки Озерной (недолет). — Е. С.)

Все это отражалось на партизанах. Нарастала злоба на белых, наши бойцы закалялись и сближались с населением, которое всем помогало, что усиливало партизанское движение. Совместная борьба объединяла в большую, непобедимую силу, которая была для белых большой угрозой и не пропускала проходящие эшелоны японского оружия. Хотя белые прилаживали все, чтобы подавить восстание: вешали, и расстреливали, пороли, но ничто им не помогало. Отряд рос и укреплялся.

Через два дня начался ураганный огонь белых, снаряды рвались пять-шесть метров один от одного по улицам и дворам, много было повреждено домов и надворной постройки. Особенного много снарядов рвалось у протоки Озерной, там было немного ельника, и он был засыпан металлом. Снаряды были разных калибров, среди них попадали газовые. Пострадало и наше караульное помещение, которое находилось близко у моста, — снаряд пробил обе стены. Через улицу был штаб, в котором находился командир Москвитин Я.М. В штаб угодил снаряд: задрожало все, опрокинулся стол в одной комнате, полетели бумаги и чернила... но Москвитин не вышел, чем-то был занят. К вечеру стрельба стихла, ночь была спокойна, но с горы не уходили. Лыжники все время находились у железной дороги под Суеихой и под Тайшетом.

На следующий день белые начали бить часов с двенадцати дня. Партизаны находились на горе, на улицах не было никого, только Москвитин Я.М. ездил верхом и подбадривал бойцов, кричал: «Враг наводит панику, мы, большевики, не должны на это обращать внимание, сколько бы враг ни усердствовал, мы победим!». Снаряды стали рваться в лесу, на кладбище. Поражения большого не было, только на горе пострадал Кретинин Андрей и на улице был легко ранен Власов Георгий, который через несколько дней был опять в строю. Тысячи снарядов, выпущенных белыми, рвались без пользы. И так артиллерия продолжала свое наступление каждый день.

В селе Бирюса было церковно-приходское училище, которое стояло близ старого этапа, т.е. царской пересыльной тюрьмы у ельника, которую партизаны оборудовали в столовую. Здесь все партизанские отряды обедали и ужинали.

Какой-то предатель сообщил белым, что по вечерам в школе собирается много партизан. 16 апреля 1919 года белые сделали наводку на школу. Наш отряд находился на горе, ожидая наступления чехов, с двух часов дня и до ночи лежали в снегу, чтобы не показываться противнику. Снег был сырым, за долгое время человек застывал и просто коченел. Так случилось с Баграниным Ильей, которого пришлось товарищам разминать и согреть несколько

минут. Нас сменил другой отряд, мы пошли на ужин, когда мы зашли в школу, там за столом сидели... (записи обрываются. — Е. С.).

Так шиткинские партизаны боролись за советскую власть и мечтали о светлом будущем, но многим не пришлось дожить до настоящего времени, увидеть, что получилось за пятьдесят лет советской власти.

Письмо И. Е. Макарова А. Ю. Черневскому, 26 апреля 1969 года⁸:
 «Уважаемый Адольф Юрьевич! Поздравляю вас с праздником днем 1 мая. Желаю вас хорошо встретить и проводить, желаю вам доброго здоровья и успехов в вашей литературной работе. Хотел поехать к вам в гор.Бирюсинск, но узнал что вы уже в Красноярске. Адрес дал мне редактор газеты «Заря Коммунизма». Когда то в беседе вы говорили что пойдете на пенсию и тогда займетесь писать. Народные мстители. Меня это очень интересует. Если будете в Тайшете то не забудьте заехать к нам в Юрты. У нас в Юртах развелось очень много партизан, в пос.совете целый список, даже те которые служили у Колчака. О чем хочется с вами поговорить. Есть у нас тут настоящий партизан который хоронил Любасова и Иванова, которые погибли в дер.Еловой, он знает кто спас в Конторки партизан когда чехи сожгли деревни. Читал ваши заметки про шестую роту. Из нее я узнал несколько человек с которыми вместе лечились. Пока на этом кончаю думаю увидимся. С приветом И. Макаров. Адрес вы знаете. 26 апреля 1969 года».

Документы И. Е. Макарова

РС.Ф.С.Р.	Свидетельство
Военно-революционный	Дано сие свидетельство от комиссии фельдшеров
Лазарет	при В-Р лазарете Шиткинского фронта солдату
Шиткинского фронта	Макарову Илье (вписано имя карандашом)
№ 24	в том, что при освидетельствовании его здоровья
12/XI дня 1919 г.	12 ноября 1919 г. признан к увольнению от во-
	енной службы в кратко временный отпуск на поправку здоровья на один ме-
	сяц (вписано карандашом) с.... 12 /XI...по 12 декабря 1919 г. включительно по
	ранению в правую руку (вписано карандашом) области.....уезда.....губернии,
	что подписью и приложением печати удостоверяется.

Печать круглая «В-Р-лазарет. РСФСР. Шиткинский ф.
 Председатель комиссии(роспись ?)
 Вписано карандашом: Члены комиссии фр. (?)
 Секретарь Рожий

⁸ Стиль и орфография письма сохранены.

Комментарий А. Ю. Черневского:

№ и дата в штампе, и все, что здесь написано мною карандашом, — в документе серыми (синевато-черными, грязно-метиленовскими) чернилами. Остальное, в т.ч. и штамп, — пишущей машинкой. Кроме печати. Подписи: 1. Лаптев (это псевдоним фельдшера Романовского), 2) Никитин и 3) по словам Макарова, Родин, но из надписи видно, что нет: Рожин или Ронжин (молоденький, лет 15—16). На обороте от руки химическим карандашом цвета копирки, т.е. фиолетового цвета, написано неграмотно: «Штаб перепроводит солдата Илью Макарова на прожительство при В.-Р. трибуналом согласно его прямого проживания». 12/XI 1919. Начальник Штаба (самодельный штамп) — роспись.

Р.С.Ф.С.Р.	Главному врачу Тайшетского
Лазарет Шиткинский.	Временного лазарета при сем припровождается
	на комиссию
Фронта № 64	т.с. Илья Макаров из команды
	выздоровливающих при
9 февраля 1920 года	резервном батальоне Шиткинского фронта.
С. Н.-заимское	Председатель лазарета — роспись: Пятаев
(Круглая печать)	За секретаря — роспись: Соломенцев

Комментарий А. Ю. Черневского:

Все от руки совершенно черными чернилами, красивым почерком, с наклоном вправо, и грамотно, несомненно рукою самого Пятаева. Печать лазарета, неразборчиво. На листке, выданном из регистрационной книги с печатными типографскими обозначениями:

№№ по порядку

Время отправления бумаги

№№ исходящих бумаг

Куда отправлена бумага и о чем отметка.

На обороте те же графы и тоже чернилами, но др. почерком, более крупным: «Врачу жел.до.госпиталя ст. Тайшет Булгакову.

Для освидетельствования состояния здоровья тов. Макарова

13/II Военный комиссар района (подпись)

№ 52 Пом. делопроизводителя (подпись)»

Ниже чисто метиленовыми грубыми чернилами заключение, некрасивым почерком, но тоже с наклоном вправо: «Макаров Илья страдает атрофией мышц левой руки и контрактурий II и III пальца после огнестрельного ранения. К военной службе не годен. 13/II 1920 Врач XI медучастка Булг...» (почерк похож на никитинский).

Р.С.Ф.С.Р.	Удостоверение
Военный Комиссар	Настоящее удостоверение выдано красноармейцу
1-го района	Шиткинского фронта Илье Макарову на право
Нижнеудинского у.	свободного проезда и проживания в д. Еловой
19/Ш.... 1920 г.	Конторской волости, как негодному к несению
№ 58	военной службы, что сим и удостоверяю
Ст. Тайшет Иркут. г.	Военный комиссар.....(Иванов)
Круглая печать «Комиссар	Пом. делопроизводителя...
Милиции 1-го района Нижне-	
удинского у. Ст. Тайшет,	
Иркутской губ.	

Комментарий А. Ю. Черневского:

Все написано грамотно, черными чернилами, почерком с наклоном вправо, рукой пом. делопроизводителя, печать настоящая. Штамп машинописный. Текст рукописный.

Макаров все же был призван позже и попал во 2-й запасный стрелковый полк Западно-Сибирского военного округа, оттуда был уволен 19.XI.1920 г. с выдачей проходного свидетельства и аттестата, где указано, что он «жалованье из оклада 900 рублей в месяц не удовлетворен с 6 по 20 декабря 1920 г.».

Были еще круглые печати: «Командующий Шиткинским фронтом» — небольшая, продолговатая, эллипсообразная; «Командир резервного батальона Шиткинского фронта» (Бычков Николай); «Военно-революционный трибунал» (Комайликов).

МИРОН АРТЕМЬЕВИЧ УЧАКИН

**1880 г.р., бывший житель деревни Преображенка (участок Тропа)¹,
ныне житель деревни Сталино².**

Беседа состоялась 27 июня 1960 года

Деревня Преображенка, что в десяти верстах от Ингашета³, в стороне, в тайге между Еланкой и Шелехово или между Туманшетом⁴ и Еланкой⁵ (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.), возникла в 1910 году (исправлено на 1908 год. — Е. С.). Ее основали восемь семей переселенцев из Могилевской губернии. В 1912 году сюда приехало еще несколько семей из той же Могилевской губернии, в том числе я с отцом. В 1919 году в деревне было уже 53 двора.

Помню, к нам приезжал Бич организовывать партизанское движение. Он ездил еще выше по Бирюсе — до Талой и Большой речки (Георгиевка⁶). Каждого добровольца Бич по-мужицки целовал. Он гневно относился к колчаковщине, и слезы выступали у него на глазах, когда вел гневную речь. Из наших преображенских много пошло в Конторку, а именно: Кухаренко Емельян, Кляус Архип Сидорович, мой брат Учакин Яков Артемьевич и другие.

Кухаренко Софрон Зиновьевич, 1905 г.р., добавил 29.VI.1962 г., что его отец переселился из Могилевской губернии. В 1908 году в числе первых переселенцев, когда Софрону было три года. Он же рассказал, что их семья — отец Кухаренко Зиновий (он же звался Семеном) Прохорович, мать Анна (мать рассказчика, жена Зиновия-Семена).

¹ Деревня Преображенка (переселенческий участок Тропа) основана в 1908 г. По данным на 1917 г., 31 переселенческое хозяйство, 216 жителей (121 муж. и 95 жен. пола).

² Деревня Сталино (Енисейский сельский Совета), в 1939 г. колхоз «Красный труд» (182 колхозника, 41 двор).

³ Деревня Ингашет основана 1902 г. По данным на (?), 548 жителей (297 муж. и 251 жен. пола), 91 переселенческое хозяйство.

⁴ Деревня Туманшет основана в 1900 г. По данным на 1917 г., 103 хозяйства (10 старожильческих и 91 переселенческое), 553 жителя (271 муж. и 282 жен. пола).

⁵ Деревня Еланка (Еланная ?) основана в 1906 г. По данным на 1917 г., 480 жителей (267 муж. и 213 жен. пола), 80 переселенческих хозяйств.

⁶ Деревня Георгиевка основана в 1909 г. По данным на 1917 г., 13 переселенческих хозяйств, 119 жителей (65 муж. и 54 жен. пола).

ИВАН ЕГОРОВИЧ КОЗЛОВ

**1897 г.р.,¹ бывший житель деревни Ингашет,
ныне проживает в деревне Енисейка.
Беседа состоялась 25 июня 1960 года.**

» Мой отец Козловский Егор (в Белоруссии мы были Козловские, а в Сибири стали Козловы), вдовец с детьми, переселился в Сибирь, в дер. Ингашет в 1905 году, где женился на девушке Соколовской, от которой было девять детей, а всего нас было пятнадцать сестер и братьев. Умер мой отец в 115 лет.

В Ингашете тогда было уже несколько дворов: Меренковы, Блохины, Морозовы, Осипенко, Базылюки. Вместе с нами приехал Морозов Фокий, тоже вдовец, женившийся на Домне Славинской.

В 1918 году я был мобилизован Колчаком, но в Канске мы устроили восстание и разбежались. В 1919 году к нам в деревню приехал Бич и провел собрание, записалось много добровольцев: я, Шемчук Василий, Петухов Иван Ефимович, Горегляды Василий, Максим и Никандр Никон, *Крышка Кондратий*, Федоров Константин, *Бурван Захар* и др. (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.). Мы заняли Серафимовку² (а сначала стояли на Лысой горе), разместились в школе. После отступления от Бирюсы мы тоже отступили из Серафимовки на пять километров в тайгу. В нашем отряде были тальские Премоглазов и Долгополов, а также Чекалов и Парошин. Командирами-организаторами были Василий Горегляд, Максим Горегляд, Офицеров Федот. Наш отряд участвовал в налете на ст. Тайшет, вышел и залег на 2-й Зеленой улице в кюветах, поджег почту (???). Все перечисленные, в том числе и я (кроме Федота Офицера), были в этом бою.

М. Г. был очень отчаянный, но с разведки всегда приходил в крови. Видно, безобразничал. Это он повез серафимовскую учительницу якобы в Шелехово, в штаб, а по пути исколол ее всю насмерть. Говорили, что он ее обворовал.

Однажды, когда отступали белые, в Ингашет пришел белый отряд. Максим (с браунингом) и я со Смитом пошли в деревню через Козин³. Зашли в Ингашете к его теще, та достала логушку (бочонок) самогона. Вдруг входят два солдата. Максим их распропагандировал. Они остановились напротив его тещи, у Василия Чечунова, там было еще двое. Все четверо ушли к партизанам с оружием и пулеметом.

Я зашел к отцу. У него сидит офицер, казак. Стал расспрашивать, откуда я пришел такой грязный. Я сказал, что с мельницы. «А может, от партизан?» —

¹ Умер 13 ноября 1981 года.

² Деревня Серафимовка основана в 1911 г. По данным на 1926 г., 74 хозяйства, 377 жителей (188 муж. и 189 жен. пола).

³ Деревня Козин основана в 1911 г. По данным на 1926 г., 21 хозяйство, 119 жителей (58 муж. и 61 жен. пола).

«Что вы, господин офицер!» — «Ну, то-то, не возись с ними. Вот скоро мы вернемся с Семеновым, все равно красным крышка».

Моего братишку Петра, лет восемнадцати, румыны избили до полусмерти, и он через три дня помер.

Бич, приезжая в Ингашет, останавливался больше всего у Федота Офицера (пожилой), Кондрата Крышки и Якова Дворяниновича. Все они были уже пожилые крестьяне лет по сорок — сорок пять. У Якова Дворяниновича сын Федор был партизан, а они в отрядах не были, а были как организаторы.

Помню, мой отец, еще приезжая ходоком в Ингашет, обещал Фокею Морозову, вдовцу, привезти вдову. Он-то и привез Домну Славинскую с тремя детьми (Христина и др.) и сразу определил ее к нему в дом.

Осенью 1918 года, уже по снегу, когда призывали 1899 год, при временном Сибирском правительстве, староста *Китаев Степан* (или *Жоров Тихон Степан*) (выделенное курсивом зачеркнуто. — Е. С.) собрал группу крестьян и объявил, что мы мобилизованы в армию, и направил в Канск. А там оказалось, что никакой мобилизации не было, и нас зачислили как добровольцев в 4-ю роту (меня, Петухова Ив. Ероф., Малащицкого, *Зачистку* Ивана, Бурвана Захара, Климкевича Степана Федотовича, 1897 г.р., Горегляда Максима, 1897 г.р., *Горегляда Александра* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.), 1900 г. р., Шелпука Василия (живет в Ингашете). В Канске я видел, как водили на расстрел дезертиров из 6-й сборной роты, в одном белье.

Однажды к нам в роту пришел какой-то гражданский и сказал, что в городе готовится восстание и чтобы мы сорвали с офицеров погоны и с оружием вышли на улицы. Один солдат так и сделал, Бурван Захарий, — толстый, жирный, хотел убить офицера камнем. Офицер убежал, а потом их собралось человек тридцать, и один бородатый полковник выстроил нас — увещевали, никого не наказали, но вскоре... половина разбежалось, убежали и мы: Иван, я, Петухов, Малащицкий, а Бурван остался и прибежал в деревню позже (он тогда болел и лежал в госпитале).

Мы приехали в Тайшет, переночевали в заезжем доме у Иона Ивановича, женатого на тетке Путухова, а потом направились в свою деревню. Хозяин заезжего дома был старик. Климкович убежал еще раньше нас, а Горегляды и Шемчук позже, но не вместе с Бурваном.

Все мы были в партизанах, но в Бирюсе и Конторке никто не был. В Шелехово был штаб и ревком (Офицеров, Кры...?) Филипп Елисеевич, Евсеев, покровский, который лил пули), лагерь на Лысой горе за Шелеховой, а потом в Серафимовке с отрядом в пятьдесят-шестьдесят человек. Ходили на линию железной дороги в районе ст. Байроновка и деревень Андреевская, Аненская. После отступ. Белые сожгли в Серафимовке два дома: дом отца партизана Павла Быкова и братьев Козловых, Григория и Степана, которые жили с отцами.

МАРФА АНДРЕЕВНА СИДОРОВА

(урожденная Яхновецкая)

1905 г. р., беседа состоялась 13 июня 1960 года

В 1919 году наша семья жила в казарме на ст. Суетиха, где мой отец, Яхновецкий Андрей Емельянович, работал не то артельным старостой, не то старшим рабочим пути при дорожном мастере Соболевском Сергее. Семья у нас была большая: отец, мать, Ефросинья Григорьевна, я, самая старшая из детей, братья: Емельян (Омелька, единственный из всех небольшого роста, коренастый крепыш, 1908 г.р.), Петр 1911 г.р. и Виктор 1916 г.р.

В той же казарме, в комнате рядом с нами жил Арсений Бич с женой Дарьей и двумя детьми: Иваном, старше меня на три года, и Верой, 1907 г.р.

Одно время жил и работал на ст. Суетиха и Иван Андреевич Бич. Поэтому я лично очень хорошо помню его в лицо. До переворота, в советский послеоктябрьский период, И. А. Бич работал в Красноярске. Это я знаю точно, но где и кем — не знаю. Семья Арсения Бича и Ивана Бича были нашими друзьями. Жену Ивана Андреевича Бича звали Марфой — моя тезка! У них были дети (по старшинству): Вера, Ульяна, Юлий, Лиза и Рая, да пожалуй, еще двое.

Еще был один хороший друг нашей семьи — механик Жоголевского лесозавода в Суетихе Строгонов Василий Андреевич, приезжий, старый большевик, подпольщик, оказавший большое влияние на самого Бича и моего отца (он жил на заводе с 1915-го до 1919 года). Жил он с матерью, Вассой Ивановной. Они происходили из богатой семьи, мать его всегда одевалась как барышня. На ст. Суетиха жила и сестра Бича Елена Андреевна.

Когда началось партизанское движение, Соболевский стал предателем, обо всем доносил чехам. У него была племянница Надя, очень красивая барышня, и чехи пропадали у них. При отступлении они увезли ее с собой, а потом в пути выбросили где-то в завязанном мешке, так она и замерзла насмерть.

Я хорошо помню первый бирюсинский бой. Главный бой произошел на болоте напротив Суетихи. На станцию прибыли эшелоны белых, главным образом башкиров, все кривоногие, небольшого роста, именовавшие себя «уфимская стрелка». Они все были в сапогах, не выпускали из рук нагайки, нахлестывали ими по голеницам. Их-то и больше всего и полегло на болоте у горы, которая и сейчас называется Татарской горой. Я помню, как грузили платформы трупами людей и лошадей. Было много раненых, некоторые умерли тут же, на станции. Пало несколько раненных лошадей.

Помню, однажды к нам явились люди в масках. Я стала плакать, тогда один сбрасывает маску и говорит: «Ты что, Марфенька, не узнала дядю Ивана?».

Это был Иван Андреевич Бич. Они пришли за моим отцом, чтобы увести его в отряд, т.к. ему грозил арест за связь с партизанами. Когда отца увезли, мы уехали в дер. Сполах. Многие сполохинские работали на станции, почти все участвовали в вывозке оборудования и инструментов с завода в Конторку и Бирюсу для ружейной мастерской. Поэтому мы там и укрылись, остановив-

шись у Антошина Игнатия. Маму.. все выдавали за вдову. Но вот как-то мама надумала пойти в контору железной дороги в Тайшет получить зарплату за отца. Приходит и слышит голос Соболевского: «Если придет Яхновецкая, не давайте ей денег, а сообщите куда следует, чтоб ее забрали». Мама без оглядки повернула назад.

Однажды, по большой шуге, отец пришел в деревню и кричит через протоку, чтобы ему лодку подали. Переехал и только пришел домой (мы жили на заимке Антошина), как едут конные чехи. Отец убежал и больше не приходил, а вернулся в 1920 году, когда подошла Красная армия, с которой он дошел только до Нижнеудинска.

Когда происходил тайшетский бой, я жила в Тайшете на квартире у тетки Деменцевичихе у элеватора, т.к. училась в школе (вместе со мной учились Иван и Вера Арсения Бича). Восьмого мая, чуть стало светать, слышим стрельбу, выбежали на улицу, видим, чехи выскакивают из вагонов и залегают за насыпью. В вокзале тогда сгорело три человека, в том числе одна девушка-телеграфист. Валялось много убитых, кулаки, купчики и разные предатели издевались даже над убитыми: кому в руки калачи воткнут, кому в рот всякой гадости натолкают.

При отступлении группа партизан забежала во двор к старику Тарасычу и спряталась в стожке сена. Чехи поискали и стали уходить, а дед говорит: «Что же вы плохо ищите, там их немало сидит». Чехи вытащили партизан и на месте пристрелили.

В тот же день, 8 мая 1919 года, были взяты и расстреляны в Тайшете Арсений Бич и Дмитрий Раткевич. Тетка Елена не нашла их трупы.

Я помню, в те годы народ сложил частушки:

Русский с русскими воюют,

Чехи сахаром торгуют.

Строгонова тоже арестовали, увезли в Тайшет, дали 75 плетей и хотели повесить. Спас случай. Из проходящего поезда вышел генерал, который оказался знакомым Вассе Ивановне, она и бросилась к нему с мольбой. По его указанию Строгонова отпустили, и он сразу уехал в Иркутск и там жил под именем Иванова Ивана Ивановича на Мыльниковской улице¹, а работал в курбатовской бане². Он очень любил меня и в письме написал, чтобы мама

¹ Улица Чкалова (до 1920 года — Мыльниковская) — улица в Правобережном округе города Иркутска. Находится в северо-западной части исторического центра. Одна из магистральных улиц города [Электронный ресурс] // Иркипедия.ру.

² Когда-то земельным участком, на котором позже были воздвигнуты Курбатовские бани, владел городской голова Владимир Сукачев. Именно ему и принадлежала идея строительства на самом берегу Ангары народных бань. Замысел воплотили в жизнь известные иркутские домовладельцы Николай Курбатов и Григорий Русанов. 17 мая 1910 года они обратились в городскую управу с прошением разрешить возвести второй этаж над номерными банями и пристроить каменный бассейн к дворянским баням. После 1917 года бани были муниципализированы. В советские времена, именуемые в народе Курбатовскими, они получили порядковый номер 3 и были переданы тресту городских бань [Электронный ресурс] // Иркипедия.ру.

отправила меня к нему. И вот я и Емельян с узелками поехали к нему, но не нашли, т.к. спрашивали не Иванова, а Строгонова. Чуть не подвели.

Когда Иван Андреевич Бич сидел в одиночном вагоне (теплушке) — столик, постель, голова перевязанная, рука на темляке, обросший, стал похож на Арсентия, — я ходила с мамой и тетей Леной на свидание к нему. У Елены Латышевой долго еще хранилось его предсмертное письмо.

Повесили Бича не публично, а тайком, в три часа ночи. Я ходила смотреть — он висел пять дней. В белом белье, высунутый язык. А потом я же ходила с Еленой хоронить его. На пятые сутки чехи обрезали веревку, да так с толстой петлей на шее и концом в аршин и бросили в ледник — он валялся на полу страшный, изуродованный. Это было еще по теплу. Рассказывали, что чехи не хотели вешать его, а местные богатеи настояли — упоминали купцов Малышева, Ларина, Онуфриева и др.

Бич был близоруким, полный и круглолицый, ходил в очках.

Елена Латышева (Бич) заставляла нас.... подбирать патроны, а потом отнимала и передавала партизанам. Уже был сын Федя лет... Елена была молода, красива, небольшого роста, полная, светлоглазая, волосы темно-русые, гулей на затылке, всегда убраны. Акцент русский.

Юлий Бич погиб в Отечественной войну. Вера, по мужу Попова, учительница, живет в Новосибирске, Лиза и Рая — в Белоруссии (кажется, в Бресте). Некто Владимир Брюшков, именующий себя племянником Бича (а скорее всего внук), живет в Минске. Его мать работает там учительницей. (Лиза или Рая?) Вера Ивановна Бич работает и живет в Бердске Новосибирской области. У нее воспитывалась племянница, дочь Ульяны Ивановны Бич.

ИОСИФ СЕМЕНОВИЧ БОЖОК

**Бывший житель деревни Бувальчик¹,
Беседа состоялась 30 мая 1960 года**

Деревня Бувальчик находится в восьми верстах (около десяти верст) от Авдюшино² на юго-запад. Ближайшая от Бувальчика деревня — Покровка (Догадаевка). От Бувальчика до нее 5 верст, до Троицка — 6—7 верст, до Луки — 9—10 верст. В 1919 году в Бувальчике было 28 дворов, деревня в один ряд, со стороны въезда с Авдюшино начинал второй ряд строиться. В двух верстах протекает ручей Луговка (речушка), а прямо у деревни по пади — ключик. В те годы на Бувальчике жили Ястремский Семен (мой дядя, родной, брат моей матери), Божок Семен... (мой отец), Макруха... Емельянов, Конончики. «

¹ Деревня Бувальчик вблизи Авдюшино, участка Осинники основана в 1908 г. По данным на 1926 г., 17 хозяйств, 98 жителей (51 муж. и 47 жен. пола).

² Село Авдюшино основано в 1898 г. переселенцами-украинцами. По данным на 1926 г., 119 хозяйств, 625 жителей (329 муж. и 296 жен. пола).

СЕМЕН КОНОНОВИЧ ЯСТРЕМСКИЙ

**74 года, старожил деревни Бувальчик.
Беседа состоялась 2 июня 1960 года**

Деревня основана в 1908 году переселенцами из Орловской и Волынской губерний. Орловские: Кохановы, Сандул и др. Волынские: Цверкун, Кончицы, Кузьменко Иван, Ястремский Конон, Макуха, Божок Семен и др. В 1917 году прибыли из Псковской губернии семьи Емельянова Григория, Емельяна Василия, Смирнова, Осиповых (всего пять семей). Емельянов Григорий тут же вскоре скончался, оставив шесть детей, самому старшему из которых, Степану, было 10 лет (1908 г.р.).

Партизан из наших крестьян не было. Григория Макуху мобилизовали партизаны, но после сожжения Конторки и Бирюсы он вернулся домой. При мобилизации он не хотел идти в партизаны, но ему пригрозили военным трибуналом.

Наезжали к нам чехи и румыны. Едут ловить партизан, сами боятся. По пути все время стреляют из пулеметов — отпугивают партизан. Разместятся ночевать по избам и по одному дежурят. В нашей избе ночевали четверо: трое спят, один ходит с ружьем по двору, выходит за ворота или сидит с оружием в руках за столом. В других избах ночевали по десять человек.

Попом при белых в Авдюшиной церкви был Масляков, который в советские годы отказался от церкви. Его сменил отец Непряха (Неряха), ходил в грязной рясе, подпоясанной веревочкой. Его убил Абрам Петренко, который признался в этом только перед смертью на исповеди.

(В беседе принимала участие жена, Ястремская Ульяна Ивановна, 64 лет, урожденная Кузьменко. Старик играет на старенькой скрипке, жена — с бубном. Раньше и дети играли. Ястремский маленького роста, тип цыгана.)

Старожилы, ныне живущие в Авдюшино:

1) Ястремский Ив. Кононович, 1893 г.р., участник германской войны, вернувшийся с фронта в 1918 г.,

2) Негриенко Деомид Тимофеевич, 1893 г.р.,

3) Ястремская Федора Макаровна, 1894 г.р., жена Ивана Кононовича,

4) Негриенко Матрена Михайловна, 1902 г.р.,

5) Рудюк Анисья Митрофановна, 66 лет,

6) Радюк Александр Степанович, 1888 г.р.,

7) Андрейчук Акси́нья Ивановна, 63 года,

8) Рудюк Агафья Ивановна, 67 лет,

9) Негриенко Меланья Петровна, 1900 г.р. (Миля Драгонивская — Петренко, вторая жена Федора Негриенко).

У Самона Крячика была клуня¹, где молотили и другие.

Демка Негриенко женат на Козодоихе.

¹ Клу́ня (рига, гумно, мякинница, евня) — хозяйственная постройка для молотбы и хранения хлеба.

ВАСИЛИЙ СЕМЕНОВИЧ КРЯЧЕК

1911—1962 гг., коренной житель деревни Авдюшино,

младший из братьев Крячек — партизан.

Беседа состоялась 29 мая 1960 года

Мне было восемь лет, когда, в 1919 году, погибли мои братья партизаны Григорий и Марко, а всего у нас было шесть братьев и пять сестер, которые по старшинству располагались так: «

- 1) Григорий (самый старший),
- 2) Дарья (за Бельницким Федотом),
- 3) Марко, лет 22—25,
- 4) Татьяна,
- 5) Акулина,
- 6) Никон (Николай) не партизан,
- 7) Емельян, партизан, заболел в Бирюсе, умер при советской власти,
- 8) Евдокия,
- 9) Нюра (Анна), 1910 г.р.,
- 10) Василий, 1911 г.р.,
- 11) Михаил, 1914 г.р. (умер в 1945 г.)

Отца нашего звали не Семеном, а Самоном, и всех нас по-уличному — Самонами, а мать — Самонихой. От Авдюшино до Гавани — 6 верст, до Бувальчика — 10 верст, до Луговского — 6 верст.

Из рассказов родителей и всей деревни я знаю, да и сам кое-что помню, хотя и был ребенком, что настоящими партизанами из авдюшинских крестьян были три моих брата, особенно Григорий и Марко, а кроме них:

- 1) Готовый Вартолий Максимович (повешен),
- 2) Баран Куприян (повешен),
- 3) Готовый Андрей Максимович — погиб в Бирюсе,
- 4) Негриенко Деомид Тимофеевич (Дёмка, живет сейчас в Авдюшино),
- 5) Негриенко Федор Тимофеевич,
- 6) Ляшко Семен,
- 7) Бельницкий Перфилий Лаврентьевич.

Все они были в отрядах в Конторке и Бирюсе, участвовали в боях, но после отступления многие из них не пошли в Шиткино, а остались скрываться в тайге вокруг села Авдюшино. Во всяком случае, с уверенностью могу сказать только о двоих, которые ушли со всем фронтом на низы, это мой брат Марко и Негриенко Федор. И Бельницкий Перфирий (дописано: «Степан Негриенко». — Е. С.).

Летом 1919 года, перед Петровым днем, в июне мой брат Григорий, Готовый Вартолий, Баран Куприян и Ляшко Семен пришли ночью в деревню помыться в бане. Пришли они тайком, но в деревне были предатели, которые выслуживались перед чехами, главный из них К.Д., еще доносчик У.И. и другие (говорили такое и про писаря Б.Н.). Они быстро разнюхали и ночью же сообщили в комендатуру на ст. Суетиха, а оттуда позвонили в Тайшет и рано утром деревню окружили чехи.

Помню я, мой сверстник Ванька Цукало и другие, как всегда с утра пошли в свой балаганчик, который смастерили на берегу протекающей по деревне Луговки. Румыны никого не выпускали из деревни, ходили по всем домам. Трое подошли к нашему балаганчику и кричат по-русски, хорошо: «Выходи все!».

Мы перепугались, и никто не вылезает, а те боятся сунуться в балаган — там темно, думают, что сидят партизаны вместе с ребятишками. Позвали взрослых, те нас вытащили.

Тогда и забрали всех четверых партизан, а с ними и Ладченко Степана, который в отрядах не был, а находился все время в деревне, делал для партизан гильзы, ремонтировал оружие. Всех пятерых увезли в Тайшет и там повесили. Мой отец с другими ездил снимать их с петли по разрешению начальства. Их привезли в Авдюшино и здесь похоронили. Рассказывают, что, когда их вешали, Куприян Баран дважды обрывал петлю, он был очень большого роста и здоровый детина. Их сняли с петли на Петров день (29 июня?), после Троицы.

Марчан Иван был повешен не с ними. Он тоже, как Ладченко, в отрядах не был, а служил на железной дороге. Его поймали, когда он ломал путь, и повесили осенью прямо на дереве у железной дороги, гораздо позже тех пятерых. Нет, в Тайшете — и раньше!

Осенью же 1918-го (исправлено на 1919 г. — Е. С.), в пору уборки гречихи, в деревню тайком приехали мой брат Марко, Михаил Жичкин и еще трое или четверо партизан, в т.ч. луговской Ляшко Яков. Они приехали специально для того, чтобы казнить предателя К.Д. Отец уговорил Марко не марать рук, но Марко сказал, что он должен отомстить за смерть брата.

К. всегда носил с собой маузер и наган. Когда партизаны подкрались к месту, где он работал, увидели мешочек, взяли его, и там оказался маузер. Потом они подкрались к сосняку, где был К., и взяли его. У того выступил пот на лбу. «Упарился, беги, водички попей», — сказали ему. Он стоит. «Беги!» — взвелели на него ружья партизаны.

Побежал. Первым выстрелил Марко, и предатель схватился за правую руку, но продолжал бежать. Затем стреляли другие, но он все бежал. Последним стрелял Яков Ляшенко — и тот упал. Подбежали, думали, что прикинулся, но он был мертв. Тогда его столкнули в ручей. Пять выстрелов слышали мужики и догадались, в чем дело. Но только вечером, видя, что К. не вернулся, пошли свои и нашли его.

На похороны никто не пошел, а когда похоронили, на другой день с его могилы оказался снятым крест и воткнут осиновый кол.

Зимой Жичкин привел отцу серого коня брата Марко, на котором он был убит в бою под Тракт-Кавказом. Но отец отказался взять, сколько ни уговаривали, а партизан Федор Негриенко привез часы брата. *С ними приезжал и Матвей Критинин, в шапке с длинными ушами, их командир* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.).

Негриенко Дёмку тоже однажды поймали чехи или румыны и избили плетью, но, не зная, что он партизан, отпустили. У его отца в доме искали оружие, и офицер сказал: «Если найдем хоть один патрон — расстреляем». А у

него на бровке лежали два охотничьих патрона, но старику удалось их незаметно взять и бросить в золу в печь.

Был у нас еще один партизан Демченко Осип, который участвовал в отрядах до отступления из Бирюсы. Таким образом, к партизанам можно причислить человек десять из нашей деревни:

Крячек Григорий Семенович,

Крячек Емельян Семенович (он заболел и долго лежал в Тайшете в больнице, и когда брали Григория, его не было),

Крячек Марко Семенович,

Баран Куприян (пожилой),

Готовый Ватолий Максимович,

Готовый Андрей Максимович,

Негриенко Демид (жив) (имя зачеркнуто Черневским. — Е. С.),

Негриенко Федор,

Ляшко Семен (имя зачеркнуто Черневским. — Е. С.),

Бельницкий Перфилий Лаврентьевич,

Ладченко Степан Михайлович,

Марчан Иван Карпович,

Демченко Осип Игнатьевич,

? Григорий (в Бирюсе, но недолго),

Омельченко Харитон — недолго,

Готовый Матвей,

Кваша...

Авдюшинский поп Непряха (Неряха) дружил с листовянским помещиком Лукашевичем Семеном. Бельницкий Перфирий ночью зашел со двора, постучался и сказал: «Письмо от Лукашевича». Поп открыл дверь, и Бельницкий выстрелил в него из смита. Поп свалился замертво.

Что касается осинниковских партизан Андрейчука Петра, Омельченко Харитона... Омельченко Харитон был и осинниковским и авдюшинским, партизанил недолго.

Мой брат Марко был вторым по старшинству из братьев (после Григория), но он уже отслужил в армии, где был командир эскадрона — кавалерист. Сначала он скрывался в деревне вместе со всеми, то есть не в деревне, а в тайге. Я помню хорошо, как после майского разгрома Бирюсы и Конторки он, Григорий, Данченко Осип, *Негриенко Демка* (выделенное курсивом зачеркнуто. — Е. С.) ночью прискакали в деревню. У Марка было настоящее седло, а у Демки Негриенко потник. И сразу опять ускакали в тайгу и долго не показывались. В облаву попал и Марко, но он отделался только плетьюми. А потом приехал Жичкин и сказал ему: или иди в отряд, или сдай оружие. Тогда они казнили К. и ушли. У Марко был клинок, карабин и наган.

(28.III.61 г. Негриенко Демид Тимофеевич в беседе со мной сам заявил, что в отрядах он никогда не был, а только помогал готовить патроны и рыть окопы.)

Негриенко Демид Тимофеевич, 1893 г.р., брат его, Федор Тимофеевич, в Шиткино не был, а был только один Марко Крячик (дописано Черневским: «Был! Был!». — Е. С.). У Ладченко Степана Михайловича был сын Иван, 1908 г.р.,

дочь *Александра Степановна* (выделенное курсивом зачеркнуто. — Е. С.), Анна четырех лет. Ястремский Иван Кононович, 1893 г.р., в 1918 году вернулся с фронта. У Ляшенко Семена был младший брат Самуил.

Беседа 6 июня 1961 года

Образ Марко: лет 22—25, служил в армии кавалеристом, холост. Высокого роста, брюнет, не очень плотный, а скорее поджарый, сильный, круглолицый, а Василий с продолговатым лицом.

Федор Негриенко ранен в ягодицу в том же бою, в котором Марко был убит. Он зимой, уже после Жичкина, приехал и привез часы и синие брюки Марко, а до этого приезжал Жичкин с двумя партизанами и с ними серый конь Марко без седока, но с седлом. Все стояли у Крячиков (ночевали), а кони во дворе. Этого коня они увели обратно, т.к. отец его не взял. Долго беседовали с отцом, ужинали, мать (Матрена Игнатьевна) плакала, а Жичкин сказал: «Не плачь, мать, не воротишь». Он был в вязаной (плетеной) шерстяной шапке с ушами длинными, до пояса, серого цвета.

Марко в партизанах был в серой папахе, которую привез с фронта. До партизан он работал продавцом в Авдюшино. С Жичкиным ушел прямо с поля, где у него были карабин и револьвер. Марко был убит где-то у моста! Его конь — авдюшинский, был мобилизован у Сазона Якущенко («А Исак Фомич?») — вписано Черневским позже. — Е. С.).

Ладченко Степан и Нигрей Степан делали для партизан лыжи и лили пули, ремонтировали оружие.

ОНУФРИЙ ЛАРИОНОВИЧ ПОПОВ

**1893 г.р., бывший житель деревни Покровка (Догадаевка),
ныне проживает в деревне Енисейка. Старожил.
Беседа состоялась 28 мая 1960 года**

Мы переселились из России в Сибирь в 1911 году — в дер. Догадаевку Шелеховской волости, где тогда было уже 100 дворов. Переселенцы, прибывшие раньше нас, в 1905 году, селились уже далеко от края, так что деревня возникла давно, в 900-х годах. К 1917 — 1920 гг. в ней было ровно 110 дворов, и она тянулась почти две версты.

В 1914 году меня взяли в солдаты, и я попал на австрийский фронт. В первых числах июня 1915 года 16-й Финляндский полк, в котором я служил, окружил г. Перемышль, где стояла 45-тысячная армия (мадьяр), и после длительной осады город сдался. Там оказалось 40 тысяч русских пленных, которых мы освободили, а 45 тысяч мадьяр взяли в плен. Но едва мы заняли город, как пришел приказ отступать, и 15 июня 1915 года мы были уже в г. Станислове. Здесь я вместе с 150 солдатами попал в плен к мадьярам и полякам.

Во время плена я побывал в разных местах, ездил в Вену за шпалами, а потом работал в г. Ярославле у графа Потоцкого в сольварке, в тридцати верстах от Перемышля. Потом меня увезли в итальянскую Тироль, откуда я и сбежал с группой пленных. (Еще при пленении из ста пятидесяти человек тридцать мадьяры закололи штыками.)

После долгих скитаний пробилась через линию фронта, но на Украине нас снова захватили немцы, которые пришли на помощь украинским буржуазным националистам, а в Орше (?) они передали нас советскому командованию, которое отпустило по домам.

В Сибири были уже чехи и белогвардейцы, и мы через Тюмень, не раз задерживаемые, пробрались на родину (через Курган, где нас допрашивали). Когда я пришел в свою деревню, пшеница в поле была до колен, не большая (в июне или в июле 1918 года).

В конце 1918 года, зимой, в Покровку приехал Бич и остановился у пожилого крестьянина, старого солдата Софронова Ивана, по прозвищу Иван Рыжий, с которым он был знаком раньше. В доме Софронова собрали тайно молодежь и фронтовиков, был и я. Изба была полна.

Бич объяснил крестьянам, что такое колчаковщина, и призывал нас вступить в партизанские отряды. Записался и я. В это время приехали чехи, Бич скрылся, и все разбежались. Но все же в партизанские отряды в Бирюсу и Конторку позже пошли:

- 1) Захаров Иван;
- 2) Шлапунов Яков, эти двое старше меня, ополченцы;
- 3) Платонов Яков, 1894 г.р., моряк-фронтовик призыва 1913 года (Черневский: «Нет». — Е. С.);
- 4) Шиманов Филипп, 1893 г.р., фронтовик, только в своей деревне;
- 5) Евсеев Филипп, фронтовик, был даже помощником у Бича, но потом

у них произошла какая-то ссора, и Евсеев вернулся. После прихода красных он был первым председателем Шелеховского волревкома (или волисполком). Бывший унтер-офицер:

6) Попов Митрофан Ларионович (мой брат, лет на пять младше меня);

7) Капустин Емельян (однажды, когда он пришел домой, появились чехи, но он убежал через окно).

После отступления от Бирюсы и Конторки большинство наших вернулось и скрывалось дома и в тайге, а также ушли в Серафимовский отряд. В это же время, летом, у нас жил в Покровке партизан Жичкин. Он стал наводить порядок в Серафимовском отряде, оттеснив Василия Горегляда. Жичкин созвал общее собрание крестьян Шелеховской волости совместно с партизанами. Меня общество выделило делегатом, и я ездил в Ингаш. Съезд происходил... Во время съезда сообщили, что идут чехи. Жичкин приказал разойтись и спрятаться. Я отдал свою хорошую одежду Бурвану Захарию, а сам переоделся в... и остался в доме.

Однажды был такой случай: чехи ехали в Ингаш и послали вперед себя нашего покровского крестьянина И.Ф., велели передать партизанам, что их ждет на горе Бич. Тот так и сделал. Партизаны послали небольшую группу, которая пошла не трактом, а тайгой, и увидела на горе залегшую чешскую засаду. Вернулись в Ингаш и сообщили об этом.

Это было между Шелехово и Ингашом. Позже, когда чехи ушли из Шелехова, в Покровку прибыл отряд партизан под командой рождественского Шпака Петра Онуфриевича. Собрали на сход всех крестьян и сообщили, что наш житель И.Ф. предатель и что его надо казнить. — этого требуют интересы революции, и пусть крестьяне дадут согласие. Вынесли постановление схода и увели И.Ф. в ельник к протоке, где и расстреляли. Вся деревня — кто на заборе, кто на воротах — смотрела, как вели на расстрел односельчанина, а когда раздался выстрел, все бросились к ельнику, посмотреть. Партизаны решили, что крестьян кто-то поднял на протест и расправу над ними, и бросились вплавь через протоку — скрылись. Крестьяне похоронили И.Ф. вместе с его дочерью, умершей накануне.

В дни, когда фронт стоял в Конторке и Бирюсе, я не раз ездил с обозом и возил продукты партизанам. Однажды, когда я, Софронов Иван и камышлеевский... проехали еловский переезд, нас обстрелял броневик, но мы все же привезли продукты. Обрато нас направили в сопровождении отряда лыжников, которые охраняли обоз по обе стороны, через Новониколаевку на Получеремховский переезд. Когда мы проезжали переезд, снова появился броневик, но мы прорвались, а партизаны вернулись (камышлеевского убило, а коня его ранило на Еловском переезде).

Помню, Жичкин, когда он появился у нас и кто-то напал по злобе на Софронова Ивана, стал выяснять и чуть не пустил в расход нападавшего, но все выяснилось, и его не тронули. В частности, он приходил ко мне в Светлый¹

¹ Светлый — переселенческий поселок, основанный в 1908 г. По данным на 1929 г., 24 хозяйства, 113 жителей (61 муж. и 52 жен. пола).

(это деревушка дворов пятнадцать в пяти верстах от Покровки) и там разговаривал со мной об этом.

Наши партизаны, действовавшие в верховьях Бирюсы, в период партизанского движения (в его разгар) не проявили большой активности, зато при отступлении белых, которые непрерывно, небольшими группами двигались по всем дорогам, создавали для них невозможные условия для продвижения, истребляли их и отбирали награбленное народное добро.

Надо сказать, что белые шли со всех концов, главным образом с трех точек: с Тинской, Юрт и Венгерки. С Тинской шли по Тинскому тракту, через Туманшет, Камышлеевку², Светлый и по Ингашскому тракту на Рождественку³, а затем на Ингаш, Шелехово, Талую⁴ и Тымбыр. С Юрт по маршруту: Новониколаевка, Карпуз — Перевоз⁵ — Покровка — Рождественка и т.д. С Венгерки — на Сахатово⁶, Луку⁷ и Покровку и т.д.

Однажды мы сидели в доме и играли в карты. Входят несколько офицеров и две дамы. «Кто такие, чем занимаетесь». — «В картишки играем».

Остановились на обед. Мы разошлись. А вперед на Ингаш, где засели партизаны, пошел связной партизан. Когда отряд белых, человек пять, остановился в Рождественке, налетели партизаны и уничтожили всех до одного, в том числе двух женщин и одного одетого в крестьянскую одежду, выдававшего себя за мобилизованного возницу. Трупы вывезли верст за пять к болоту и сбросили в снег. Вскоре наш покровский крестьянин Максим Филиппов поехал за сеном на рождественские поля, и конь его наткнулся на трупы. Максим вернулся без сена от страха.

Помню, когда возвращался из плена, в Канске нас задержали. Тогда же чеки задержали и разоружили в Канске эшелон немцев и мадьяр, ехавших с востока в Челябинск, и выгрузили всех их имущество, обмундирование и продукты. Двух немецких офицеров, которые ратовали за Вильгельма, расстреляли в городе.

Во время отступления белых крестьяне угоняли скот, особенно коней, в тайгу. У Луки в тайге собрались табуны лошадей с разных деревень. С покровскими лошадьми был и я. Партизаны с Луки Белокопытов Семен и Требушев-

² Деревня Камышлеевка основана 1903 г. По данным на (?), 50 переселенческих хозяйств, 347 жителей (174 муж. и 173 жен. пола).

³ Деревня Рождественка (Щетиновка) основана в 1825 г. По данным на (?), 67 хозяйств (37 старожильческих и 30 переселенческих), 361 житель (194 муж. и 167 жен. пола).

⁴ Деревня Талая основана в 1817 г. По данным на 1917 г., 179 хозяйств, 882 жителя (439 муж. и 443 жен. пола).

⁵ Деревня Перевоз основана в 1908 г. По данным на (?), 10 хозяйств, 47 жителей (24 муж. и 23 жен. пола).

⁶ Деревня Сахатово (Троицкая) основана в 1900 г. По данным на 1917 г., 65 переселенческих хозяйств, 430 жителей (210 муж. и 220 жен. пола).

⁷ Деревня Лука основана в 1908 г. По данным на 1917 г., 16 хозяйств, 95 жителей (48 муж. и 47 жен. пола).

ский Иван поймали конного офицера, не то это был ехавший на разведку с Венгерки (на верхней Луке). Сняли с седла, завели к Требушевскому. Офицер сказал, что он шел на соединение с партизанами. Его повели будто бы в штаб по Винту и там расстреляли.

Я знаю, что сначала [начальником] ст. Юрты при чехах был Беляев... с Рождественки, которого чехи чуть не застрелили, когда партизаны пустили поезд под откос. С ними тогда работал на железной дороге Бойков, который и сейчас живет в Енисейке. Он многое может рассказать про то время.

По уточнению бывшего жителя Камышлеевки, камышлеевский мужик Николай Карпов был убит с броневика на Еловском переезде на обратном пути, когда ехали двенадцать подвод камышлеевских с дежурства (подстроя) и мужиков из других деревень с ними не было.

Камышлеевка в 1911 году состояла из десяти дворов, а в 1919-м было дворов шестьдесят. В 1917 году — 50 дворов.